

**МЕЖДУНАРОДНАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ КАВКАЗА»
(I тыс. до н.э. – середина I тыс. н.э.),
ПОСВЯЩЁННАЯ 85-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВИДНОГО
АРХЕОЛОГА-КАВКАЗОВЕДА Г.К. ШАМБА**

АБИГИ
Акуа-Сухум
2021

УДК 001
ББК 72.5(5А6х)-8я431
М 43

Редакционная коллегия:

К.филол.н. А.Э. Ашуба, акад. О.Х. Бгажба,
к.и.н. А.И. Джопуа (глав. редактор), к.и.н. В.А. Ньюшков
(отв. за изд.), н.с. Г.А. Сангулия, к.и.н. И.И. Цвинария

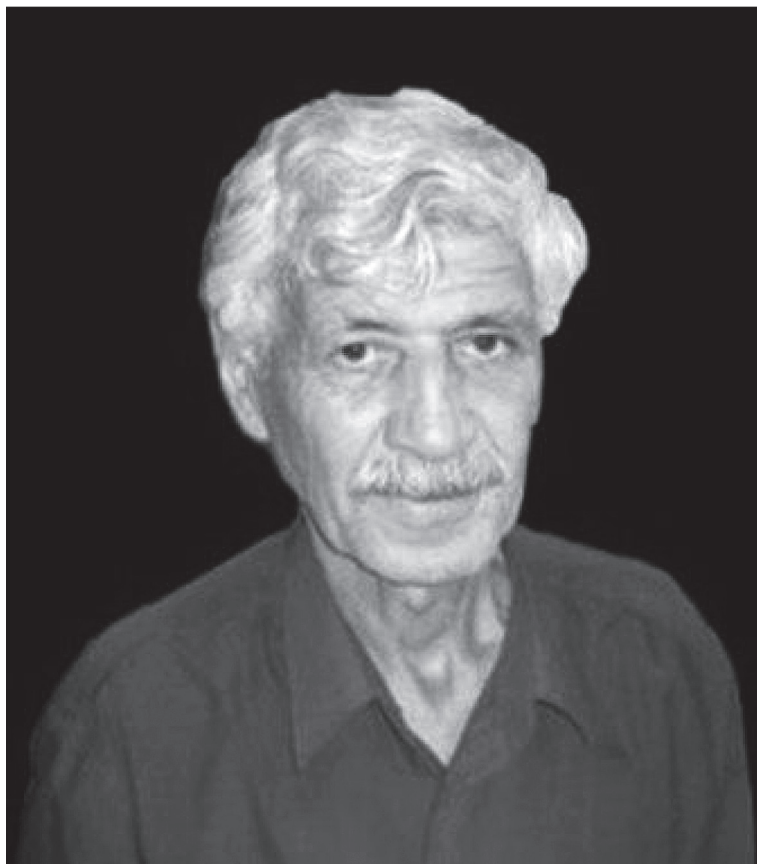
«Проблемы изучения памятников материальной культуры Кавказа (I тыс. до н.э. – середина I тыс. н.э.)». Сборник материалов международной археологической конференции, посвящённой 85-летию со дня рождения видного археолога-кавказоведа Г.К. Шамба (21–22 ноября 2019 г., г. Сухум). Акуа-Сухум. 2019 г.

Г/р 978-5-111-51-10022

В настоящем сборнике публикуются материалы докладов, которые были представлены на международной археологической конференции, посвящённой 85-летию со дня рождения видного археолога-кавказоведа Г.К. Шамба. Труды этого замечательного учёного вошли в золотой фонд археологической науки Кавказа. Конференция прошла 21-22 ноября 2019 г. в г. Сухуме (Республика Абхазия).

Сборник адресован археологам, историкам, преподавателям и студентам, а также всем, кто интересуется археологией и историей Абхазии и Кавказа в целом.

© АБИГИ им. Д.И. Гулиа 2021

ГЕОРГИЙ КУЧИЕВИЧ ШАМБА
(1934 – 2006 гг.)

СОДЕРЖАНИЕ

Цвинария И.И.

Жизненный путь и научные достижения видного деятеля
науки – археолога Г.К. Шамба..... 7

Бгажба О.Х.

Сравнительно-технологическая характеристика
железообрабатывающего производства у племён
колхидо-кобанской культурно-исторической общности 13

Джоуа А.И., Ньюшков В.А.

Памятник Ахаччарху в работах Г.К. Шамба 18

Прокопенко Ю.А.

Новые находки сасанидских гемм в Предкавказье (дополнение
к каталогу сасанидских гемм из памятников Северного Кавказа)..... 25

Шаров О.В.

Мечевидные и четырёхгранные наконечники копий цебельдинской
культуры: опыт пространственно-хронологического анализа 32

Скаков А.Ю., Джоуа А.И.

Поселение эпохи раннего железа на горе Джантух в Абхазии
(предварительные результаты работ 2016–2018 гг.)..... 54

Бгажба О.Х., Кайтан Ш.Г., Счастный Д.А., Авидзба Д.З.

Новейшие археологические исследования памятников
Юго-Восточной Абхазии (Галский район)..... 70

Вольная Г.Н.

Об одном типе серёг-подвесок середины I тыс. до н.э.
из памятников кавказа 77

Сакания С.М., Требелева Г.В.

Келасурский монастырский комплекс 88

Аргун А.В.	
Опыт применения комплекса методов для датировки объектов Анакопийской крепости.....	95
Кудин М.И.	
Точка пересечения движения Луны и Солнца в астрономических направлениях дольменных памятников Причерноморья.....	106
Хондзия З.Г.	
Археологические открытия на участке Куча Лакрба в с. Куланьрхуа.....	117
Барцыц Р.М.	
Лзаатәи, изаатәу ақырсиантә уахәама археологиатә тцаарақәа....	122
Пачулия В.М.	
Г. К. Шамба о датировке основания древнего города Диоскуриады.....	127
Резепкин А.Д., Поплевко Г.Н.	
Майкопская и новосвободненская культуры – культурно-генетические отличия	131
Сангулия Г.А.	
Типологические особенности гениохского общества Абхазии VI-I вв. до н.э.....	145
Сведения об авторах.....	150

Цвинария И. И.

(РА, Сухум)

**ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ И НАУЧНЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ
ВИДНОГО ДЕЯТЕЛЯ НАУКИ – АРХЕОЛОГА
Г.К. ШАМБА**

Георгий Кучиевич Шамба – академик Академии наук Абхазии, доктор исторических наук, археолог-кавказовед, профессор Абхазского государственного университета, главный научный сотрудник отдела археологии АБИГИ, с 1975 по 2001 год заведующий отделом археологии, будущий председатель археологической комиссии при Академии наук Абхазии родился 15 сентября 1934 г. в с. Абгархуке Гудаутского района.

С самого начала Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. по 1951 г. Георгий Кучиевич, находясь у своих сестер, Т. К. Шамба (супруг В. Табагуа) и Ц. К. Шамба (супруг Ак. Чагуаа), учился в Кутолской 8-летней средней школе им. И. А. Когониа.

Мне, автору настоящего доклада, как уроженцу села Кутола приятно вспоминать школьные годы (1945–1951 гг.), с которыми связано первое моё знакомство и дружеские отношения с Г. К. Шамба, который был старше меня на четыре года. В моей памяти сохранился его образ. Это был коренастый, плотненький, темнолицый, кучерявый парнишка, весьма подвижный, спортивного телосложения, добродушный и дружелюбный. Я до сих пор помню, как он на спортивной площадке школы играл со сверстниками в футбол, в волейбол, а также в абхазские национальные игры – аимцакяча (аимцакьяча) и акаброу (акабброу). Преподаватель физкультуры Алексей Куатарович Табагуа перед нами, школьниками часто тепло и хвалебно отзывался о Георгии Кучиевиче – уроженце Бзыбской Абхазии, ставил его в пример подрастающему поколению.

В 1952 году Г.К. Шамба перевёлся в Ачандарскую полную среднюю школу, которую успешно закончил в 1954 г. Затем поступил на исторический факультет Сухумского педагогического института им. А. М. Горького, успешно закончил в 1959 году. В 1959–1960 гг. он работал в музеях гг. Сухума и Пицунды. А в 1962 году, будучи лаборантом отдела истории и искусства в Абхазском институте языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа (ныне АБИГИ), был направлен в очную аспирантуру Института истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили АН ГССР (г. Тбилиси), которую закончил в 1965 году. В этом же институте Г. К. Шамба в 1967 году защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Население нагорной Абхазии в позднеантичную эпоху».

Будучи аспирантом, Г. К. Шамба в 1963–1964 гг. приезжал в научную командировку в Цандрипшскую среднюю школу №2, где я после окончания Сухумского пединститута им. А. М. Горького (биолого-географический факультет) по направлению работал преподавателем географии и рисования, и по его предложению я с ним раскапывал в Ачмардинском могильнике несколько погребений позднеантичной эпохи, материалы которых впоследствии им были использованы в написании кандидатской диссертации¹.

Поклоняясь памяти Г.К. Шамба, отмечу, что он не только самостоятельно занимался археологическими исследованиями древних памятников Абхазии, но постоянно проявлял заботу о новых молодых научных кадрах, среди которых оказался и я. Благодаря настойчивому ходатайству Г. К. Шамба перед дирекцией АБИЯЛИ, в 1968 году я был принят в отдел археологии и искусства (зав. отделом Л. А. Шервашидзе) вышеназванного института в качестве лаборанта, откуда в 1971 году поступил в очную аспирантуру при Институте истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили АН ГССР.

Конкретно целевым направлением в исследованиях Г. К. Шамба была «Археология Абхазии в эпоху бронзы, раннего железа и античности». Он, как вполне состоявшийся специалист, вёл самостоятельные археологические раскопки в Цебельде (Ахаччарху), в районе

¹ Чертежи плана и стратиграфии, а также рисунки погребального комплекса находок были выполнены мною.

Большого Сочи, Гагрском районе (Ачмарда), Сухуме, Гиеносе, Шубаре, Гудаа, Акармаре, Абгархуке, Ачандаре, в Нижней Эшере (Эшерские кромлехи, Эшерское городище, Холм Верещагина), Пицунде. Лично я в качестве художника участвовал в Ачмарде, Гудаа, Абгархуке, Нижней Эшере и Акармаре (Джантухский могильник).

К числу наиболее крупных и новых открытий Г. К. Шамба относятся Эшерские кромлехи – одно из уникальных для Абхазии мегалитических сооружений, исследование которых было осуществлено в 1969 году. В этой экспедиции, как я уже сказал, я лично принимал участие в качестве художника. Наши раскопки часто посещали директор Абхазского института Г.А. Дзидзария и замдиректора по науке, проф. Ш. Д. Инал-ипа, видные абхазские археологи-искусствоведы Л.Н. Соловьев и Л.А. Шервашидзе, а также молодой студент Института востоковедения (г. Москва), впоследствии Первый Президент РА В. Г. Ардзинба, который родился в отцовском доме, расположенном буквально в 100 м к северу от раскапываемого памятника, на участке Нижне-Эшерской средней школы. В ней учился и её успешно закончил В. Г. Ардзинба. Во время грузино-абхазской войны 1992–1993 гг. оккупационные войска госсвета Грузии, зная, что эта школа связана с первыми шагами получения образования В. Г. Ардзинба, используя военно-воздушные силы, беспощадно разрушили полностью капитально построенное школьное здание. Его развалины до сих пор сохранились как неизгладимая память о фашистском деянии грузинских оккупантов по отношению не только к В. Г. Ардзинба, но и ко всему народу Абхазии, в частности к абхазам – коренному населению, которое должно было подвергнуться полному уничтожению руками агрессоров.

С 46-летнего возраста (с 1970 г.) до последних дней своей жизни Г. К. Шамба сосредоточил свои непрерывные полевые археологические исследования на памятниках античной эпохи села Эшера. В течение указанного времени, согласно плану научно-исследовательских работ Абхазского института, под руководством Г. К. Шамба проводились археологические раскопки на упомянутых ещё в первой половине прошлого столетия М. М. Иващенко и Б. А. Куфтиным Эшерском городище и Холме Верещагина, в которых принимали

участие сотрудники отдела археологии М. М. Гунба, Н. К. Шенкао и я. В исследованиях этих памятников под руководством Г. К. Шамба в 2003–2005 гг. активное участие принимали приглашённые им же известные учёные-археологи из Музея Востоковедения г. Москвы В. Р. Эрлих и И. Н. Ксенофонтова. В эту экспедицию был привлечен тогда молодой сотрудник Абхазского Института, ныне известный абхазский учёный-археолог, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии института и директор Абхазского государственного музея А. И. Джопуа, которому впоследствии Г.К. Шамба доверил и поручил вести дальнейшие полевые научно-исследовательские работы. Под его руководством с 2006 года по сей день ведутся результативные исследования на Эшерском городище и на Холме Верещагина.

Необходимо отметить, что благодаря новым открытиям на Эшерском городище и могильнике, расположенном рядом с восточной стороны городища, Г. К. Шамба удалось установить чёткие хронологические рамки существования древней Диоскуриады ранней антики (615 год до н.э., т. е. конец VII – начало VI века до н.э.) Артефактом такой точной датировки стала находка фрагмента чернолаковой посуды с изображением головы и передних конечностей пасущегося козла, а также сосуд (кубок) с чернолаковой росписью древнегреческой сцены.

Вместе с тем на раскопках Эшерского городища ниже раннеантичного слоя обнаружен культурный слой, предшествующий ранней антики, т. е. местной колхидской (IX–VIII вв. до н.э.), чьи материалы продолжали функционировать в слое ранней античности. Впоследствии благодаря вышеприведённым многолетним полевым научно-исследовательским работам Г. К. Шамба в с. Эшере, были изданы научные труды, обосновывающие древнейшую автохтонность коренного населения Абхазии – абхазов на своей исторической Родине, которые, в свою очередь, активное участие принимали в историко-культурных взаимоотношениях с окружающим миром древней цивилизации. К таковым, в частности, относятся монографии: «Эшерские кромлехи» (Сухум, 1974 г.), «Эшерское городище» (Тбилиси, 1980 г.), «Древности Эшера» (Сухум, 1980 г.).

Г. К. Шамба является автором более 200 научных публикаций и 14 монографий, среди которых следует выделить: «Население нагорной Абхазии в позднеантичную эпоху (по археологическим материалам некрополя Ахаччарху)». Автореферат диссертации кандидата исторических наук. Тбилиси, 1966 г., «Ахаччарху – древний могильник нагорной Абхазии». Монография. Сухуми, 1970 г., «Эшерские кромлехи», Сухум 1974 г., «М. М. Трапш – жизнь и деятельность». Сухуми 1978 г., «Очерки по археологии Абхазии». Сухуми, 1981 г., «Древности Эшера». Сухуми, 1980 г., «Раскопки древних памятников Абхазии». Сухуми, 1984 г., «Культура племён Абхазии в первом тыс. до н.э.». Автореферат диссертации доктора исторических наук. Ереван, 1987 г., «Археологические памятники верховья реки Галидзга» (в соавтор. С. М. Шамба). Тбилиси, 1990 г., «Абхазия в I тыс. до н.э.». Сухум, 2000 г., «Древний Сухум (поиски, находки, размышления)». Сухум, 2005 г. и др.

Большой заслугой Г. К. Шамба в абхазоведении, на мой взгляд, является выход в свет по его настоянию ежегодного сборника «Археологические открытия в Абхазии», с 1982 по 1990 год. Позже он стал выходить из-за сложившейся ситуации, связанной со сменой государственной системы в СССР и напряжением грузино-абхазских взаимоотношений, приведших впоследствии к Отечественной войне народа Абхазии 1992–1993 гг. и окончательной победе абхазов над агрессивной Грузией.

За большие заслуги в науке Г. К. Шамба до войны был награждён Почетными грамотами Президиумов Верховного Совета ГССР и АССР. После войны он становится лауреатом Государственной премии в области науки им. Г. А. Дзидзария. А в 2005 году Указом Первого Президента РА. В. Г. Ардзинба за большие заслуги в исследовании памятников, пропаганде истории и культуры Абхазии Г. К. Шамба награждён орденом «Ахьдз-Апша» третьей степени. Не могу не сказать и о том, что Георгий Кучиевич отличался одарённым природой талантом вокалиста – певца абхазских героических, традиционных и лирических песен. Молодёжь и все участники экспедиций в каждом полевом сезоне получали не только знания по археологии, но и большое удовольствие: перерывы, когда Георгий Кучиевич и я в минуты отдыха напевали (в сопровождении моей гитары) лирические песни

на абхазском, русском и испанском языках. Такое совмещение труда и отдыха, конечно, воспитывало всех участников и ежегодно притягивало их в полевые археологические исследования.

В свою очередь, буквально всех участников экспедиции подкупали простота, преданность, дружелюбие, человечность, неутомимость, неподкупность, чистота совести и неотступность Г. К. Шамба в любых сложных ситуациях.

Считаю уместным напомнить о том, что именно таким людям, как Г. К. Шамба посвящали песни и стихи в середине и второй половине постсоветского периода. Например, поэт и исполнитель на гитаре бардовых песен Владимир Высоцкий написал песню об альпинисте, в которой есть следующие строки:

Если он не скулил, не ныл,
Пусть он был хмур и зол, но шёл,
А когда ты упал со скал,
Он стонал, но держал.
Если шёл он с тобой как в бой,
На вершине стоял, хмельной,
Значит как на себя самого
Положись на него.

А Георгий Шамба и был таким надежным.

Завершая своё выступление, с грустью вспоминаю и Г. К. Шамба, и всех преждевременно ушедших настоящих сыновей Абхазии, которые отдали свои жизни ради восстановления истинной справедливости.

Тёплая, светлая память о Георгии Кучиевиче Шамба останется навсегда у всех, кто близко его знал и уважал.

Бгажба О. Х.

(РА, Сухум)

СРАВНИТЕЛЬНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЖЕЛЕЗООБРАБАТЫВАЮЩЕГО ПРОИЗВОДСТВА У ПЛЕМЁН КОЛХИДО-КОБАНСКОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ¹

Проблемы, связанные с хронологией и интеграцией памятников колхидо-кобанской культурно-исторической общности, еще находятся в состоянии затянувшейся полемики, хотя их объединение вновь по большому счету произошло после нашумевшей защиты докторской диссертации Ю.Н. Воронова в Москве (1985 г), ибо ранее данные археологической культуры были дифференцированы, скорее всего, по политическим соображениям в начале 50-х годов XX века.

Ныне А. Скаков поддерживает саму идею общности (правда, меняет местами ее название на кобано-колхидскую), но возводит каждый локальный вариант в ранг отдельной археологической культуры, тем самым пытаясь привязать ее к конкретным племенам, упоминаемым античными авторами.

Между тем известно, что не всегда границы археологических культур могут обязательно совпадать с этническими. В своей статье я не собираюсь касаться данного аспекта, а остановлюсь лишь на пике расцвета замечательной колхидо-кобанской бронзы VIII начала VI вв. до н.э., когда в ее недрах зачинается заря новой великой эпохи железа, что является одним из интереснейших феноменов в истории древней металлургии. В этой связи, естественно, возникает вопрос, на каком технологическом уровне революционизирующий металл вписался в позднебронзовый колхидско-кобанский текст общности.

¹ Доклад прочитан на пленарном заседании Международной археологической конференции в г. Сухум 21 ноября 2019 г., посвящённой 85-летию со дня рождения видного абхазского археолога Г.К. Шамба.

Сегодня мы имеем достаточное количество металлографических анализов железных и стальных изделий, по крайней мере, из значимых памятников данной общности, проведенных в разное время Г.А. Вознесенской, Н.Н. Тереховой, Л.С. Розановой, Б.А. Шрамко, Г. Инанишвили, мной и др. по методике Б.А. Колчина, что позволит произвести сравнительную технологическую характеристику железообрабатывающего производства у носителей колхидо-кобанской культурной общности.

По соотношению и значимости основных химико-технологических показателей, характеризующих изделия из черного металла скифского периода, выделяются для различных регионов интересующей нас общности и смежных с ней областей следующие памятники – перечислю лишь ряд эталонных из них: Келермесские и Ульские курганы, могильники Кобан, Нартан, Тли, Куланырхуа, Эшеры. Сухумская гора, Гуад-иху, Мерхеул, Нивгзиани, Самтавро-Триалети и др. Для полноты сравнительной характеристики используются также металлографические анализы из тяготеющих к ним комплексов ранней Скифий и Старшего Ахмыловского могильника.

Из всех рассмотренных категорий наиболее часто встречающихся артефактов (наконечники, копья, топоры, ножи, мечи, кинжалы) в различных памятниках колхидо-кобанской культурной общности, особенно распространенными могут считаться две технологические схемы: целиком из неравномерно-науглероженной стали и поверхностная цементация (наставливание) как крицы, полуфабриката, так и самого готового изделия. Термообработанные (закаленные) артефакты присутствуют на всех рассматриваемых памятниках колхидо-кобанской общности, а также на материалах старшего Ахмыловского могильника. Различия в показателях, как считают специалисты, могут быть только количественные. Стойкое отсутствие термообработанных изделий в скифской группе памятников является основным разграничительным фактором с группой колхидо-кобанских и раннемеотских древностей, а также Старшего Ахмыловского могильника. Важно отметить, что в раннескифское время у колхидо-кобанских племен цельножелезных изделий было мизерное количество.

Схожесть технологии изготовления железных и стальных артефактов данной общности в раннескифское время можно объяснить не только территориальной связью и кавказской языковой близостью племен региона, но и принадлежностью к его единой малоазиатской металлургической провинции. К сожалению, у меня нет металлографических данных Урартских материалов. Что касается луристанских кинжалов VIII–VI в. до н.э., то, в отличие от колхидо-кобанских они откованы из сравнительно чистого железа и среднеуглеродистой стали, не подвергавшейся закалке, появившейся здесь только во второй половине V в. до н.э. В этой связи материалы Тлийского могильника, вполне естественно, не только типологически, но и технологически тяготеют особенно к кузнечным изделиям Самтавро-Триалети. Урартские изогнутые ножи встречаются во всех группах закавказских памятников. Возможно, поэтому центральная кавказская подгруппа кобанских памятников (северный склон), выделенная Н.Н. Тереховой, несколько отличается по технологическим признакам от группы памятников той же культуры южного склона (Тли). Интересно также выделить, что Старший Ахмыловский могильник по своим технологическим показателям, особенно по наличию термообработки, имеет больше связи с колхидо-кобанскими памятниками, нежели со скифскими. Вместе с тем на материалах Старшего Ахмыловского могильника прослеживается техника «пакетирования», что, скорее всего, характерно для Тли, нежели для закавказских памятников.

Поэтому Тлийский могильник вполне можно рассматривать, как контактную зону между колхидскими и кобанскими древностями. Аналогичное промежуточное положение между Скифией и Сев. Кавказом занимает Старший Ахмыловский могильник. Поэтому и Нартан, как хорошо показала Н.Н. Терехова, с одной стороны, вписывается в круг памятников Келермесские и Ульские курганы, с другой – кобанских.

Соотношение технологических показателей, характеризующих черный металл рядом расположенной Скифии, отличается от аналитических данных, взятых с колхидо-кобанских памятников тем, что в числе основных технологических схем помимо отмеченной показателя неравномерно науглероженной стали включается показатель сварных изделий. У кобанских памятников сварка еще присутствует

(влияние Скифии), в то время как в колхидских (в том числе чисто абхазских) материалах и Самтавро-Триалетских она не наблюдается. Между тем для скифских материалов характерны отсутствие термообработки, как уже отмечалось, а также высокая доля изделий с признаками перегрева металла, что отражает степень мастерства его обработки.

Таким образом, характеризуя колхидо-кобанские артефакты, следует отметить, что существенная роль принадлежала предметам, изготовленным из неравномерно науглероженной, цементированной стали. Термообработка наблюдалась у них довольно-таки часто, причем на материалах Самтавро-Триалети встречалась реже, чем на абхазских.

В целом, судя по аналитическим данным, уровень развития железообработки у носителей колхидско-кобанской культурной общности был достаточно высоким и в основном близким.

Отсутствие термообработки у скифов можно объяснить тем, что термообработка не была осознана ими, как специально технологический прием, а являлась частью магических ритуальных действий, которые часто сопровождали кузнеца, особенно в момент мягкой закалки. Это подтверждается на абхазо-адыгских этнографических материалах (Н. Джанашия, Г. Чурсин, И. Аджинджал и др.) и в разных версиях героического Нартского эпоса народов Кавказа (мягкая закалка в волчьем молоке Сослана, семикратная закалка с отпуском Сасруко. Да, и само слово «адзрыжвра» (по абх. «напоить водой») довольно древнее слово, восходящее к истокам данного технического приема, т.е. к началу железного века. Поэтому, если отнести термообработку (закалку) у кавказских мастеров к действиям магического характера, можно будет объяснить, почему она не была воспринята в чуждой скифской этнокультурной среде.

Если связать исходный железный импульс с малоазийским хаттско-хеттским первичным очагом, а об этом давно существует такое мнение, то одним из двух путей диффузии железной индустрии на Сев. Кавказе и Сев. Причерноморье в VIII в. до н.э. был западнокавказский путь (т.е. меото-колхидская или «скифская дорога»). Данное важнейшее событие произошло, как известно, после распада Хетт-

ского государства в XII в. до н.э., которое до этого времени держало монополию на сыродутный способ получения железа. Другим не менее важным тормозом в проникновении черного металла в интересующий нас регион вполне мог послужить и технологический фактор (Дж. Уолдбаум): т.е. большая крепкость оловянистой бронзы по отношению к чистому железу и мягкой сырцово-стали, и это продолжалось несколько веков до тех пор, пока местные колхидо-кобанские мастера не научились получать цементированную и закаленную сталь. Оловянистая бронза уже не могла конкурировать с таким металлом, который был крепче. Тогда и наступил у колхидо-кобанских племен железный век. По существу, это произошло до греческой колонизации Колхиды в VII – нач. VI вв. до н.э., т.е. тогда, когда оружие, а, главное, орудия труда стали полностью делать из железа и стали. В этом контексте проскочившее в Джантухе одно более раннее колечко еще ни о чем не говорит. Между прочим, железный век начался в такое же время в древней Греции, Персии и Египте.

Во всем этом важнейшем и жизненно необходимом для человечества «железном» процессе принимали активное участие и колхидо-кобанские племена, которые прежде всего были древними предками современных абхазо-адыгов.

Джопуа А.И., Ньюшков В.А.

(РА, Сухум)

ПАМЯТНИК АХАЧЧАРХУ В РАБОТАХ Г.К. ШАМБА

Научная деятельность Г.К. Шамба как археолога началась в 1962 г., когда он поступил в очную аспирантуру Института археологии и этнографии АН ГССР. На тот момент он уже был научным сотрудником Абхазского института языка, литературы и истории им. Д.И. Гулиа. Руководил тогда институтом Х.С. Бгажба. Именно он после беседы с М. М. Трапшем, состоявшейся в 1960 г. в Пицунде, пригласил будущего учёного Георгия Шамба в Абхазский институт. Будучи аспирантом, Г.К. Шамба стал одним из участников известной археологической экспедиции М.М. Трапша. В состав экспедиции вместе с ним входили: В.Б.Ковалевская, М.М. Гунба, Ю.Н. Воронов. О.Х. Бгажба. В результате раскопочных работ ими было открыто пять древних могильников в селе Цабал, расположенных в высокогорной Абхазии по Военно-Сухумской дороге.

Плодом кропотливой работы Г. Шамба стала защищённая им в 1967 г. кандидатская диссертация «Население нагорной Абхазии в позднеантичную эпоху». Основные положения диссертации нашли отражение в статье «Позднеантичные погребения нагорной Абхазии»¹ и в монографии «Ахаччарху – древний могильник нагорной Абхазии» (1970).

В начале статьи Г.К. Шамба обозначил, что она посвящена описанию и анализу погребальных обрядов и инвентаря из вновь открытого могильника в 1962 г. около с. Цебельды. Местным жителям это место было известно как Ахачарху (в переводе «Холм дикорастущей

¹ Шамба Г.К. Позднеантичные погребения нагорной Абхазии // СА. №2. М., 1965.

груши»). «Ещё до раскопок, – отмечает исследователь, – на поверхности этого могильника находили обломки древних черепков, фрагменты бронзовых и железных предметов»¹.

Итак, могильник Ахаччарху стал для Г.К. Шамба главным историческим объектом исследования древнего населения Цебельдинской долины. Благодаря его работе, сделанные им выводы пролили свет на многие стороны жизни обитателей, живших в этой части древней Апсилии (сельское хозяйство и ремесленное производство, торгово-экономические связи и военное дело, религиозные связи и т.д.). Заметим, Ахаччарху расположен в двух километрах от центра с. Цебельды, занимая западный склон горы Апианча, известной своими древнепалеолитическими стоянками.

Между тем сам некрополь Ахаччарху интересен тем, что принадлежит к памятникам поздней античности (II–V вв. н.э.), частично заходя и в раннесредневековую эпоху. «При датировке могильника Ахаччарху решающее значение имеет найденная в погр. №17 монета римского императора Антония Пия (138–169 гг.)», – заключает в своей статье Г.К. Шамба². Таким образом, исследователь, по способу захоронения и могильному инвентарю датировал могильник Ахаччарху поздней античностью и частично ранним средневековьем. Здесь было вскрыто 45 погребений. Некрополь Ахаччарху принадлежал сельскому населению. Изучаемый некрополь, отмечает исследователь, наряду с характеристикой культуры местного населения и его связей с внешним миром, даёт возможность правильно датировать памятники сельского типа как Мерхеул, Лата, Атара, Новый Афон, Мцара, Абгархук, Хашупса и т.д.³

Подробно рассматривая памятники некрополя Ахаччарху, Г.К. Шамба уделил должное внимание материальной культуре населения Цебельдинской культуры, опираясь на раскопочный материал. Он

¹ Шамба Г.К. Позднеантичные погребения нагорной Абхазии // СА. №2. М., 1965. С. 263

² Шамба Г.К. Позднеантичные погребения нагорной Абхазии // СА. №2. М., 1965. С. 266.

³ Шамба Г. К. Ахаччарху – древний могильник нагорной Абхазии. Сухуми. 1970. С. 69.

позволяет говорить о том, что у носителей данной культуры широко было развито скотоводство, земледелие, ремесло и торговля¹.

Хорошо известно, что Цебельдинская культура рядом авторитетных специалистов (М.М. Трапш, М.М. Гунба, Ю.Н. Воронов, О.Х. Бгажба и др.) считается самобытной, своеобразной, отличающейся целым рядом совершенно неповторимых черт, отсутствующих или нехарактерных для любой другой области за пределами Абхазии. Своё отражение она получает в целом ряде специфических для этой культуры вещей. Этого же мнения придерживался и Г.К. Шамба, в частности, обратив внимание на цебельдинскую керамическую посуду. «Сравнительный материал, – пишет он, – показывает, что позднеантичная керамическая посуда Цебельды по своему чашечкообразному венчику, служившему в качестве воронки, и по деталям орнамента не имеет себе аналогий среди известных нам глиняных изделий древности по всему Кавказу». Резюмируя сказанное, исследователь справедливо указал, что «это даёт вслед за М.М. Трапшем выделить памятники типа цебельдинской в особую археологическую культуру в истории позднеантичной и раннесредневековой Абхазии»². И это действительно так!

Здесь следует остановиться подробнее на керамической посуде, выявленной Г.К. Шамба в погребениях Ахаччарху. В этой связи интерес большой представляет погребение №2. В могиле находились: 1) обломки пифоса; 2) красноглиняный кувшинчик с чашечкообразным венчиком и со знаком W на ручке, относящиеся по форме, технике отделки, орнаментике к цебельдинской керамике. Г.К. Шамба установил преемственную связь этого кувшинчика с кувшинчиками из Очамчыры (IV в. до н.э.) и Нижней Эшеры (ранний эллинизм). Связь эту с очамырским сосудом он объяснил шарообразной деталью, имевшейся на корпусах обоих кувшинчиков, также волнообразным орнаментальным узором. Что касается наличия

¹ Шамба Г. К. Ахаччарху – древний могильник нагорной Абхазии. Сухуми. 1970. С. 70.

² Шамба Г. К. Ахаччарху – древний могильник нагорной Абхазии. Сухуми. 1970. С. 74.

изображения под нижним концом ручки W, исследователь посчитал, что это может свидетельствовать о том, что в Цебельде существовало несколько гончарных мастерских, поскольку, по его мнению, оно является условной меткой одного гончара или одной мастерской. В результате это его подтолкнуло сделать справедливый вывод, что «цебельдинские кувшинчики с чашечкообразным венчиком являются дальнейшим развитием форм продукции местного гончарного производства». Возвращаясь к погребению №2, нельзя не отметить находку, которая была извлечена из него. Это полая фигурка оленя с двумя ветвистыми рогами, ныне хранящаяся в экспозиционном зале античности в Абхазском государственном музее. Возможно, она предназначалась для содержания жидкостей и служила атрибутом жреца¹.

Как можно заметить, Г.К. Шамба уделил должное внимание облику апсильской керамики, который в I тысячелетии н.э. заметно отличался от остальной глиняной посуды. Он предположил, что эта особенность бытовой погребальной посуды могла быть вызвана дальнейшим усовершенствованием технологии местных мастеров, так как приёмы и технология изготовления керамической посуды рано или поздно подвергаются определённым изменениям в сторону качественного улучшения, тем более если речь идёт о начале бурных событий и больших жизненных перемен в судьбах многих этнополитических плёмен и народов. В то же время исследователь справедливо считал, что «основной признак апсильской керамики (чашечкообразность или лейкообразность устья) берёт своё начало от местных кувшинчиков эллинского времени»².

Следует также отметить, что Г.К. Шамба обратил внимание на активные в то время торговые отношения с внешним миром. «Прямое указание на это дают монеты, найденные в Цебельде и её окрестностях, преимущественно серебро каппадокийского чекана, в том

¹ Шамба Г.К. Позднеантичные погребения нагорной Абхазии // СА. №2. М., 1965. С. 263, 264.

² Шамба Г.К. Освещение некоторых вопросов истории раннеабхазских племён в сборнике грузинских авторов («Разыскания по истории Абхазии / Грузия. Тбилиси, 1999») // ВАНА. №1. Сухум, 2005. С. 84.

числе того самого клада, что был обнаружен в 5 км от села Герзеула к юго-западу от цебельдинских могильников¹.

Как известно, апсилы были отличными воинами, что подтверждает найденное в воинских погребениях оружие: мечи, наконечники копий, ножи, топоры. Связано это было с тем, что в Абхазии, как и везде, необходимость в обеспечении безопасности страны значительно влияла отчасти и на материальную культуру, особенно, что касается оружия и защитных сооружений.

Так, в погребении №3 возле сосуда лежал цебельдинского типа железный топор. По мнению автора статьи, в этом типе топора нетрудно увидеть прототип современного абхазского топора, сохраняющий в основных своих чертах древнюю форму «цебельдинских топоров». «Особенно их сближают очертания лезвий и формы обушных частей»².

Говоря конкретно о топорах из погребального инвентаря могильника Ахаччарху, следует отметить, что они относятся к своеобразным железным топорам с остатками во втулках деревянных частей. Топоры делятся на два типа. Следуя их описанию, Г.К. Шамба заметил, что I тип топора представляет слегка вытянутую лобную часть и дуговидную, свисающую лопасть лезвия. Он большей частью встречается в Цебельде, Мерхеуле, Латах, Амткеле, Атарих и т.д. Поэтому его можно отнести к цебельдинскому типу. Вероятно, этого типа топоры употребляли не только как оружие, но и как орудие хозяйственного назначения. II тип – топор-молоток удлинённой пропорции со слегка свисающим лезвием. Как считает исследователь, он будет близок к бронзовым колхидским топорам. Между тем, имея больше своё военное предназначение, «цебельдинские» топоры сами по себе использовались как универсальное оружие, которым были вооружены воины в массовом порядке, т.е. практически почти каждый второй воин древней Цебельды был вооружён этим холодным видом оружия³.

¹ Шамба Г. К. Ахаччарху – древний могильник нагорной Абхазии. Сухуми. 1970. С. 75.

² Шамба Г.К. Позднеантичные погребения нагорной Абхазии // СА. №2. М., 1965. С. 263.

³ Шамба Г. К. Ахаччарху – древний могильник нагорной Абхазии. Сухуми. 1970. С. 43.

Кстати, топоры первого цебельдинского типа представляют особый интерес, так как, что заметил ещё Б.А. Куфтин, по своей форме обнаруживают сходство с топорами позднеаримского времени в Германии и Богемии. Очень близки к ним будут и топоры франков – так называемые франциски.

Хотя, безусловно, самую близкую аналогию топоров цебельдинского типа можно найти только на всей территории Абхазии. Как отмечал в своей статье Г.К. Шамба, «если до недавнего времени топоры этого типа были известны лишь из окрестностей Цебельды, то теперь нам удалось установить наличие аналогичных топоров из других областей Абхазии». Свой вывод он сделал, опираясь на два топора, найденных случайно на пашне Хейванской средней школы в Гагрском районе. В свою очередь, исследователь был уверен в синхронности однородной материальной культуры этих двух отдалённых друг от друга населённых пунктов (Цебельда и Хейвани)¹.

Так, летом 1967 г., Г.К. Шамба принял участие в экспедиции в Гагрском районе. Её результаты только подтвердили ранее высказанное мнение об однородной материальной культуре. Выявленный в погребениях археологический материал показал «поразительное сходство между погребениями позднеантичной эпохи Гагрского района и Цебельды». Он «прослеживается не только в погребальном обряде, но и в инвентаре. В обоих случаях, – заключает Г.К. Шамба, – одни и те же топоры цебельдинского типа, двулезвийные и однолезвийные мечи, лучковые фибулы с крестовидной дужкой, бронзовые браслеты, наконечники копий, ножи, бусы и т.д., не говоря о римских и серебряных монетах, представленных среди населения нагорной Цебельды и Хашупского ущелья»².

Кстати, в некрополе Ахачхарху были встречены два типа мечей. Меч I типа – двулезвийный с массивным и широким клинком, плоскоовальной формы в сечении; II – тип меча – однолезвийный, с прямой спинкой, крестовидным перекрытием у основания рукояти.

¹ Шамба Г.К. Позднеантичные погребения нагорной Абхазии // СА. №2. М., 1965. С. 265.

² Шамба Г.К. Археологические разведки 1967 года в Гагрском районе // МАИА. Сухуми, 1974. С. 64.

Последний тип меча Г.К. Шамба датирует IV–V вв. н.э. Данная датировка очень важна, поскольку «свидетельствует о том, что население нагорной части Абхазии было знакомо с этим видом оружия на самом раннем этапе его возникновения, когда, как известно, двухлезвийность меча стала излишней и появились первые однолезвийные мечи, являющиеся переходной формой между двулезвийным мечом и саблей»¹.

Исследуя могильник Ахаччарху, Г.К. Шамба обратил внимание, что он содержит погребения с двумя различными обрядами – трупоположение и трупосожжение в кувшинах (неполная кремация). Как подчеркнул исследователь, «это указывает на смешанность населения погребённых здесь людей, с разными культурными традициями и разного происхождения. Раскопками установлено и место, где, по всей вероятности, производилась кремация. Она совершалась там же на территории некрополя (обнаружены следы обугленных костей)». Он также опроверг бытовавшее мнение, что этот обряд был заимствован у греческих колонистов, приведя в качестве доказательства новые данные, – открытие трупоположений в Брили (Западная Грузия), в окрестностях Сухума, у Чхороцку и Ахаччарху – могильника в нагорной Абхазии. «Они указывают на почти непрерывное применение обряда трупосожжения (наряду с трупоположением) во всей Западной Грузии и Абхазии примерно с X в. до н.э. вплоть до позднеантичной и даже средневековой эпох»².

Несомненно, Г.К. Шамба в своих работах удалось исследовать и доказать глубокие исторические корни древних цебельдинцев на самом высоком профессиональном уровне. Благодаря его работам мы имеем достоверные сведения о жизни местного населения в лице апсиллов, абасгов, мисимиан, санигов, обитавших от приморских районов до подножья альпийских лугов, т.е. на всей современной территории Республики Абхазия.

¹ Шамба Г. К. Ахаччарху – древний могильник нагорной Абхазии. Сухуми. 1970. С. 39.

² Шамба Г.К. Позднеантичные погребения нагорной Абхазии // СА. №2. М., 1965. С. 265.

Прокопенко Ю.А.

(РФ, Ставрополь)

**НОВЫЕ НАХОДКИ САСАНИДСКИХ ГЕММ В ПРЕДКАВКАЗЬЕ
(ДОПОЛНЕНИЕ К КАТАЛОГУ САСАНИДСКИХ ГЕММ ИЗ
ПАМЯТНИКОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА)**

Находки гемм – образцов камнерезного искусства Сасанидского Ирана достаточно многочисленны на территории Северного Кавказа. В основном они обнаружены в памятниках, расположенных территориально близко к перевалам (Дербентский проход, Дарьяльское ущелье и др.), транспортным коридорам, связывающим народы Предкавказья с населением Закавказья и великими империями средневековой эпохи – Ираном и Византией. Также, часть образцов иранской глиптики выявлена в районах, по которым в период Средневековья пролегли меридиональные трассы дорог в Низовья Дона и затем на Север, а также вдоль Каспийского моря – в Поволжье.

Ранее уже были сделаны попытки обобщения находок сасанидских гемм в Предкавказье. В частности, М.С. Гаджиевым опубликована сводка гемм, обнаруженных на территории Дагестана¹. Мною был оформлен каталог находок гемм (и инталий), происходящих из памятников Центрального и Восточного Предкавказья. Всего было учтено 165 гемм и 14 заготовок².

¹ Гаджиев М.С. Памятники сасанидской глиптики из Дагестана // Художественная культура средневекового Дагестана. Сборник статей / Сост. М.М. Маммаев. Махачкала, 1987. С. 139 – 155.

² Прокопенко Ю.А. Сасанидские геммы из памятников Северного Кавказа (каталог) // Древности Юга России. Памяти А.Г. Атавина / Отв. ред. Г.Е. Афанасьев. М., 2008. С.368; Прокопенко Ю.А. Сасанидские геммы (и инталии) и подражания им из памятников Северного Кавказа // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Сборник научных статей / Отв. ред. Ю.А. Прокопенко. Вып. 1. Ставрополь, 2009. С. 40.

Однако с течением времени появляются новые сведения о найденных в регионе геммах. Следует отметить шесть гемм из памятников Северной Осетии, неучтённых в предшествующих публикациях. Из четырёх сюжетных групп изображений, характерных для образцов глиптики, найденных в памятниках Северного Кавказа, неучтённые изделия относятся к трём: второй (геммы с изображением животных и насекомых), третьей (растительные сюжеты) и четвёртой (различные знаки и неясные изображения).

Вторая группа

№48 / 120¹ – печатка-инталия с эллипсоидным щитком из халцедоножелтовато-светло-коричневого цвета (Архонский катакомбный могильник, VII–VIII вв., раскопки Э.Ю. Шестопалова, 1998 г.)². В штриховой манере изображено животное – дельфин (?). Тело выгнутой овальной формы. Двумя штрихами, направленными в противоположную от морды сторону и завершающими тело, оконтурен хвост. Двумя косыми штрихами, отходящими вверх, и парой штрихов, направленных вниз, оформлены плавники (рис. 1, 1).

№49 / 121 – печать-инталия круглой формы из сердолика – полусферическая вставка (одна из четырёх; остальные – паста, гранат и стекло) в позолоченном касте бронзового парфюмерного флакона (Змейский катакомбный могильник, X – XIV вв., раскопки Р.Ф. Фидарова, 1997 г.)³. В штриховой манере изображён идущий влево горный козёл. Крупными штрихами оформлены морда, уши, ребра, конечности и хвост животного. Голову венчает изогнутый рог (рис. 1, 3, А, Б, В).

№50 / 122 – инталия с круглым щитком из сердолика – вставка в оправу серебряного перстня, диаметром 2 см. (Дагомский катакомбный могильник, VI–VIII вв., раскопки Э.Ю. Шестопалова, 2007 г.)⁴. В

¹ Первый номер (перед косой линией) – продолжение номеров в соответствующей группе в каталоге; второй – продолжение общей нумерации находок.

² Сокровища Алании/ The Treasure of Alania / Науч. ред. М.М. Блиев. М., 2011. С. 186, № 238.

³ Сокровища Алании/ The Treasure of Alania / Науч. ред. М.М. Блиев. М., 2011. С. 225, № 319

⁴ Сокровища Алании/ The Treasure of Alania / Науч. ред. М.М. Блиев. М., 2011. С. 188, № 243.

высокохудожественной манере изображён конь с поднятой передней ногой. Чётко выделены детали морды, грива (крылья?), круп, конечности, хвост. В верхней части над спиной животного дугой расположены четыре округлых углубления (рис. 1, 2, А, Б).

Третья группа

№16 / 123 – гемма с овальным щитком из гематита тёмно-стального цвета (Садонский катакомбный могильник, VII – первая четверть VIII в., раскопки З.П. Кадзаева, 2002 г.). Размеры: 1,4 × 1,3 см¹. На щитке в штриховой манере вырезаны три тюльпановидных цветка (плода граната?), венчающих стебель. В нижней части от стебля отходят лепестковидные завитки, завершающиеся пятью поперечными штрихами (крылья?) (рис. 1, 4).

№17 / 124 – гемма с эллипсоидным щитком из сердолика. Размеры: 0,9 × 1,2 см (Садонский катакомбный могильник VII – первая четверть VIII в., раскопки З.П. Кадзаева, 1999 г.)². В штриховой манере схематично изображено растение. Из основания, оформленного в виде двух поперечных штрихов, вырастает вертикальный стебель (длинный штрих). В нижней части от него отделяются два лепестка (изогнутые штрихи). В верхней части стебель венчают ещё два коротких поперечных штриха (рис. 1, 5).

Четвёртая группа

№10 / 125 – печатка-инталия с эллипсоидным щитком из сердолика (Архонский катакомбный могильник, VII–VIII вв., раскопки Э.Ю. Шестопалова, 2002 г.)³. В центральной части плоского щитка размещены штриховые изображения шестилучевой звезды и полумесяца (рис 1, 6).

¹ Сокровища Алании/ The Treasure of Alania / Науч. ред. М.М. Блиев. М., 2011. С. 186, № 236.

² Сокровища Алании/ The Treasure of Alania / Науч. ред. М.М. Блиев. М., 2011. С. 186, № 237.

³ Сокровища Алании/ The Treasure of Alania / Науч. ред. М.М. Блиев. М., 2011. С. 186, № 239.

Кроме образа дельфина, описанного впервые, сюжеты остальных изображений не являются уникальными. В той или иной мере они уже встречались на геммах, включённых в каталог ранее. В частности, близкой аналогией растительному сюжету на гемме из Садонского катакомбного могильника №17 / 123 является подобное изображение на гемме из могильника Камунта (территория Северной Осетии) ¹.

Образы копытных также часто украшают печатки. Изображение коня, сходные с инталией №50 / 122, обнаружены в Акушинской катакомбе (Дагестан) и в могильнике Камунта. Здесь же выявлена свастичная композиция из трёх протом лошадей². Известны случаи расположения дугой выемок над спиной животного. В частности, семь и пять овальных углублений дополняли сюжет с изображением хищника (гиены?) на щитках печаток из могильников Чми и Дунте ³. Сюжет с образом горного козла (№49 / 121) также представлен в каталоге известных находок. Например, изображение лежащего кавказского тура украшало гемму-печатку из могильника Дунте (территория Северной Осетии – раскопки В.И. Долбежева 1897 г.⁴.

¹ Прокопенко Ю.А. Сасанидские геммы (и инталии) и подражания им из памятников Северного Кавказа // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Сборник научных статей / Отв. ред. Ю.А. Прокопенко. Вып. 1. Ставрополь, 2009. С. 50, № 81, рис. 3, 18.

² Прокопенко Ю.А. Сасанидские геммы (и инталии) и подражания им из памятников Северного Кавказа // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Сборник научных статей / Отв. ред. Ю.А. Прокопенко. Вып. 1. Ставрополь, 2009. С. 46, 47, №№ 46, 48, 59, рис. 2, 14, 16, 27.

³ Прокопенко Ю.А. Сасанидские геммы (и инталии) и подражания им из памятников Северного Кавказа // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Сборник научных статей / Отв. ред. Ю.А. Прокопенко. Вып. 1. Ставрополь, 2009. С. 45, №№ 32, 33, рис. 2, 2.

⁴ Прокопенко Ю.А. Сасанидские геммы (и инталии) и подражания им из памятников Северного Кавказа // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Сборник научных статей / Отв. ред. Ю.А. Прокопенко. Вып. 1. Ставрополь, 2009. С. . 45, № 34.

Как уже было отмечено, композиционная схема изображения на гемме из Садонского катакомбного могильника №16 / 122 состоит из двух мотивов: трёх цветков (или плодов граната?) и распахнутых крыльев на одном стебле. Сасанидские геммы с аналогичным или близким сюжетом представлены в коллекциях Эрмитажа, музея Метрополитен, Британского музея, Лувра и т.д.¹ Сходные изображения отмечены на образцах иранской глиптики и в памятниках Предкавказья. Распахнутые крылья дополняют растительный сюжет на гемме из могильника Камунта². Наиболее близкой аналогией композиции на печатке из Садонского катакомбного могильника является изображение на гемме из Нижнелубянского катакомбного могильника (Белгородская область) салтово-маяцкой археологической культуры VIII – IX вв. В данном случае также фиксируются тюльпановидные цветки на концах стебля и распахнутые крылья у основания ствола растения³.

Композиция из шестилучевой звезды (солнце или утренняя звезда) и полумесяца (луна) является характерной для древнего Востока. В таком сочетании они впервые зафиксированы в качестве изображения на гемме (из северокавказских находок). Однако мотив шестилучевой звезды представлен в ряде сюжетов на печатках, вошедших в каталог. Например, она дополняет композицию, включающую изображение серны и дерева на гемме из могильника Камунта⁴. Здесь же обнаружена гемма с вырезанным грифоном, хвост которого за-

¹ Афанасьев Г.Е. Сасанидская гемма из Нижнелубянского могильника // РА. 2016. № 3. С. 121.

² Прокопенко Ю.А. Сасанидские геммы (и инталии) и подражания им из памятников Северного Кавказа // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Сборник научных статей / Отв. ред. Ю.А. Прокопенко. Вып. 1. Ставрополь, 2009. С. 51, № 85.

³ Афанасьев Г.Е. Сасанидская гемма из Нижнелубянского могильника // РА. 2016. № 3. С. 121, рис. 1

⁴ Прокопенко Ю.А. Сасанидские геммы (и инталии) и подражания им из памятников Северного Кавказа // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Сборник научных статей / Отв. ред. Ю.А. Прокопенко. Вып. 1. Ставрополь, 2009. С. 45, № 39, рис. 2, 7.

вершала такая звезда¹. В этом же могильнике выявлена печатка с её отдельным изображением².

Материал, из которого были изготовлены отмеченные геммы и инталии, – сердолик (четыре экз.) и халцедон (один экз.). Соотношение данных минералов 4/1 подтверждает ранее сделанное мной предположение о преобладании в потоке гемм, поступавших через Дарьяльское ущелье, именно предметов из сердолика³. Особо следует отметить изделие из гематита, это пока единственный зафиксированный случай использования в качестве заготовки для геммы минерала железа.

Таким образом, новые находки образцов иранской глиптики позволяют дополнить информацию, касающуюся локализации памятников с иранскими импортами, а также уточнить особенности сюжетов врезных изображений на ввозимых предметах и количественные показатели гемм из различного материала в локализуемых районах их скопления в памятниках Предкавказья.

¹ Прокопенко Ю.А. Сасанидские геммы (и инталии) и подражания им из памятников Северного Кавказа // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Сборник научных статей / Отв. ред. Ю.А. Прокопенко. Вып. 1. Ставрополь, 2009. С. 45, № 35, рис. 2, 3.

² Прокопенко Ю.А. Сасанидские геммы (и инталии) и подражания им из памятников Северного Кавказа // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Сборник научных статей / Отв. ред. Ю.А. Прокопенко. Вып. 1. Ставрополь, 2009. С. 52, № 96, рис. 3, 32.

³ Прокопенко Ю.А. Сасанидские геммы (и инталии) и подражания им из памятников Северного Кавказа // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Сборник научных статей / Отв. ред. Ю.А. Прокопенко. Вып. 1. Ставрополь, 2009. С. 53.

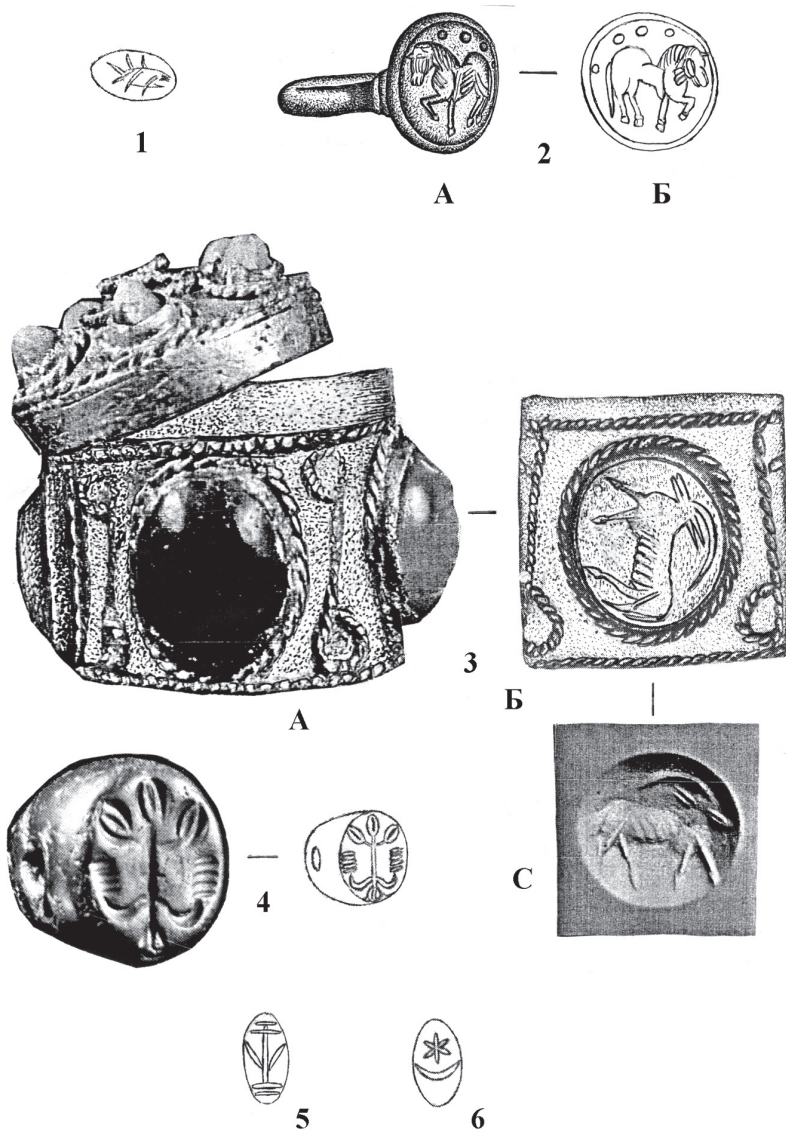

Рис. 1

Шаров О.В.

(РФ. Москва)

МЕЧЕВИДНЫЕ И ЧЕТЫРЁХГРАННЫЕ НАКОНЕЧНИКИ КОПИЙ ЦЕБЕЛЬДИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ: ОПЫТ ПРОСТРАНСТВЕННО-ХРОНОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

В начале позднеримской эпохи в Абхазии формируется цебельдинская культура, выделенная первым абхазским археологом М.М. Трапш¹. Среди тех, кто принимал самое активное участие в раскопках и в исследованиях памятников цебельдинской культуры, следует, прежде всего, назвать имя выдающегося абхазского археолога Георгия Кучиевича Шамба (1934–2006).

Известно², что исследовательская деятельность Г. К. Шамба как археолога началась в 1962 г., когда он поступил в очную аспирантуру Института археологии и этнографии АН Грузинской ССР, уже являясь на тот момент научным сотрудником Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа. Будучи аспирантом, Г. К. Шамба, стал одним из участников археологической экспедиции М. М. Трапша. В состав экспедиции вместе с ним входили В. Б. Ковалевская, М. М. Гунба, Ю. Н. Воронов, О. Х. Бгажба. Экспедицией было открыто пять могильников в селе Цебельде (Цабал) – Ахаччарху, Ахьацараху, Абыдзраху, Ауахуамаху и Алаху³. Плодами работы Г. К. Шамба в Це-

¹ Трапш М.М. Культура цебельдинских некрополей // Труды. Том третий. Тбилиси: Мецниереба. 1971; Его же. Культура горной Абхазии в начале эпохи средневековья // Труды. Том четвертый. Сухуми: Мецниереба. 1975.

² Джопуа А.И., Ньюшков В.А. О генезисе апсильской культуры в трудах Г. К. Шамба //Третья Абхазская международная археологическая конференция: Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа. Материалы. – Сухум: ИИМК РАН; АБИГИ им. Д. И. Гулиа АНА; РУП «Дом печати», 2013. С. 51.

³ Шамба Г. К. Михаил Трапш. Жизнь и деятельность. Сухуми. 1978 (на абхаз. яз.). С. 4-5.

бельде стала защищенная им кандидатская диссертация «Население нагорной Абхазии в позднеантичную эпоху»¹. Основные положения диссертации нашли отражение в статье «Позднеантичные погребения нагорной Абхазии»² и в монографии «Ахаччарху – древний могильник нагорной Абхазии»³.

Я хотел бы посвятить эту статью памяти Георгия Кучиевича Шамба и остановиться в ней на двух типах наконечников копий, встреченных в комплексах могильников цебельдинской культуры.

Тип 1. Четырехгранные в сечении наконечники копий

М.М. Гунба выделил такие наконечники копий в тип IV своей классификации и обозначил их как «втульчатые наконечники с пером квадратного сечения»⁴ (Табл. XXXIX, 7) (Рис. 1, 7). Один аналогичный наконечник копья длиной более 30 см был найден в погребении № 6 некрополя Ахьяцараху⁵ (Таб. XXXIV, 10), а другой длиной 42 см – в погребении № 14 некрополя Абгьдзараху⁶ (Таб. VIII. 2). Оба они датируются III–IV вв. н. э.⁷ М.М. Гунба привел и прототипы для копий цебельдинской культуры. В погребении 13 из некрополя Гуадиху

¹ Шамба Г. К. Население Нагорной Абхазии в позднеантичную эпоху (по археологическим материалам некрополя Ахаччархва): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси. 1966.

² Шамба Г. К. Позднеантичные погребения нагорной Абхазии // СА. 1965. № 2. С. 262-266.

³ Шамба Г. К. Ахаччарху – древний могильник нагорной Абхазии. Сухуми. 1970; Джопуа А.И., Ньюшков В.А. О генезисе апсильской культуры в трудах Г.К. Шамба //Третья Абхазская международная археологическая конференция: Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа. Материалы. – Сухум: ИИМК РАН; АБИГИ им. Д. И. Гулиа АНА; РУП «Дом печати», 2013. С. 51.

⁴ Гунба М.М. Новые памятники цебельдинской культуры. Тбилиси, 1978. С. 80-82.

⁵ Трапш М.М. Культура цебельдинских некрополей // Труды. Том третий. Тбилиси: Мецниереба. 1971. С. 37.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 151.

найден один наконечник с четырехгранной боевой частью¹, который датируется VIII–VI вв. до н. э.². Такими же аналогиями являются наконечники из младшей группы могильников Гуадику³ и Красного Маяка⁴. По этому поводу М.М. Гунба пишет: «Разнотипные железные втульчатые наконечники, близкие ранним железным и бронзовым орудиям, хорошо представлены в погребениях сухумских некрополей и других могильников Абхазии VIII–II вв. до н. э.»⁵. М.М. Трапш также полагал, что четырехгранные в сечении наконечники копий встречены изначально на раннеантичных памятниках в Сухумских некрополях, в погребениях IV–III до н. э.⁶.

Наконечник копья из погребения № 40 могильника Апианча М.М. Гунба на основе хронологии комплекса⁷ (Табл. XXXIX, 7) датировал IV–V вв. н.э. Этот наконечник был найден вместе с таким же длинным наконечником копья, но с пером ромбовидного сечения и двумя мечами: однолезвийным и двулезвийным.

На основании анализа многочисленных находок различных видов вооружения автор, опираясь во многом на выводы М.М. Трапш, сделал следующий вывод: «Металлическое оружие представлено в большом количестве, что указывает на необходимость вооружения древнего населения Абхазии, которое в I–V вв. н. э. вело постоянную борьбу с римскими захватчиками, а также, видимо, с нападающими на него племенами со стороны Северного Кавказа»⁸.

Воронов Ю.Н. и Шенкао Н. К. выделили в работе по оружию цебельдинской культуры четырехгранные наконечники копий в

¹ Трапш М. М. Труды. Т. II, Сухуми, 1960. С. 63.

² Там же. С. 76.

³ Там же. С. 250.

⁴ Там же. С. 268-269..

⁵ Гунба М.М. Новые памятники цебельдинской культуры. Тбилиси, 1978. С. 114.

⁶ Трапш М.М. Культура цебельдинских некрополей // Труды. Том третий. Тбилиси: Мецниереба. 1971. С. 151.

⁷ Гунба М.М. Новые памятники цебельдинской культуры. Тбилиси, 1978. С. 80-82.

⁸ Там же. С. 112.

тип 4¹. (Рис. 2, 7, 25, 26) Они пишут о данном типе следующее: «14 копий имели четырехгранную боевую часть, нередко снабженную миниатюрным пером»² (Рис. 2, 7, 25, 26). Наконечники копий четвертого типа найдены в погребениях, либо в одиночку (три комплекса, датируемые в пределах второй половины IV и первой половины VI в.), либо в сочетании с наконечниками второго (семь комплексов V–VI вв.), либо пятого (четыре комплекса VI–VII вв.) типов. Дата копий типа 4 – IV–VI вв. н. э. Авторы пишут о происхождении этих типов наконечников следующее: «Наконечники четвертого типа легко находят своих предшественников на рассматриваемой территории среди вооружения IV–II вв. до н.э. Не следует, впрочем, исключать возможность «открытия заново», под воздействием иноземных образцов или самостоятельно соответствующих форм вооружения, поскольку разрыв между раннеэллинистической эпохой и соответствующими цебельдинскими комплексами составляет примерно 600 лет, в течение которых подобные наконечники здесь совершенно не использовались. В своих основных чертах боевое снаряжение апсилов тесно смыкалось с комплексом вооружения, складывавшегося в этот период под непосредственным влиянием римско-византийского культурного мира на огромной территории от Западной Европы до Передней Азии включительно»³.

Таким образом, авторы поставили под сомнение точку зрения М.М. Трапш и М. М. Гунба о местных корнях появления наконечников копий типа 1 и допустили возможность их появления под влиянием римско-византийского круга древностей.

О.А. Гей и И.А. Бажан также уделили внимание наконечникам копий из цебельдинских могильников⁴. Такие наконечники копий с

¹ Воронов Ю.Н., Шенкао Н.К. Вооружение воинов Абхазии IV–VII в. // Древности эпохи великого переселения народов V–VIII веков / отв. ред. Амброз А.К., Эрдели И.М., 1982. С. 124–126.

² Там же.

³ Воронов Ю.Н., Шенкао Н.К. Вооружение воинов Абхазии IV–VII в. // Древности эпохи великого переселения народов V–VIII веков / отв. ред. Амброз А.К., Эрдели И.М., 1982. С. 124–136.

⁴ Гей О.А., Бажан И.А. Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа). М., 1997.

четырёхгранным сечением встречены, согласно их корреляции комплексов, в периоде 8 (425-450 гг.) (Рис. 3) и в периоде 9 (450-550 гг.) (Рис. 4)¹ (Рис. 29, 2; 30, 19).

Казанский М.М. и Мастыкова А.В., на основе типологии и хронологии цебельдинских древностей, разработанных О.А. Гей и И.А. Бажаном², предложили уточнённую хронологию цебельдинской культуры (II – VII вв.), модифицировав ее в соответствии с датами центрально-европейских, а также северопонтийских древностей³. М. М. Казанский посвятил анализу вооружения цебельдинской культуры и его сравнению с типами вооружения культур Центральной Европы и Скандинавии ряд работ (Казанский, 2015, 2016). Он определил данный тип наконечников копий, как «четырёхгранные в сечении втульчатые пики».

Такие наконечники хорошо известны в погребениях цебельдинской культуры на разных стадиях согласно системе хронологии М.М. Казанского – А.В. Мастыковой⁴: стадия I/2 (260/270 -330/340 гг.): Цибилиум-1, погр. 251; Цибилиум-1, погр. 248; стадия II/4 (360/370 – 400/410 гг.): Цибилиум-1, погр. 250; стадия II/3 (320/330-360/370 гг.) с вещами стадии II/4; стадия III/5-8 (380/400-440/450 гг.): Цибилиум-1, погр. 77, Цибилиум-2, погр. 362, Шапка- Ахьяцараху, погр. 6; стадия IV/9 (450-550 гг.): Шапка-Абгыздраху, погр. 14, с ранневизантийской пряжкой. Казанский М.М. пишет о происхождении пик следующее: «В то же время втульчатые четырёхгранные пики хорошо известны в экипировке армии Восточной Римской империи с III по VI вв. В качестве примера назовем находки Болгарии. Исследователи полагают, что в понтийский регион пики попадают в первую очередь вместе с римской армией»⁵.

¹ Гей О.А., Бажан И.А. Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа). М., 1997

² Гей О.А., Бажан И.А. Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа). М., 1997.

³ Kazanski M. Mastykova A. Tsibilium: La nécropole apside de Tsibilium (Caucase, Abkhazie). Étude du site. Oxf., 2007. (British Archaeological Reports. International Series; 1721).

⁴ Там же.

⁵ Казанский М. М. Германские элементы в материальной культуре Абхазии в позднеримское время и в эпоху переселения народов.// Scripta Antiqua.

Этот тип наконечников копий близок по своей морфологии наконечнику копья из погребения № 12 могильника Чатыр-Даг в южном Крыму¹ (Таб. 15А, 2; Рис. 7,6). Это пиковидный наконечник, с восьмигранной втулкой, на конце которой имеется насадка-кольцо, орнаментированная десятью фасетками. Длина его 32,6 см, внутренний диаметр втулки 1,7 см. Во втулке над насадкой два сквозных крепежных отверстия.(Рис. 5-2)

Такие наконечники достаточно широко распространены по всему Рейнско-Дунайскому лимесу, начиная с раннеримского времени². Хорошо известны они в знаменитой болотной находке в Иллерупе в Дании³ (Abb. 197). В это болото было сброшено огромное количество оружия и амуниции, в том числе и римского, вероятно, трофейного. В целом набор вещей отсюда соответствует ступеням С1 и С2 европейской системы, но, как полагает исследователь, этого памятника Й. Иллькер, основное жертвоприношение было совершено или во время Маркоманнских войн 166–180 гг. или вскоре после них⁴. В Крыму, кроме Чатыр-Дагского экземпляра есть всего лишь одна находка из раскопок Раевского городища⁵ (Таб. 23: 10). М. Левада знает подобные из области черняховской культуры⁶, но в пшеворской

Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. Альманах Том четвертый. Собрание. Москва 2015. С.С. 50; Его же. – Казанский М.М. Понтийский лимес в эпоху позднеримской империи и северные варвары // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XXI / Отв. ред. А.И. Айбабин. – Симферополь: Соло-Рич, 2016. С. 60.

¹ Мыц В.Л., Лысенко А.В., Шукин М.Б., Шаров О.В. Чатыр-даг – некрополь римской эпохи в Крыму. Спб., Нестор-история. 2006.

² Waurick G. Zur Rüstung von frühkaiserzeitlichen Hilfstruppen und Verbindungen der Römer // Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten / C. von Carnap-Bornheim (Hrsg.). Lublin; Marburg, 1994. S. 15.

³ Ilkjaer J. Illerup Adal 1: Die Lancen und Speere. Aarhus, 1990. S/ 53-59, 79-85.

⁴ Там же. С. 79-85.

⁵ Онайко Н.А. Раскопки Раевского городища в 1955-1959 гг. // КСИИМК, Вып.77, 1959, С. 51-61.

⁶ Вознесенская Г.А., Левада М.Е. Кузнечные изделия из могильника Чатыр-даг: попытка типологического анализа и технология производства // Сто лет черняховской культуре / Левада М.Е (сост). Киев, 1999. С. 255

они отсутствуют, П. Качановский их не отмечает в своей классификации¹. По ромбическому сечению пера такого рода копья можно было бы отнести к типу 5 «Хавор» по Й. Иллеркеру, но они не имеют многогранной в сечении втулки и у скандинавских копий слегка выделено перо. Ближе по форме пера к чатырдагскому наконечники типа 11 «Моллестад» по Й. Иллеркеру, но при всем сходстве, скандинавские наконечники имеют выделенное центральное ребро² (Abb. 197). Оба типа наконечников копий начинают использоваться в периоде С3 (320/330-350/360 гг.) и бытуют в течение всего периода D (350-450 гг.).

Я полагаю, что пиковидные наконечники копий являются варварскими дериватами римских пилумов и часть римских вспомогательных войск была вооружена именно такими пиками, что показывают нам погребения из могильника легионеров Ведерат в районе верхнего Рейна еще 1 в. н. э.³ (Abb.11-12).

Б. Контны пишет, что такие формы иногда появлялись в пшеворской культуре⁴ (Fig. 5. 7–9) еще в позднем предримском периоде, а затем в раннеримском и позднеримском периодах⁵ (Pl. 60). (Рис. 6). Позднее такие наконечники стали популярны также в богачевской культуре⁶ (Fig. 5. 6), а также в культуре «Dollkeim-Kovrovo».

Таким образом, подведя предварительные итоги, можно сказать, что четырехгранные наконечники копий типа 1 в цебельдинской

¹ Kaczanowski P. Klasyfikacja groków broni drzewcowej kultury przeworskiej z okresu rzymskiego. Kraków, 1995.

² Ilkjaer J. Illerup Adal 1: Die Lancen und Speere. Aarhus, 1990. S. 58-59.

³ Waurick G. Zur Rüstung von frühkaiserzeitlichen Hilfstruppen und Verbindungen der Römer // Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten / C. von Carnap-Bornheim (Hrsg.). Lublin; Marburg, 1994. S. 1-25.

⁴ Kontny B. New Traces to Solve the Riddle: Weapons from Chatyr-Dag in the Light of Current Research // Inter Ambo Maria. Northern Barbarians from Scandinavia towards to Black Sea. Kristiansand- Simferopol, Dolya Publishing House, 2013, p. 196-212.

⁵ Kontny B. Znaleziiska tokow z obszaru kultury przeworskiej // Swiatowit. 1999. P. 132-133.

⁶ Там же.

культуре появились в середине – второй половине III в. н.э. под сильным влиянием римского вооружения, главным образом, вооружения вспомогательных варварских контингентов, вооруженных пиками, а не пилумами.

Тип 2. Наконечники копий с мечевидным пером, ромбического сечения и граненой втулкой

Эти наконечники встречаются в цебельдинских погребениях с III в. н. э. и продолжают бытовать в эпоху раннего Средневековья. Они известны почти во всех некрополях Цебельды¹. Гунба М.М. относит такие наконечники к типу II своей классификации: «наконечники с пером вытянутой листообразной формы с резко выступающими короткими боковыми ребрами». Большая часть их имеет сечение ромбовидной формы² (Табл. V, 4, 5; XII, 6, 7; XVII, 4; XX, 1, 2) (Рис.1-7). Два наконечника найдены в погребении I (Алраку), четыре – в погребениях 12 и 13 (Абгыззараху), а остальные – в некрополе Апианча. Втулки у всех наконечников по размерам почти одинаковы. Что касается перьев, то они различны: короткие и длинные. Наконечники копий также были выявлены в Алуштинском могильнике и в с. Аtare.

Эти наконечники копий являются в Абхазии самыми многочисленными и самыми большими по размерам. Боковые ребра у одних наконечников длинные, а у других – очень короткие и почти сходят на нет. Размеры боковых ребер не дают возможности определить хронологическую последовательность развития этой части наконечников.

Три наконечника этого типа имеют с наружной стороны граненые втулки³ (Табл. XXVI, 3, 4; XXXIX, 8). Аналогичные наконечни-

¹ Шамба Г. К. Ахаччарху – древний могильник нагорной Абхазии. Сухуми. 1970. С. 41; Трапш М.М. Культура цебельдинских некрополей // Труды. Том третий. Тбилиси: Мецниереба. 1971. С. 150.

² Гунба М.М. Новые памятники цебельдинской культуры. Тбилиси, 1978. С. 80-81.

³ Там же.

ки были выявлены М. М. Трапшем¹ и Г. К. Шамба² (Табл. IX, 3). Для большинства наконечников этого типа характерен переход пера во втулку под тупым углом. Лишь изредка встречается переход под прямым углом³.

Воронов Ю.Н. и Шенкао Н. К. отнесли такие наконечники копий к типу 5 своей классификации. Они пишут следующее: «Наконечники пятого типа обнаружены в четырех случаях в одиночку (в комплексах V–VII вв.); трижды в паре друг с другом (три комплекса в пределах конца IV–VI в.); также в сочетании с наконечниками второго (четыре комплекса конца IV – VI в.), третьего (два комплекса второй половины VI–VII вв.), четвертого (четыре комплекса VI–VII вв.) типов. С течением времени эти наконечники постепенно вытягиваются и заостряются, либо приобретают пламевидный контур. (Рис. 2-4, 5, 8, 31-34). Дата наконечников копий типа 5, согласно данным Ю.Н. Воронова и Н.К. Шенкао: IV–VII вв.»⁴.

Автор этой статьи специально занимался данным типом наконечников⁵ ввиду находки такого наконечника копья в погребении № 2 могильника Чатыр-Даг⁶ (Таб. 6 – 3; Рис. 7, 2) (Рис. 7). Наконечник копья – мечевидный по форме, в сечении – ромбический. Его длина составляет 42,5 см. Втулка восьмигранная, по краю – круговые нарезки, во втулке два крепежных отверстия с вставленным штифтом. Откован

¹ Трапш М.М. Культура цебельдинских некрополей // Труды. Том третий. Тбилиси: Мецниереба. 1971. С. 109.

² Шамба Г. К. Ахаччарху – древний могильник нагорной Абхазии. Сухуми. 1970.

³ Гунба М.М. Новые памятники цебельдинской культуры. Тбилиси, 1978. С. 81.

⁴ Воронов Ю.Н., Шенкао Н.К. Вооружение воинов Абхазии IV–VII в. // Древности эпохи великого переселения народов V–VIII веков / отв. ред. Амброз А.К., Эрдели И.М., 1982. С. 124-126.

⁵ Шаров О.В. В поисках страны «Ойум»: эпос или реальность? // Древности Западного Кавказа. Краснодар, 2013. С. 118-155; Шаров О.В. Воинские погребения могильника Чатыр-Даг в Южном Крыму//Меч Марса, Stratum plus, 4, 2019. С.285-312.

⁶ Мыц В.Л., Лысенко А.В., Шукин М.Б., Шаров О.В. Чатыр-даг – некрополь римской эпохи в Крыму. Спб., Нестор-история. 2006. С. 119-121.

из пакетного кричного, слабо науглероженного железа¹. Мечевидный наконечник копья с длинным пером и сравнительно короткой граненой втулкой² из этого комплекса представляет особый интерес, поскольку подобные находки самым странным образом концентрируются в двух весьма отдаленных регионах, с одной стороны, в странах Балтии³ (Таб. 15), с другой стороны – на Восточном побережье Черного моря, в Абхазии⁴ (Таб. 2: 5; Табл. 2: 4–6).

Такие наконечники, как было отмечено выше, характерны для древностей Литвы⁵ (Таб. 15). В. Казакиявичус относил их к типу III и датировал V–VII вв.⁶ (Рис. 8).

Такие копья известны по раскопкам погребений III–VI вв. н. э. могильников цебельдинской культуры⁷ (Таб. 24, 7; 28, 27; 29, 3; 30, 15–19;) и по находкам в Центральной Европе в комплексах второй половины III – начала IV вв. н. э.⁸ О. А. Гей и И. А. Бажан, соз-

¹ Вознесенская Г.А., Левада М.Е. Кузнечные изделия из могильника Чатыр-даг: попытка типологического анализа и технология производства // Сто лет черняховской культуре / Левада М.Е (сост). Киев, 1999. С. 254-255.

² Мыц В.Л., Лысенко А.В., Щукин М.Б., Шаров О.В. Чатыр-даг – некрополь римской эпохи в Крыму. Спб., Нестор-история. 2006. С. 147-148.

³ Казакиявичус В. Оружие балтских племен II–VIII веков на территории Литвы. Вильнюс, 1988. С. 41-42.

⁴ Воронов Ю.Н., Шенкао Н.К. Вооружение воинов Абхазии IV–VII в. // Древности эпохи великого переселения народов V–VIII веков / отв. ред. Амброз А.К., Эрдели И.М., 1982. С. 124-126; Гей О.А., Бажан И.А. Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа). М., 1997.

⁵ Вознесенская Г.А., Левада М.Е. Кузнечные изделия из могильника Чатыр-даг: попытка типологического анализа и технология производства // Сто лет черняховской культуре / Левада М.Е (сост). Киев, 1999. С. 262; Казакиявичус В. Оружие балтских племен II–VIII веков на территории Литвы. Вильнюс, 1988. С. 41-42.

⁶ Казакиявичус В. Оружие балтских племен II–VIII веков на территории Литвы. Вильнюс, 1988. С. 41-42.

⁷ Гей О.А., Бажан И.А. Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа). М., 1997.

⁸ Вознесенская Г.А., Левада М.Е. Кузнечные изделия из могильника Чатыр-даг: попытка типологического анализа и технология производства // Сто лет черняховской культуре / Левада М.Е (сост). Киев, 1999. С. 255

давшие корреляционную схему цебельдинской культуры, отнесли начало их бытования к I периоду этой культуры, который датируют 240–270 гг.¹ (Таб. 24: 7). Впрочем, близкие по форме наконечники с граненой втулкой имеются и в периоде 7 цебельдинской культуры (400–425 гг.), и в периоде 8 (425–450 гг.), и в периоде 9 (450–550 гг.)² (Таб. 28: 27; 29: 3; 30: 15–19) (Рис. 3, 3; 4, 15–18). Этот тип действительно долго бытовал в достаточно удаленных уголках европейского и азиатского Барбарикума. Необходимо подготовить детальную типологию данного типа наконечника копий, но это дело будущих исследований.

В Центральной Европе есть единственный комплекс: погребение 1 могильника Дрезден-Добритц любошицкой культуры³ (Рис. 9, g), в котором представлено копье, идентичное рассматриваемому типу⁴ (Рис. 20, g). Эта аналогия, на мой взгляд, не совсем достоверна для каких-либо параллелей, так как форма копья реконструирована произвольно, а по втулке оно полностью идентично второму короткому копью совсем иной формы.

Б. Контны полагает⁵, что мы имеем дело с восточной идеей повторного использования лезвий мечей, которая пришла через понтийскую зону в пшеворскую культуру, наиболее вероятно – в период начала эпохи великого переселения народов. Кроме того, эти идеи, вероятно, проникли в культуру балтов и в любошицкую культуру. Эксклюзивный предмет из Цибилиума датируется фазой 1 цебельдин-

¹ Гей О.А., Бажан И.А. Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа). М., 1997.

² Гей О.А., Бажан И.А. Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа). М., 1997.

³ Мыц В.Л., Лысенко А.В., Шукин М.Б., Шаров О.В. Чатыр-даг – некрополь римской эпохи в Крыму. Спб., Нестор-история. 2006.

⁴ Domanski G. Kultura luboszycka miedzy Laba a Odra w 1 – IV wieku. – Wrocław. 1979.

⁵ Kontny B. New Traces to Solve the Riddle: Weapons from Chatyr-Dag in the Light of Current Research // Inter Ambo Maria. Northern Barbarians from Scandinavia towards to Black Sea. Kristiansand- Simferopol, Dolya Publishing House, 2013, P. 197-199. Fig. 2

ской культуры¹, т.е. 230/40-270 гг. н.э.², поэтому на Востоке эта идея могла существовать довольно рано. Наконечник копья из Чатыр-Дага следует рассматривать как звено цепи контактов с Востока на Запад. Если принять во внимание аналогии, то, скорее всего, такие мечевидные копья по Б. Контны должны датироваться фазой C2 (250/260-310/320 гг.)³.

Тем не менее, исходя из анализа погребального инвентаря мог. Чатыр-Даг⁴, погребение № 2 можно датировать не ранее фазы C3/D1 (340/350-400/410 гг.), т.е. гораздо позднее, чем предполагал Б. Контны.

Казанский М.М. пишет о наконечниках этого типа следующее: «Это копья с «мечевидным», ромбическим в сечении пером и относительно короткой втулкой. Такие копья обнаружены в погр. 6 и 20 могильника Шапка-Ахьяцараху, Шапка-Церковный Холм – 4, погр. 6, Цибилиум-1, погр. 171, в погр. 383 могильника Цибилиум-2. Все названные погребения относятся к стадии III (380/400 – 440/450 гг.)»⁵. По поводу аналогий автор пишет: «В целом такие копья характерны для гораздо более северных территорий. В позднеримское время они известны

¹ Voronov Ju. Tsibilium I. La nécropole apsile de Tsibilium. Les fouilles de 1977-1986. // BAR, Int. ser. (British Archaeological Reports. International Series; 1721). P. 99.

² Kazanski M. Mastykova A. Tsibilium: La nécropole apsile de Tsibilium (Caucase, Abkhazie). Étude du site. Oxf., 2007. (British Archaeological Reports. International Series; 1721). P. 21.

³ Kontny B. New Traces to Solve the Riddle: Weapons from Chatyr-Dag in the Light of Current Research // Inter Ambo Maria. Northern Barbarians from Scandinavia towards to Black Sea. Kristiansand- Simferopol, Dolya Publishing House, 2013, p.199.

⁴ Шаров О.В. Воинские погребения могильника Чатыр-Даг в Южном Крыму // Меч Марса, Stratum plus, 4, 2019. С.118-155; Его же. Воинские погребения могильника Чатыр-Даг в Южном Крыму // Меч Марса, Stratum plus, 4, 2019. С.285-312.

⁵ Казанский М. М. Германские элементы в материальной культуре Абхазии в позднеримское время и в эпоху переселения народов. // Scripta Antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. Альманах Том четвертый. Собрание. Москва 2015. С. 46-47; Его же. . Понтийский лимес в эпоху позднеримской империи и северные варвары // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XXI / Отв. ред. А.И. Айбабин. – Симферополь: Соло-Рич, 2016. С. 59-60.

в Южной Скандинавии и в бассейне Одера, где их выделяют в тип Дрезден-Добриц-Гюбс (Dresden-Dobritz/Gübs). В Центральной Европе данные копы сопоставимы с типом Качановский ХХ/1, периода С2, т.е. приблизительно 250/260–300/320 гг., существующего и позднее, вплоть до эпохи переселения народов и известного у населения пшеворской культуры. Аналогичные копы, типа Казакиявичюс 3, известны и в восточной Литве, где их датируют концом V–VII вв. Мечевидные копы известны также в Крыму, на могильнике Чатыр-даг, особенно характерным является наконечник из погребения 2. Дата захоронения может быть определена в рамках периода С2 – начала периода С3, т.е. 270–330 гг. Близок к абхазским и наконечник из погребения 3 крымского могильника Ай-Тодор, без гранения на втулке. Погребение датируется периодом С2, т.е. 260/270–300/330 гг. Копы без огранки на втулке также имеют аналогии в Центральной Европе позднеримского времени, они сопоставлены с типом Качановский ХХ/2, периода С2. В эпоху переселения народов этот тип копий представлен на могильнике Чонград-Кендерфёлдек (Csongrád–Kenderföldek) (вне комплекса) в бассейне Тиссы. В англо-саксонском контексте копы с «мечевидным пером» без огранки на втулке известны в VI–VII вв. У северных копий в целом втулка все же несколько короче, чем у абхазских, и переход от пера к втулке обозначен резче, при этом везде часто присутствует такой элемент, не имеющий функционального значения, как огранка втулки, что указывает все же на общее происхождение всех этих копий, включая абхазские»¹. «Среди копий цебельдинской культуры этот тип может быть предположительно связан с германской воинской культурой. Они известны в абхазских погребениях и могут иметь германское происхождение»².

¹ Казанский М. М. Германские элементы в материальной культуре Абхазии в позднеримское время и в эпоху переселения народов.// Scripta Antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. Альманах Том четвертый. Собрание. Москва 2015. С. 48; Его же. Казанский М.М. Понтийский лимес в эпоху позднеримской империи и северные варвары.// Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XXI / Отв. ред. А.И. Айбабин. – Симферополь: Соло-Рич, 2016. С. 59-60.

² Казанский М. М. Германские элементы в материальной культуре Абхазии в позднеримское время и в эпоху переселения народов.// Scripta Antiqua.

Таким образом, исходя из анализа погребального инвентаря цебельдинских некрополей можно утверждать, что оба типа наконечников копий не имеют корней в местных древностях предыдущих эпох, несмотря на приведенные М.М. Трапш и М.М. Гунба аналогии в комплексах VI–II вв. до н.э. Это убедительно показано в работе Ю.Н. Воронова и Н. К. Шенкао¹. Наконечник копья четырехгранного сечения типа 1 и мечевидный наконечник копья типа 2, судя по приведенным аналогиям, связаны с «западным» кругом древностей.

М.М. Казанский, как мне кажется, нашел убедительное объяснение всем «западным находкам» в цебельдинской культуре. Он высказал гипотезу, которая может объяснить, на мой взгляд, появление западного оружия и новых деталей варварского костюма.

Он пишет следующее: «Видимо, в появлении «западных» культурных элементов в Абхазии надо скорее видеть влияние варваризированной римской армии, занимавшей прибрежные опорные пункты на Черноморском побережье Кавказа, или воздействие ветеранов римской армии, расселившихся в Абхазии, которых упоминает Проконий Кесарийский (Война с готами, IV.9). Есть все основания полагать, что эти вещи попали на Черноморское побережье Кавказа вместе с отрядами варваризированной римской армии»².

Развивая эту важную гипотезу, можно полагать, что практически все «западные» элементы цебельдинской культуры, начиная со второй половины II в. н. э. можно объяснить службой мужского населения местных племен апсиллов и абасгов в рядах легионов и вспомогательных войск, охранявших Понтийский лимес, начиная с эпохи

Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. Альманах Том четвертый. Собрание. Москва 2015. С.50.

¹ Воронов Ю. Н., Шенкао А. К. Вооружение воинов Абхазии IV-VII вв. // Древности эпохи великого переселения народов V-VIII веков. М. 1982. С.126.

² Казанский М. М. Германские элементы в материальной культуре Абхазии в позднеимперское время и в эпоху переселения народов. // Scripta Antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. Альманах Том четвертый. Собрание. Москва 2015. С. 50, 54; Его же. Понтийский лимес в эпоху позднеимперской империи и северные варвары // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XXI / Отв. ред. А.И. Айбабин. – Симферополь: Соло-Рич, 2016. С. 66.

Адриана (117–138 гг. н. э.) и заканчивая гуннской эпохой (375–450 гг. н. э.). Ветераны из местных племен апсилов и абасгов, а также ветераны римской армии, расселившиеся на территории Абхазии после окончания службы, и могли создать в Абхазии первичное ядро новой цебельдинской культуры позднеримской эпохи.

И в заключение хочется привести важные выводы из статьи З.Г. Хондзия и Г.В. Требелевой, которые подвели итоги исследований памятников цебельдинской культуры за последние годы: «Прежде считалось, что «Цебельдинская культура» локализуется только в Апсилии, на востоке Абхазии, в долине Цабал, и поэтому она была выделена как отдельная культура. Однако обнаружение множественных памятников, относящихся к этой же культуре в Гудаутском районе в селе Куланырхуа, а также в ряде других областей западной Абхазии, снимает вопрос об этнической принадлежности Цебельдинской культуры исключительно Апсилии. Географически сплошной ареал ее распространения как на востоке, так и на западе республики иллюстративно свидетельствует об этнической принадлежности памятников Цебельдинской культуры общим предкам современных абхазов, в частности, абасгам, санигам, апсилам и мисимиянам. Поэтому ее можно смело именовать Абхазской культурой I–VI вв. н.э»¹.

¹ Хондзия-Требелева 2017 – Хондзия З.Г., Требелева Г. В. Памятники цебельдинской культуры в селе Куланырхуа // Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск. 3 (2017), С.172

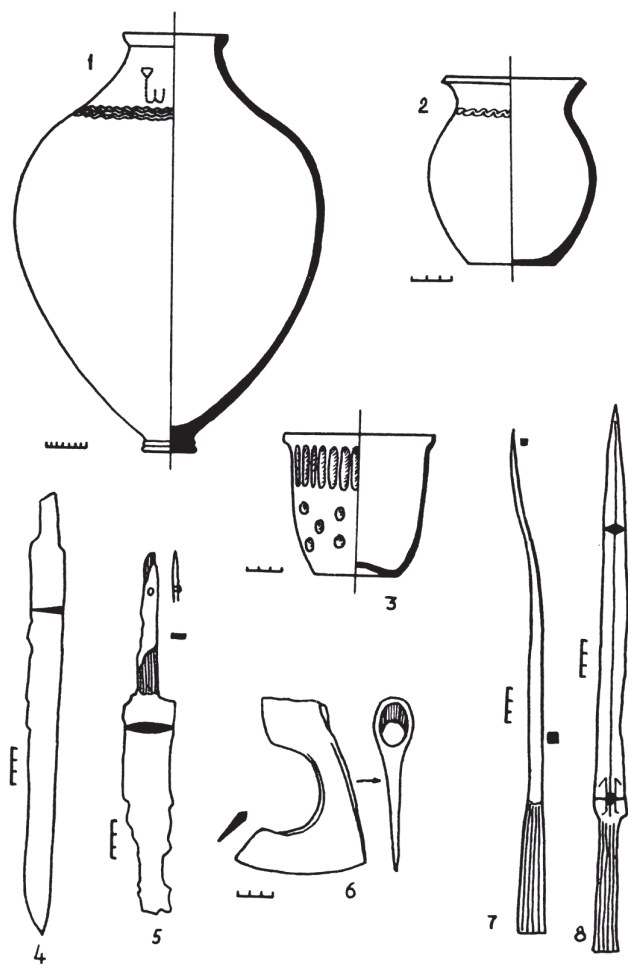

Рис. 1. Погребение № 40 могильника Апианча (Гунба, 1978. Таб. XXXIX)

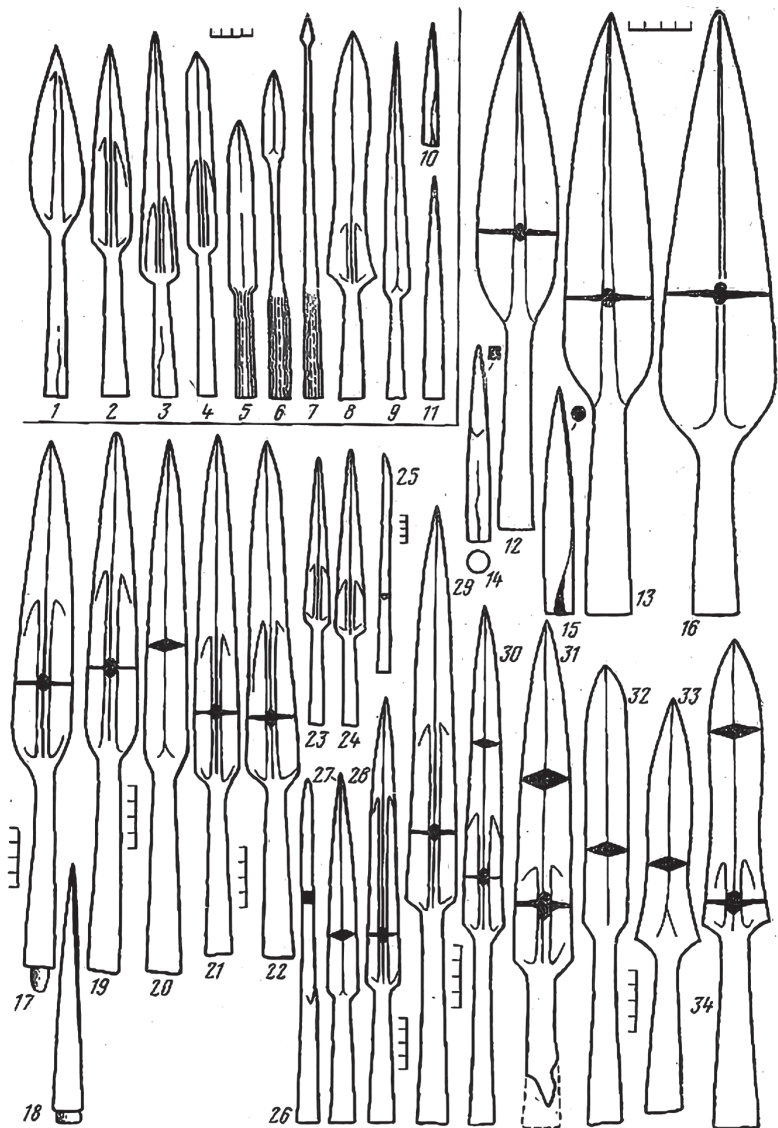

Рис. 2. Наконечники копий чебельдинской культуры (Воронов, Шенкао, 1982, Рис.2)

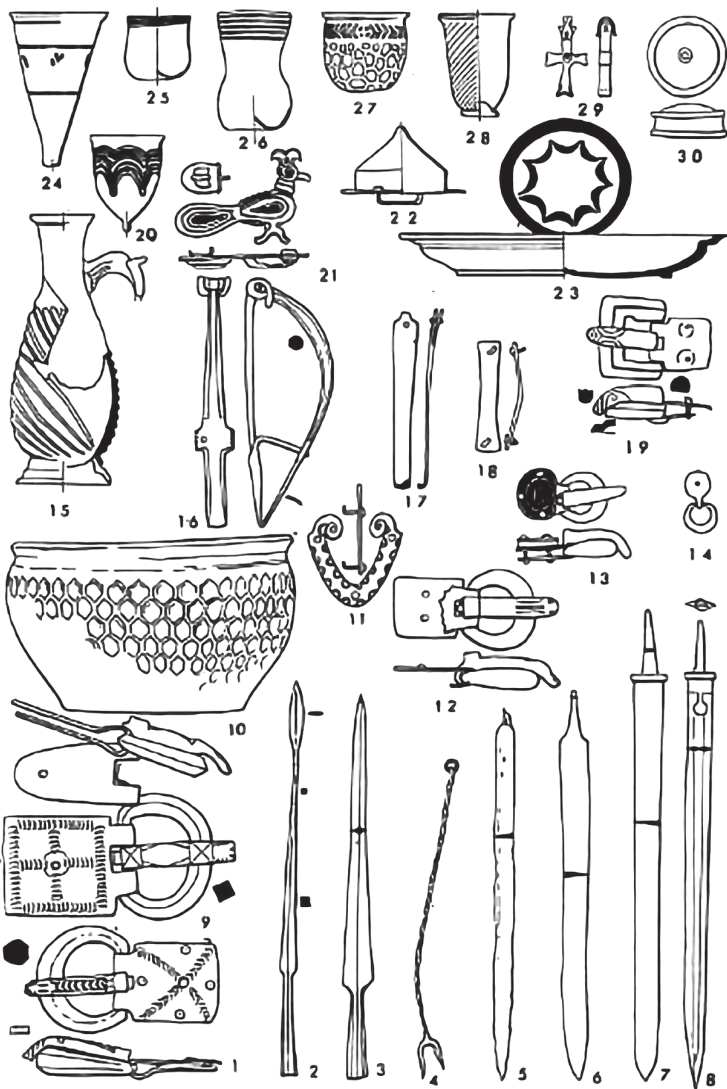

Рис. 3. Комплексы фазы 8 цебельдинской культуры по О.А. Гей-И.А. Бажану (Гей-Бажан, 1997. Рис. 29)

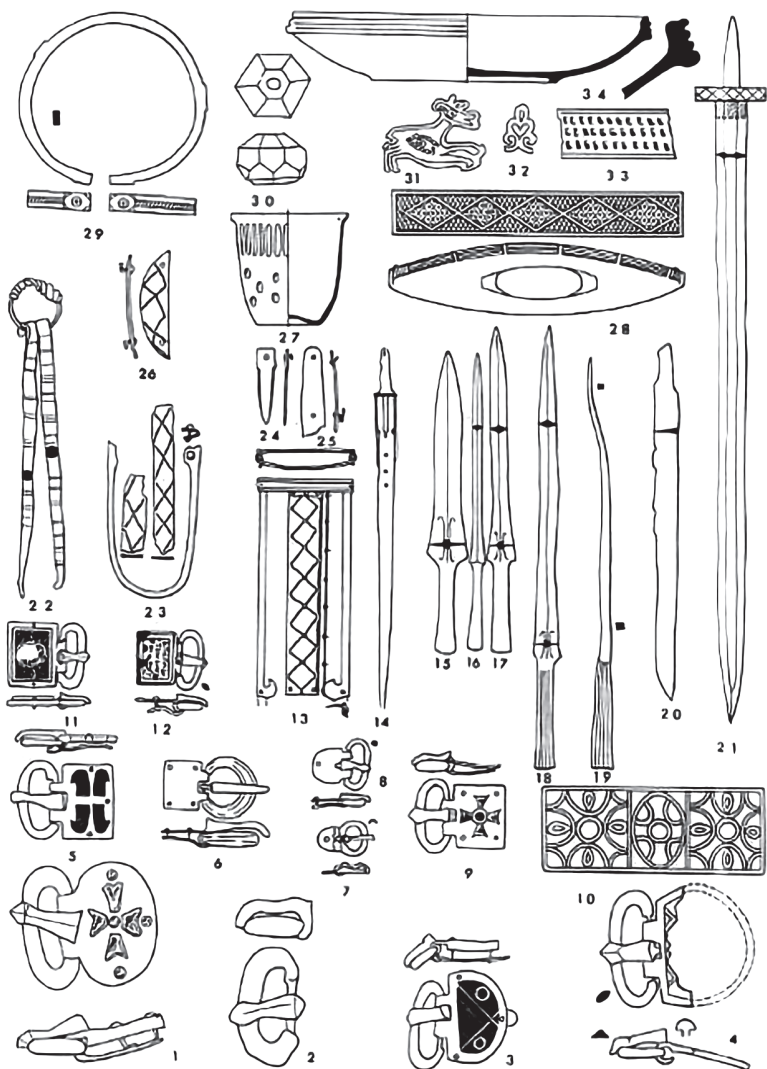

Рис. 4. Комплексы фазы 9 цебельдинской культуры по О.А. Гей-И.А. Бажану (Гей-Бажан, 1997. Рис. 30)

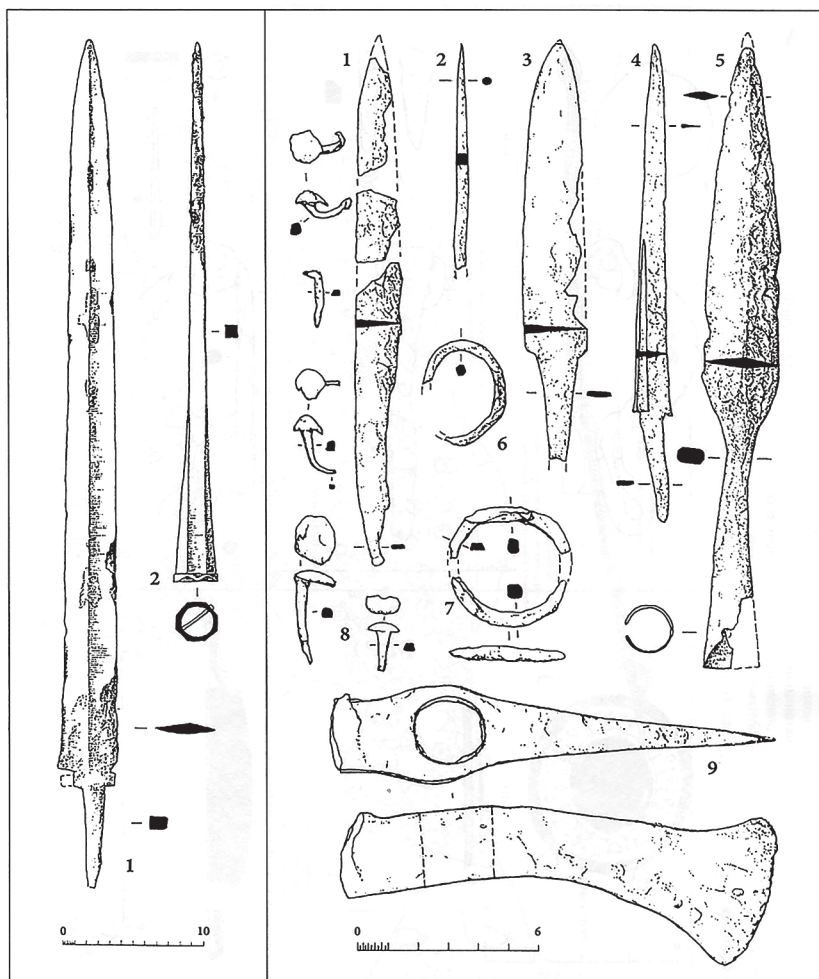

Рис. 5. Погребение № 12 могильника Чатыр-Даг (Мыц и др., 2006. Таб.15А. 2)

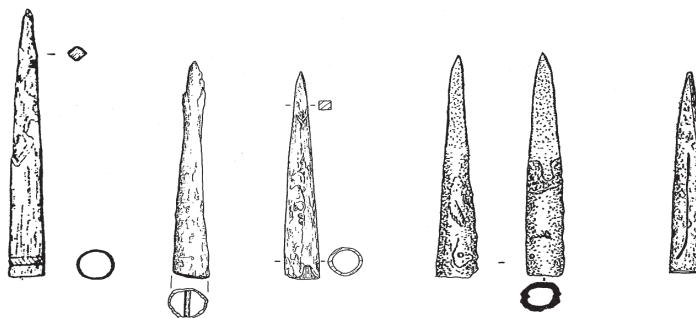

Рис. 6. Наконечники копий пшеворской культуры (Konny, 1999, Pl.60)

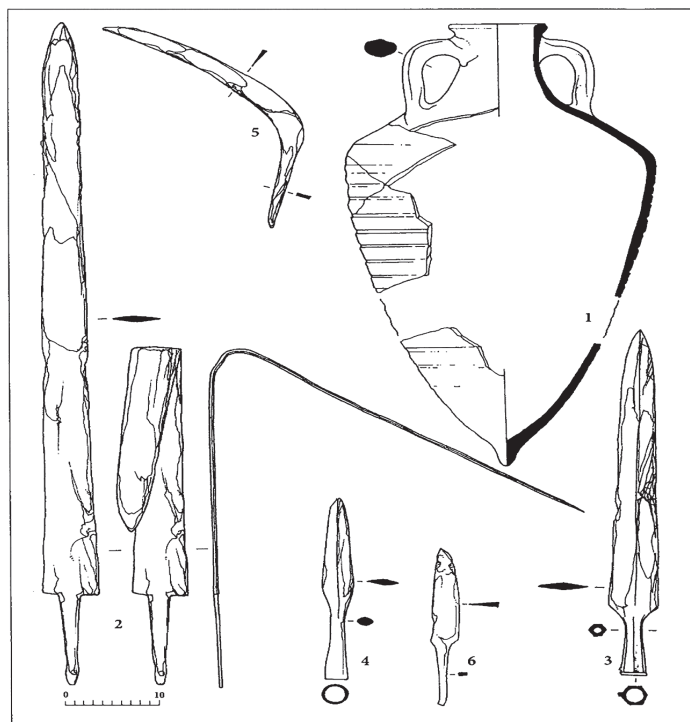

Рис. 7. Погребение № 2 могильника Чатыр-Даг (Мыц и др., 2006. Таб. 6. 3)

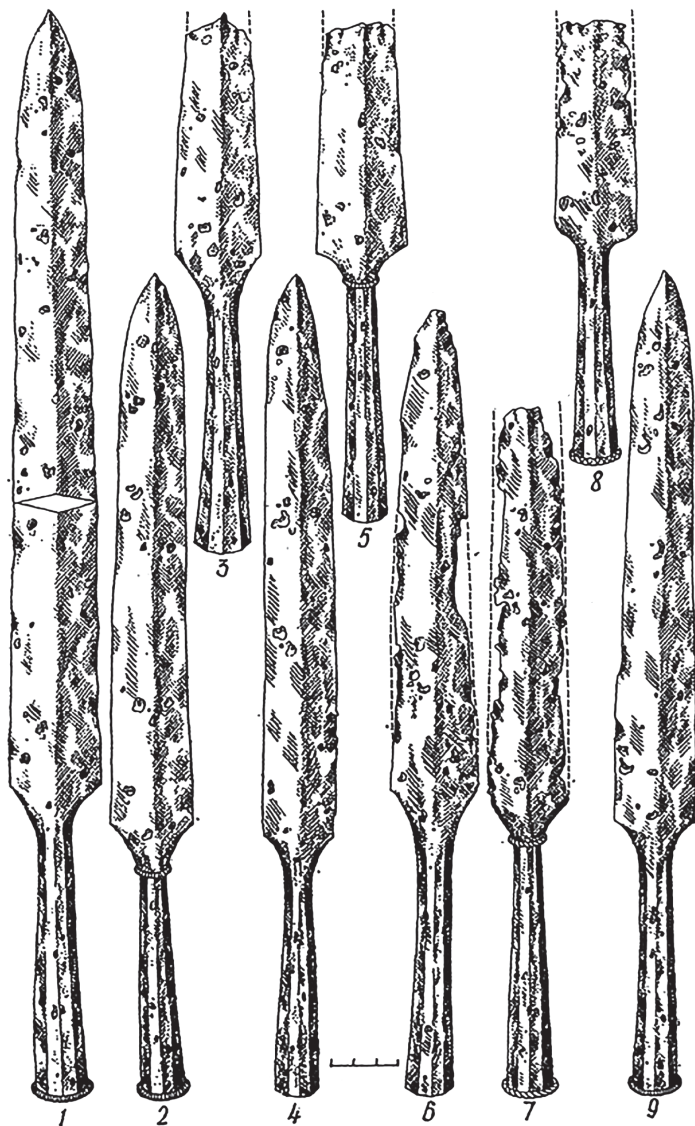

Рис. 8. Наконечники копий типа III по В. Казакевичусу (Казакевичус, 1988, Таб.15).

Скаков А.Ю.,
(РФ, Москва)

Джопуа А.И.
(РА, Сухум)

**ПОСЕЛЕНИЕ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА НА ГОРЕ
ДЖАНТУХ В АБХАЗИИ
(ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ РАБОТ 2016–2018 гг.)**

В ходе работ 1981, 1983 и 1985 гг. на горе Джантух Г.К. Шамба и С.М. Шамба обнаружили обособленный участок с многочисленными находками на северо-восточном (или восточном) склоне, на расстоянии около 500 м от могильника, находящегося на северо-западном склоне. Исследователи трактовали его как «производственный очаг» или «производственный участок»¹ (Рис. 4, 4). Здесь, по их словам, находился «развал большой обжигательной камеры, видимо, печи», с «массой шлаков и ошлакованных предметов», сосредоточенных в радиусе 10–15 м. При этом, «по словам местных жителей, этот участок неоднократно подвергался разграблению, вплоть до применения взрывчатых веществ»². Г.К. Шамба и С.М. Шамба не проводили здесь археологических работ, но собрали большое количество подъемного материала. Среди него – распределительная клювовидная пронизь раннескифского типа³ (Рис. 7, 4), два предмета бронзовой зооморфной пластики⁴ (Рис. 8, 15, 19), бронзовые гривна и браслет с прогнутой спинкой (С. 48; рисунки их не были приведены в издании памятни-

¹ Шамба С.М. Археологические памятники верховья реки Галидзга. (Джантух). Тбилиси: «Мецниереба». 1990. С. 20, 47.

² Там же. С. 47

³ Там же. С. 47.

⁴ Там же. С. 47-48.

ка), костяной наконечник лука (?) с отверстием¹ (Рис. 7, 5), кремневый скребок мустьерско-мезолитического облика² (Рис. 7, 8), предметы из железа – две втулки от наконечников копий³, четыре наконечника копий, к перьям которых были подвешены колокольчики⁴ (Рис. 25, 5-8), наконечник рала или сохи, т.е. лемех⁵ (Рис. 25, 2), черенок ножа⁶, нож с изогнутой спинкой⁷ (Рис. 25, 3), нож с клювовидно загнутым острием лезвия⁸ (Рис. 25, 5), боевой стержневидный нож с сильно загнутой ручкой, образующей петлю⁹ (Рис. 25, 1), наконечник стрелы типа площадка¹⁰ (Рис. 18, 5). Многочисленная керамика¹¹ (Рис. 26, 1-10), среди которой отметим донную часть колхидской амфоры¹² (Рис. 26, 11). По причине отсутствия каких-либо раскопок на этом участке, характер памятника оставался непонятным. Ранее мы допускали, что многочисленность обнаруженного материала и его характер позволяют предполагать наличие здесь еще одного погребального участка Джантухского могильника¹³.

В 2006 г., вскоре после возобновления нами раскопок на Джантухском могильнике, в 0,8 км от некрополя, на северо-восточном пологом склоне горы, где на тот момент практически отсутствовали деревья и кустарники, были обнаружены, непосредственно на уровне дерна, четыре чашечных камня различной степени сохранности. Хорошо известно, что чашечные камни, неоднократно встреченные на

¹ Там же. С. 48.

² Там же. С. 48.

³ Там же. С. 48.

⁴ Там же. С. 49.

⁵ Там же. С. 48.

⁶ Там же. С. 48.

⁷ Там же. С. 48.

⁸ Там же. С. 48.

⁹ Там же. С. 48.

¹⁰ Там же. С. 49.

¹¹ Там же. С. 49-51.

¹² Там же. С. 51.

¹³ Скаков А.Ю., Джопуа А.И. Джантухский могильник эпохи раннего железа в Абхазии (предварительная публикация). // Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирины Ивановны Гушиной. Труды ГИМ. Вып.191. М. 2012. С. 218.

Кавказе в памятниках как эпохи поздней бронзы – раннего железа, так и раннего Средневековья, фиксировались как на поселенческих, так и на погребальных памятниках, т.е. были полифункциональными¹⁴ (Рис. 7, 2). Впрочем, отметим и то, что исследователи памятника писали о наличии на горе Джантух не только могильника, но и поселения I тыс. до н.э., не приводя более детальной информации¹⁵.

Наличие между могильником и участком с чашечными камнями протяженных не облесенных полей на пологих террасах, идущих вдоль вытянутого в широтном направлении северного гребня горы, позволяло заложить там несколько шурфов и уточнить, с каким именно памятником мы имеем дело. На всех этих полянах, полого спускающихся на восток, как и на участке с чашечными камнями, в 2015 г. было заложено четыре шурфа (размерами 2 x 2 м).

Первый, самый западный, шурф показал отсутствие культурного слоя, залегающий под поддерном слой желто-коричневого суглинка (мощностью 8-12 см) являлся пахотным. Тем не менее в юго-западной части шурфа на уровне материка было обнаружено несколько камней среднего размера, лежавших по линии юго-восток – северо-запад (предположительно, остатки разрушенной стенки), в пахотном слое зафиксирован немногочисленный и невыразительный керамический материал.

Второй шурф, далее к востоку, также показал исключительно наличие пахотного слоя – желто-коричневого суглинка мощностью 3-5 см, с незначительным и невыразительным керамическим материалом, а также фрагментом стеклянной синей бусины. Но на уровне дерна рядом с юго-западным углом шурфа находился камень со следами обработки, вероятно, фрагмент чашечного камня.

Третий шурф, еще восточнее, также показал только лишь наличие пахотного слоя – пестрого суглинка с желтыми включениями, хотя и

¹⁴ Мошинский А.П., Скаков А.Ю. Культы кобанского поселения Сауар // Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки. Сборник статей. Отв.ред. М.П. Абрамова, В.И. Марковин. (Материалы и исследования по археологии России. № 3). М. 2000. С.95-96.

¹⁵ Шамба Г.К., Шамба С.М. Археологические памятники верховья реки Галдзга. (Джантух). Тбилиси: «Мецниереба». 1990. С. 5.

большей мощности – 14-23 см. Керамический материал здесь также был более многочисленным, найдены также обколота продолговатая галька, железные подквадратная пластина с отверстием и крючок (или фрагмент кольца), стеклянная синяя бусина.

Более интересным оказался четвертый шурф, заложенный вблизи от участка с чашечными камнями (в связи с разрастанием растительности их нынешнее местонахождение уточнить не удалось). Под подерном залегал слой серо-коричневого гумусированного суглинка (мощностью 20-40 см, при этом мощность увеличивается к западу), ниже – слой желто-коричневого суглинка с углями (мощностью 25-45 см, при этом мощность увеличивается в южной части шурфа). В северо-восточном углу шурфа была обнаружена стенка из камней (три из них, вероятно, были обработаны подтеской), идущая по направлению юго-восток – северо-запад. В слое, неповрежденном распашкой, обнаружены керамический материал, в том числе обломки тонкостенной керамики и фрагмент из хорошо отмученной глины, вероятно, импортный, а также фрагмент подквадратного в сечении заостренного железного стержня.

Таким образом, удалось установить, что к востоку от исследуемого нами могильника существовало крупное поселение, которое, судя по облику в целом маловыразительного керамического материала, синхронно некрополю. Но где же находился «производственный участок», про который писали Г.К. Шамба и С.М. Шамба?

Севернее первого и второго шурфов, на возвышающемся над ними высоком гребне отрога горы Джантух, в 0,5 км к востоку – юго-востоку от могильника, в 2015 г. был заложен еще один шурф. Место его закладки было определено наличием здесь достаточно ровного заросшего кустарником участка, явно испытывавшего не так давно человеческое воздействие, о чем говорили следы ям и обломки стеклянной посуды. При его осмотре были обнаружены большое количество шлака, ошлакованные и оплавленные неопределимые металлические предметы, а также развал обломков пифосов, явно потревоженный в недавнем прошлом. Часть фрагментов сильно деформирована, очевидно, из-за нахождения рядом с сильным огнем. Обломки пифоса, преимущественно, имеют черный и темно-коричневый, красный,

темно-красный и красно-коричневый, реже светло-серо-коричневый и желто-светло-красный цвет. Хорошо представлены линейный орнамент и расчесы, редко встречается елочный орнамент (Рис. 5, 1). Венчик, как правило, массивный, с двумя горизонтальными валиками на шейке (Рис. 4, 2). Выделяются поддающиеся частичной склейке фрагменты пифоса с декором из двух пересекающихся зигзагов на шейке и вертикальных ребер на тулове (Рис. 4, 1). При расчистке развала пифоса были обнаружены фрагмент терочника на продолговатом сколе крупной гальки, терочник, орудие из окатанной уплощенной гальки, два скола серо-белого кремня, фрагмент глиняной обмазки, бронзовые сердцевидная бляшка (оплавлена) (Рис. 2, 2) и обоймочка бочонковидной формы фрагмент железного колечка, фрагментированный железный нож с горбатой спинкой (Рис. 2, 8), 10 бусин, часть из которых оплавлена. Бусы стеклянные, одна из них белая полупрозрачная, вторая – серо-коричневая с продольной белой полосой, другие – темно-желтые, синяя и темно-синие, бело-серая. После разборки развала пифосов был выявлен прокаленный материк, непосредственно на нем в ряд, по линии север-юг, лежали три крупных камня.

Вблизи от развала пифосов, к юго-западу от него, на том же участке, был заложен шурф размерами 2 x 4 м, с прирезками с севера и с запада. Непосредственно под дерном обнаружена каменная конструкция (из камней, преимущественно среднего и небольшого размера), в которой можно было выделить несколько скоплений или «гряд» камней, залегавших несколько выше, чем камни между ними – две «гряды» по линии север-юг, и одна – по линии запад-восток. При зачистке каменной конструкции, назначение которой тогда определить не удалось, а сама конструкция не разбиралась, были обнаружены терочник на галечном сколе с двумя рабочими поверхностями, слегка ошлакованный, фрагменты шлака, оплавленные и ошлакованные конгломераты различного размера, фрагменты бронзовых цепочки и браслета (?), железный штырь (Рис. 2, 5), фрагменты неопределимых оплавленных бронзовых (13 экз.) и железных (3 экз.) изделий, фрагменты оплавленных стеклянных бус (15 экз.), а также значительное количество керамики, в том числе по одному фрагменту серой хорошо отмученной и серой тонкостенной керамики. Доминирует кухон-

ная и тарная керамика, особенно выделяются фрагменты пифосов с вертикальными и горизонтальными ребрами по тулову (Рис. 5, 2, 3). Предварительно, по итогам 2015 г., выявленный объект на гребне горы был трактован как участок могильника и кремационная площадка, хотя, безусловно, уверенности в этом не было.

В 2016–2017 гг. вокруг нашего шурфа 2015 г. был заложен раскоп площадью 44 кв. м (включая шурф), который позволил выявить здесь производственный комплекс или же целый обособленный квартал поселения¹ (По итогам работ 2018 г. площадь раскопа составила 84 кв. м, и удалось полностью исследовать производственный комплекс, состоящий из нескольких (до 8) железоделательных (и/или бронзолитейных) горнов, различной степени сохранности. Размеры горнов: 75 x 51 см (глубина сохранившейся части ямы 36 см), 47 x 57 см (глубина 24–26 см), 67 x 71 см (глубина 18 см), 65 x 65 см (глубина 26 см), 100 x 140 см, 90 x 110 см, 59 x 66 см (глубина 5–7 см), 70–75 x 115 см (глубина 25–28 см). Горны наземного типа, но немного заглубленные, о чем свидетельствует наличие ям различной глубины, обложенных камнями различного размера, в одном случае – мелкими, подмазанными глиной, еще в двух случаях – с использованием плиток, поставленных на ребро. Кроме того, расчищено несколько столбовых ямок.

Значительная часть раскопа представляла собой сплошной каменный завал, при этом большинство камней сильно прокалено. Часть из них – это булыжники, привнесенные от р. Мехме, от основания горы. В западной части раскопа количество камней незначительно, здесь

¹ Скаков А.Ю., Джоупа А.И., Щеглов Е.В. Поселение на горе Джантух – производственный центр раннего железа в Абхазии (предварительное сообщение) // IX «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Проблемы исследования древних и средневековых поселений и могильников Западного Кавказа. К 110-летию со дня рождения Н.В. Анфимова. Материалы международной археологической конференции (г. Краснодар, 29–31 мая 2019 г.). Краснодар. 2019. С. 281–284; Они же: Исследования поселения на горе Джантух в Восточной Абхазии // Археологические открытия 2018 год. М.: ИА РАН. 2020. С. 533–536. Скаков А.Ю., Джоупа А.И. Комплекс археологических памятников на горе Джантух: новое в изучении эпохи раннего железного века Восточной Абхазии. // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда. Самара. 2020. С. 116–117.

выявлена дугообразная оградка из камней среднего размера диаметром до 3 м. Оградка и каменный завал с остатками горнов залегают на слое коричневого суглинка мощностью от 15 см, который является подсыпкой, перекрывающей материк.

В дальнейшем были выявлены стены, ограничивающие помещение с севера, северо-востока и востока. Две стены имеют вполне капитальный характер, образованы двумя рядами крупных камней, иногда подтесанных, между ними имеется забутовка. Высокий уровень каменной архитектуры отличает Джантухское поселение от синхронных приморских памятников Колхиды. В средней части помещения после расчистки каменного завала была выявлена каменная конструкция подпрямоугольной формы неизвестного назначения.

В большом количестве обнаружены терочные камни и сходные с ними орудия различных типов. Найдены три чашечных камня – один *insitu*, при этом он был обложен более мелкими камнями для крепежа (Рис. 6), два в фрагментированном состоянии. Но самой неожиданной находкой стали несколько фрагментированных (один относительно неповрежденный) подтесанных блоков трапециевидного сечения с лицевой стороной, орнаментированной прорезными параллельными линиями, выполненными достаточно тщательно. Какие-либо аналоги для них неизвестны, скорее всего, учитывая тщательность обработки, это фрагменты культового сооружения (алтаря). Кроме того, обнаружен крупный обработанный камень в виде головы животного – собаки или, скорее, лошади¹ (Рис. 7). В этой связи отметим, что ранее на территории комплекса памятников на горе Джантух было обнаружено каменное изваяние головы барана² (Рис. 4, 2, 3).

Найдено большое количество шлака, по которому проводятся лабораторные исследования. Пока что в лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН выполнен рентгенофлуоресцентный анализ 4 образцов шлака³.

¹ Скаков А.Ю. Древности горы Джантух // Новые археологические проекты Института археологии РАН. М. 2019. С. 38-41.

² Шамба Г.К., Шамба С.М. Археологические памятники верховья реки Галидзга. (Джантух). Тбилиси: «Мецниереба». 1990. С. 19.

³ Кузьминых С.В., Луньков В.Ю., Орловская Л.Б. Результаты рентгенофлуоресцентного анализа: серия 2017-2019 гг. // Аналитические ис-

Шифр Лабор.	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	ХМГ*
50544	ОСН	1,85	0,19		0,21	0,59	1,02		>5,95	0,02	0,15	Cu+Fe+Sn (Ag)
50545	ОСН	1,44	0,48		0,63	0,36	0,65		>4,75	0,01		Cu+Fe+Sn (Pb, Bi, Ag, Sb)
50546	ОСН	1,75	0,32		0,39	0,6	0,95		>6,35	0,02	0,23	Cu+Fe+Sn (Pb, Bi, Ag, Sb)
50547	ОСН	0,69	0,21		0,22	0,21	0,44		>6,17	0,01		Cu+Fe (Sn, Sb)

Очевидно, шлаки являются бронзолитейными, но обращает внимание высокое содержание в них железа – 4,75-6,35 %. Встречены также керамический брак (?) и ошлакованная керамика, но, возможно, это остатки внутриворонных конструкций. Ведущиеся сейчас дальнейшие исследования, данные по которым будут обобщены позже, позволяют предполагать, что в горнах Джантуха изготавливали как бронзу, так и железо¹. Отметим также многочисленные находки фрагментов глиняной обмазки.

Преобладают фрагменты пифосов и тарно-хозяйственная керамика. Керамический материал синхронен и частично однотипен обнаруженному нами на могильнике, но, по понятным причинам, количество столовой керамики невелико, практически отсутствуют миски. Найден фрагмент сопла или носика-слива от кувшина, что менее вероятно (Рис. 2, 9), а также фрагмент сосуда из огнеупорной (?) глины с отверстием. Среди индивидуальных находок назовем оплавленную бронзовую фигурную скобу (Рис. 3, 8), бронзовые фрагментированные дисковидную бляшку и грибовидную пуговицу, оплавленный бронзовый ножик (Рис. 3, 9), несколько фрагментов оплавленных из-

следования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 5. М. 2021. С. 105, 111, 122-123.

* ХМГ – Химико-металлургическая группа.

¹ Благодарим за консультацию кандидата геолого-минералогических наук, доцента кафедры геологии и геоэкологии РГПУ им. А.И. Герцена М.А. Кулькову.

делий (браслетов?), железные долото (Рис. 2, 1), нож с прямой спинкой и отверстием для рукояти вместо черешка (Рис. 2, 6), фрагмент втулки, проколку подквадратного сечения, вток копья, гвозди и штыри (Рис. 2, 3, 4), пластину, скобу, заклепку, точильный брусок (Рис. 2, 7), забракованный полуфабрикат оселка с отверстием, фрагменты оселков (Рис. 3, 10, 11), многочисленные кремневые сколы и отщепы (вероятно их использование в производственных целях, как кресала и т.д.). Костный материал, за исключением мелких фрагментов кальцинированных костей, на поселении отсутствует, что объясняется, вероятно, характером почвы.

К редким находкам относятся железный лемех (Рис. 1, 4) – наколочник рала (наральник) или, что менее вероятно, сохи. Одна из близлежащих аналогий известна на поселении Гуадиуху¹ (Рис. II, 2), вторая – в погребении 1980 г. из Очамчиры², другие – в башне IV Эшерского городища³ (Рис. 13, 7) и в Багмаранском кладе эпохи античности⁴ на территории Гульрипшского района. Типологически близкие изделия известны также из Бамборской поляны (находка А.А. Лукина 1934 г.), позднеантичного погребения в с. Атаре и из урочища Лар⁵ (Рис. II, 1, 3). Один лемех из Джантуха, как мы уже упоминали, был ранее опубликован, он также происходит из производственного участка поселения⁶ (Рис. 25, 2).

¹ Хотелашвили М.К. Земледельческие орудия Абхазии античного и раннесредневекового времени (Материалы) // Материалы по археологии и искусству Абхазии. Ред. Л.Н. Соловьев, Л.А. Шервашидзе. Сухуми: «Алашара». 1974. С. 36-37.

² Шамба С.М. Раннеантичный комплекс из Очамчира // Археологические открытия 1980 года в Абхазии. Тбилиси. 1982. С. 18.

³ Шамба Г.К., Шамба С.М. Раскопки Эшерского городища // Археологические открытия 1980 года в Абхазии. Тбилиси. 1982. С. 17.

⁴ Гунба М.М. Багмаранский клад сельскохозяйственных орудий // Известия Абхазского института языка, литературы и истории им. Д.И. Гулиа. Вып. XV. 1989. С. 131.

⁵ Хотелашвили М.К. Земледельческие орудия Абхазии античного и раннесредневекового времени (Материалы) // Материалы по археологии и искусству Абхазии. Ред. Л.Н. Соловьев, Л.А. Шервашидзе. Сухуми: «Алашара». 1974. С. 35-36.

⁶ Шамба Г.К., Шамба С.М. Археологические памятники верховья реки Галидзга. (Джантух). Тбилиси: «Мецниереба». 1990. С. 48.

Кроме того, отметим два железных топорика хорошей сохранности, несколько необычной формы и сравнительно небольшого размера, с клиновидным обухом¹ (Рис. 6, 1, 2; Рис. 6, 1, 2) (Рис. 1, 2-3). У одного из них узкое лезвие, а узкий клиновидный обухок немного загнут, напоминая клювовидную форму. У второго топорика лезвийная часть оформлена в виде клевца, а обух также клиновидный, но без следов зооморфизма. Прямых аналогов в Абхазии эти топорики не находят, да и за пределами нашего региона аналогии носят достаточно условный характер.

Отдельно отметим большое количество каменных и глиняных пряслиц разных типов (14 экземпляров, включая фрагментированные), в том числе орнаментированных, при этом полуфабрикатов среди них нет (Рис. 3, 1-7). Этот феномен остается непонятным: пряслица, как известно, является атрибутом женского труда. Почему же в таком количестве они встречены в металлургической мастерской, где, казалось бы, женщинам совсем не место?

В шурфе, заложенном к востоку от раскопа, у развала стен, обнаружен бронзовый слиток изогнутой формы с рядами ямочных вдавлений. Не исключено, что он выполнял роль гирьки.

Особо необходимо отметить каменный диск небольшого размера (диаметром 2,3 см) с 13 правильно расположенными точечными углублениями, тщательно обработанный и подшлифованный (Рис. 1, 1). В нашем регионе какие-либо аналогии ему отсутствуют. Но стоит обратить внимание на две, пусть и не прямые, аналогии. Первая – обломок литейной формы из кобанского поселения Сауар – диск с семью пуансонными углублениями по периметру и одним в центре² (Рис. 8, 3). Нами (совместно с А.П. Мошинским) она была трактована

¹ Скаков А.Ю., Джоупа А.И. Железные топоры Северо-Западного Закавказья эпохи раннего железа (обзорное сообщение) // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Научный альманах. Вып. 12-13. Ставрополь. 2020а. С. 47, 49; Они же: Железные топоры раннего железного века из могильника и поселения Джантух (Абхазия) // Археологические вести. № 27. СПб. 2020б. С. 84.

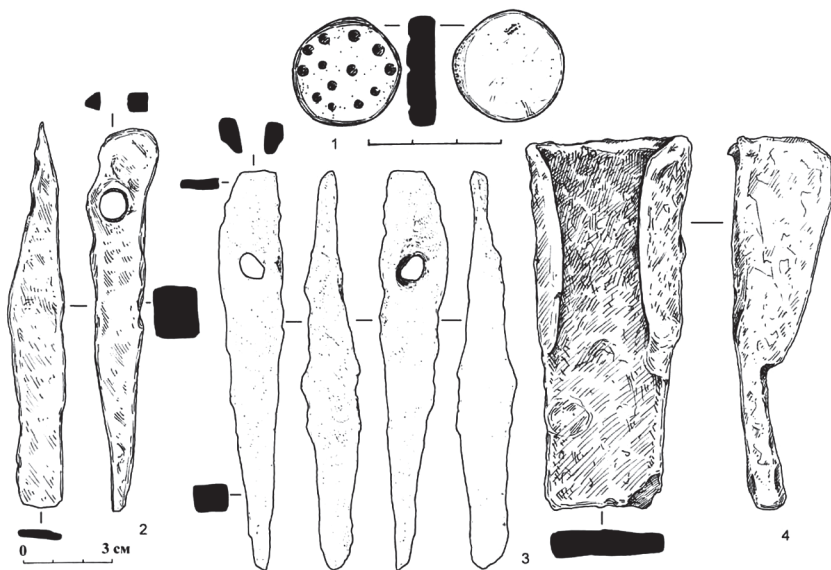
² Мошинский А.П., Скаков А.Ю. Культы кобанского поселения Сауар // Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки. Сборник статей. Отв.ред. М.П. Абрамова, В.И. Марковин. (Материалы и исследования по археологии России. № 3). М. 2000. С. 99-100.

на, наряду с еще несколькими экземплярами, как форма для отливки бронзовых штампов для культовых печатей-пинтадеров. Вторая аналогия – также литейная форма, многосторонняя, на одной из сторон аналогичный предмет с 7 углублениями, на второй – круг с 9 углублениями, и одно углубление в центре, случайная находка из Сербии (с. Кучево близ г. Пожаревац), датированная III–IV вв. н.э. (но основания для такой датировки не были приведены)¹. При этом публикатор в качестве аналогии приводит находки из Анатолии (3500 лет до н.э.), Германии (вторая половина II – первая половина III вв. н.э.) и Гарла Маре в Румынии (дата не приводится), Дробита в Сербии (датировка также неизвестна). По нашему мнению, все эти предметы можно считать печатями (пинтадерами).

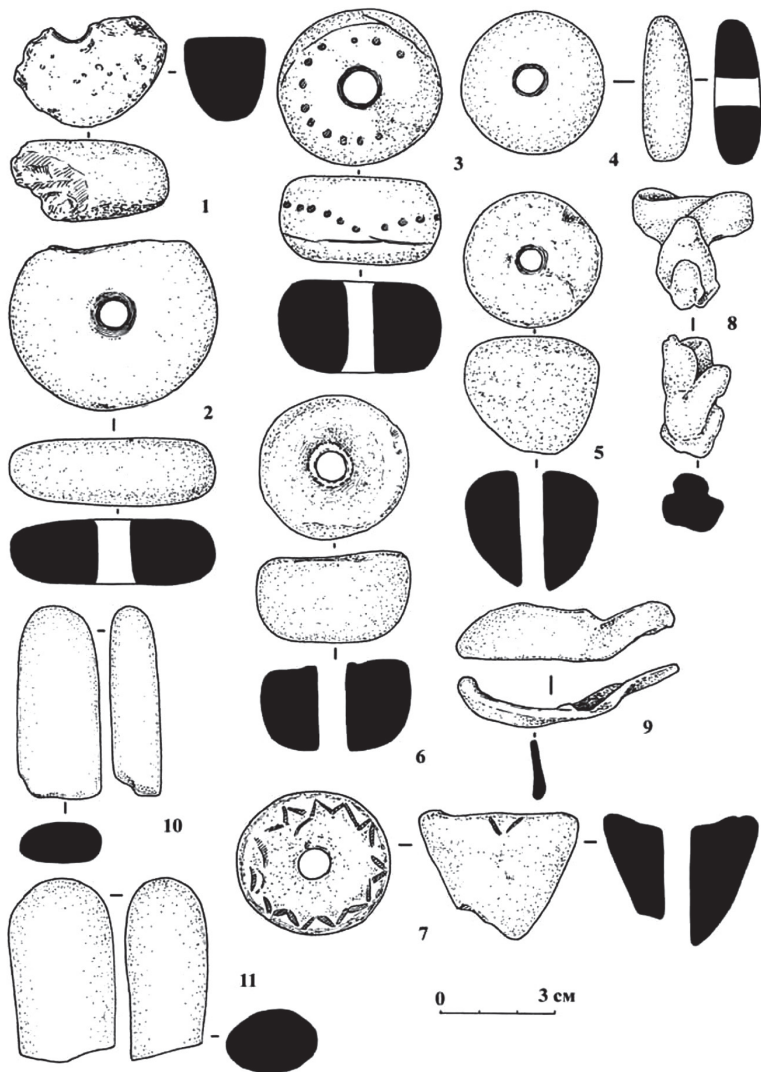
Полученный материал позволяет синхронизировать поселение и производственный комплекс с близлежащим могильником и датировать их в пределах раннего железного века. Изученный участок поселения можно предварительно датировать в рамках IX/VIII – II/I вв. до н.э. Выделяются два слоя: верхний из них датируется по античному керамическому импорту, нижний имеет по керамическому материалу более архаичный характер. Античный керамический импорт встречается преимущественно в верхнем слое – это несколько фрагментов чернолаковых сосудов (лак практически не сохранился), ручка и донные части колхидских амфор IV–III и III–II вв. до н.э. (определения Г.А. Ломтадзе). Любопытной находкой является орудие типа ложила (первоначально мы его трактовали как пробку) из донной части амфоры, происходящей с Южного Понта (Гераклея или Синопа) и датируемой, вероятнее всего, I в. до н.э.

Поселение на горе Джантух – первый поселенческий памятник эпохи раннего железа, изученный в горной части Абхазии. Необходимо также отметить, что в ходе работ на Джантухском поселении впервые на территории Абхазии был обнаружен столь масштабный производственный центр эпохи раннего железа.

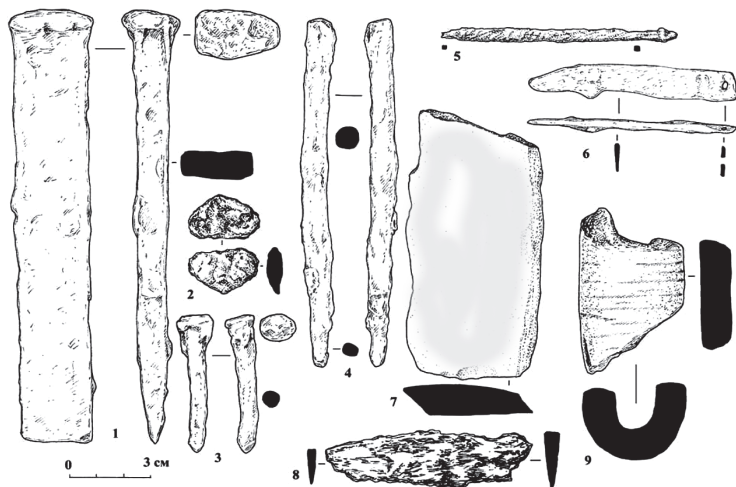
¹ Ратковић Деана, 2009. Калуп од камена из Кучева // Зборник Народног музеја. XIX-1. Археологија. Београд. Народни музеј. 2009. С.255-269.

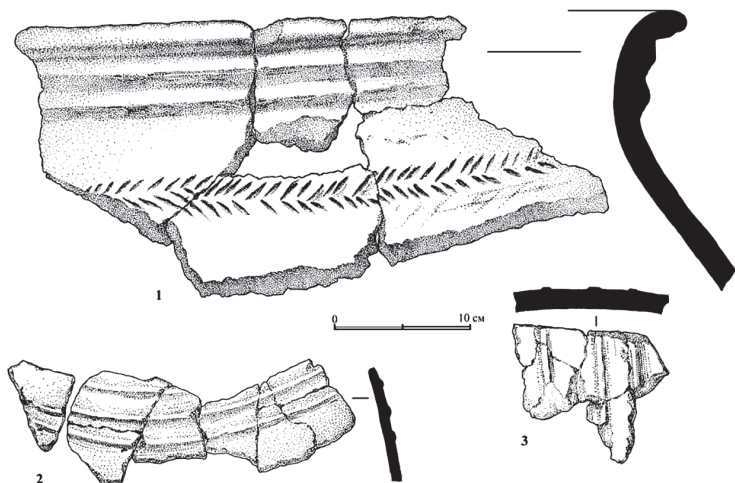
Находки с Джантукхского поселения: 1 – печать (?); 2-3 – топорики; 4 – лемех.
 1 – камень; 2-4 – железо.

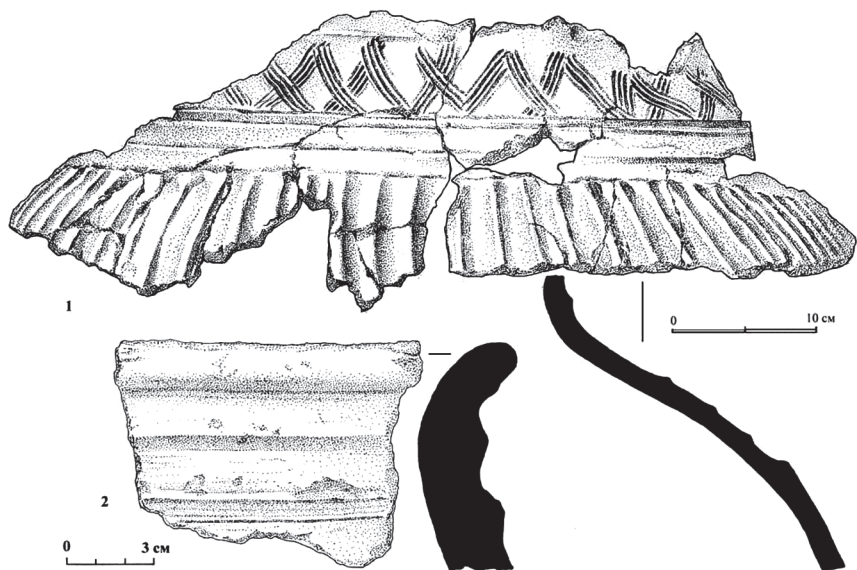
Находки с Джантукхского поселения: 1 – долото; 2 – бляшка; 3 – гвоздь; 4-5 – штыри; 6, 8 – ножи; 7 – точильный камень; 9 фрагмент сопла (?). 1, 3-6, 8 – железо; 2 – бронза; 7 – камень; 9 – глина.

Находки с Джантукхского поселения: 1-7 – пряслица; 8 – оплавленная скоба; 9 – оплавленный нож; 10-11 – фрагменты оселков. 1, 3, 5-7 – глина; 2, 4, 10, 11 – камень; 8, 9 – бронза.

Керамика Джантукхского поселения: 1-2 – фрагменты пифосов, глина.

Керамика Джантухского поселения: 1-3 – фрагменты пифосов, глина.

Чашечный камень «in situ».

Обработанный камень в виде головы животного.

**Бгажба О.Х., Кайтан Ш.Г.,
Счастный Д.А., Авидзба Д.З.**
(РА, Сухум)

НОВЕЙШИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АБХАЗИИ (ГАЛСКИЙ РАЙОН)

За послевоенные годы (1992–1993 гг.) полевые исследования памятников Галского района, в сравнении с остальными, были сведены к минимуму. Одна из немногочисленных статей, посвященная древностям Восточной Абхазии, была издана в далеком 2000 г. и автором ее был Г.К. Шамба¹. Примечательно, что в перечне основных исторических памятников Галского района упоминается также и один из самых загадочных памятников Абхазии – Великая Абхазская стена (Ап̄суа бааг̄ара ду), функционирование которой исследователь отнес к периоду с раннего Средневековья вплоть до XIX в.²

В этой связи хотелось бы поделиться информацией о проделанной нами работе в обозначенном районе за период с 2017 по 2019 гг.

В 2017 г. помощником главы администрации Галского района Т.Ш. Инал-Ипа нам была предоставлена информация о локализации некоего крепостного сооружения в с. Хиацхе (Хяцха), известного среди местных жителей под названием «Глаза Губаза». Тогда, по просьбе Т.Ш. Инал-Ипа, этот памятник был осмотрен и впервые зафиксирован на GPS-приемник сотрудниками Министерства культуры и охраны историко-культурного наследия Республики Абхазия Ш.Г. Кайтан и И.А. Джопуа.

¹ Шамба Г.К. По следам древностей Восточной Абхазии (Галский район). «Алашара». Вып. 1. Сухум. 2000. С. 3-12.

² Шамба Г.К. По следам древностей Восточной Абхазии (Галский район). «Алашара». Вып. 1. Сухум. 2000. С. 9.

В том же году Абхазским институтом гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа Академии наук Абхазии в рамках выполнения целевой программы «Финансово-материальное обеспечение научных исследований, проводимых молодыми учеными научных учреждений, подведомственных Академии наук Абхазии», были проведены археологические исследования нескольких участков Великой Абхазской стены. Для уточнения направления линии ее обороны в Юго-Восточной части республики было решено обследовать и вновь выявленный крепостной объект в с. Хяцхе Галского района заложением нескольких шурфов. Забегая вперёд, хочется подчеркнуть, что прямая связь данного сооружения с линией обороны Великой Абхазской стены пока ещё не установлена, несмотря на то что ранее некоторые авторы¹ включали ее в единую систему обороны Великой Абхазской стены.

Местоположение этого сооружения древними зодчими было выбрано неслучайно. Оно протянулось вдоль трехглавого холма (на 300 м), с которого открывается хороший вид на долину р. Ингур и Зугдидский район, часть Колхидской низменности и Черное море. Данное крепостное сооружение по своим параметрам и стилю кладки (речной булыжник на известковом растворе) схоже с объектами Великой Абхазской стены. Скрепляющий раствор состоит из извести с включением песка и мелкой гальки. В процессе обмеров стены определено, что в самой сохранившейся части её высота составляет более 2,5 м. На месте закладки шурфа №1 высота стены от уровня почвы достигает 0,5 м. Толщина стены у этого шурфа – 0,9 м. Один из шурфов дал незначительный археологический материал и состоял из мелких обломков керамики средневекового периода.

В октябре-ноябре 2019 г. в рамках проекта «Тайны Великой Абхазской стены», реализованного при поддержке Абхазского общественного фонда развития «АМШРА», археологические раскопки памятника были продолжены. В экспедиции принимали участие: Ш.Г. Кайтан, Д.А. Счастный, Д.З. Авидзба, И.Ю. Журавлёва, Э.А. Бериулава. Активную помощь в организации и проведении полевых работ оказывали: Л.А. Цугурян, З.Л. Цугурян, Р.М., В.А. Никулин, Гацерелия и М.В. Саленко. Научный руководитель (консультант) экспедиции О.Х. Бгажба.

¹ Адзинба И.Е. Архитектурные памятники Абхазии. Абгиз. 1958. С. 140.

В ходе очередного осмотра окрестностей и прилегающей к стене территории выяснилось, что на холмах сохранились следы и других построек, а сама стена имеет продолжение, которым как бы замыкает ограниченное пространство общей площадью около 3,5 га. Дополнительный опрос местных жителей (Роберт Гацерелия, Валико Зухбая) позволил выявить новые для нас названия данной местности, среди которых стоит выделить «Куатания-суки (зуки)» (холмы Кватания, Кватаниевские холмы). Как выяснилось, подобные названия с незначительными изменениями встречаются в отечественной литературе – «Куатания-сурки»¹ и «Куатания-сукки»². Как нам представляется, все перечисленные топонимы имеют позднее происхождение, в то время как сам памятник – более раннее.

После того как все наземные остатки крепости были обмерены и зафиксированы при помощи GPS-приемника началась расчистка участков и их нивелировка для закладки разведывательных шурфов. Каждый из них дал интересный материал. Основная часть работы проходила на центральном холме, который в дальнейшем стал именоваться «хозяйственным». Первый шурф был заложен на месте грабительского раскопа округлой формы с разбросанными вокруг него толстостенными керамическими фрагментами с расчесами и без них. На глубине 20 см стали появляться и другие части сосуда, как выяснилось позже, неплохо сохранившегося пифоса. По мере нашего углубления со стороны северной и южной стенок шурфа обнажились края ещё двух пифосов. Было принято решение расширить шурф до раскопа в северном направлении. В итоге было выявлено четыре пифоса, из них раскопано и обмерено три, один извлечён для дальнейшей сборки и передачи в Абхазский государственный музей. Все сосуды были выстроены в один ряд с юга на север на расстоянии 30-40 см друг от друга. В двух случаях нами был зафиксирован известковый раствор, на который ставили пифосы перед закапыванием. В одном случае для фиксации пифоса № 3 в вертикальном положении его подперли плоским известняковым камнем. У всех раскопанных пифосов отсутствовали верхние части,

¹ Адзинба И.Е. Архитектурные памятники Абхазии. Абгиз. 1958. С. 139.

² Трапш М.М. Труды. Т. IV. Сухуми. 1975. С. 214.

что не удивительно. По словам местных жителей, в советское время данная местность использовалась citrusовым совхозом, чему предшествовало террасирование холмов. Таким образом, все что находилось на глубине около 0,5 м было уничтожено бульдозером. Тем не менее, сохранившиеся части сосудов позволяют говорить об их формах. Все они яйцевидные, с гладкими стенками (Рис. 1). Пифосы №№ 3 и 4 темно-красного (бурого) цвета и имеют поддоны, у пифоса № 1 – плоское дно. Венчики, которые удалось зафиксировать на поверхности земли и в раскопе идентичны и, скорее всего, являются одним целым с пифосом № 1. Под венчиками видны следы расчесов.

Шурф № 2 был заложен южнее пифосов, на самой вершине «хозяйственного» холма, имеющего на поверхности прямоугольные очертания и углубление посередине. В общей сложности нам удалось опуститься на 1,5 м от современной поверхности земли, пробиваясь сквозь весьма плотный и каменистый грунт, который начался ниже отметки 45 см. В первом слое наблюдалось хаотичное скопление разнотипных керамических фрагментов посуды (преимущественно толстостенных) и строительной керамики (черепица). Почти на поверхности земли, под слоем дерна и густых корней сассапареля был найден небольшой железный ножичек (8 см) с формой, приближенными к современным типам. В самой нижней части шурфа выявлено безынвентарное погребение. Костяк был в очень плохой сохранности и представлен отдельными частями крупных и мелких костей. С целью фиксации погребального обряда было принято решение расширить шурф до раскопа общей площадью 2x2 м (Рис. 2). Установлено, что покойника положили на специально подготовленную поверхность, выложенную мелкой белой галькой, края могилы были обложены более крупными речными валунами темного цвета. Над покойником создана насыпь из гальки такого же размера, как и подстилка, но уже разных цветов (преимущественно темного). Под насыпью были найдены фрагменты керамики темно-красного цвета, представляющие некогда один цельный кусок стенки сосуда, однако других недостающих фрагментов не обнаружено, за исключением тонкостенного венчика от второго сосуда.

Шурф № 4 был заложен на первом холме. Фасадная стена здесь выступает от основной линии на 1,3 м в восточном направлении под прямым углом и имеет длину около 11,2 м (Рис. 3). Данный выступ является частью внутреннего помещения прямоугольной формы, расположенного перпендикулярно главной стене (запад-восток) и насчитывающего в длину 13 м вместе с выступами. С восточной стороны внутреннего пространства помещения отмечен большой завал камней и следы грабительских раскопов. По всей видимости, именно это место в своем кратком описании упоминает И.Е. Адзинба, называя его склепом¹. Поэтапное углубление шурфа показало наличие большого скопления человеческих костей вперемешку с обломками разнотипной керамики.

Как явствует из описанного, памятник Куатаниа-зуки имеет большую перспективу в плане археологического исследования, которое обязательно должно быть продолжено. Тем более, судя по стратегическому расположению, планировке, строительной булыжной кладке, составу раствора, а также археологическому материалу не исключено, что данная крепость могла относиться к оборонительной линии Великой Абхазской стены, доходящей до р. Ингур, как считали в свое время И.Е. Адзинба, Ю.Н. Воронов и другие исследователи этого памятника, а не до р. Аалдзга (Галидзга) по Г.В. Требелевой².

Первый этап археологических раскопок окончен, впереди камеральная обработка полученного материала и выводы, которыми мы поделимся в отдельных статьях по завершении исследовательского проекта «Тайны Великой Абхазской стены».

¹ Адзинба И.Е. Архитектурные памятники Абхазии. Абгиз. 1958. С. 139.

² Требелева Г.В. Великая Абхазская (Келасурская) стена: результаты исследования. М. 2019. С. 64.

Рисунок 1. Раскоп № 1.

Рисунок 2. Раскоп № 2.

Рисунок 3. Шурф № 4.

Вольная Г.Н.

(РФ, Владикавказ)

ОБ ОДНОМ ТИПЕ СЕРЁГ-ПОДВЕСОК СЕРЕДИНЫ I ТЫС. ДО Н.Э. ИЗ ПАМЯТНИКОВ КАВКАЗА

На территории Северного Кавказа и Западного Закавказья в погребениях различных культур известны золотые серьги своеобразной конструкции. Они представляют собой цилиндрический или конический стержень, прикреплённый верхним концом к кольцу, которое вдевалось в отверстия в мочках ушей либо крепилось к головному убору. На стержень сверху и снизу одевались ажурные или сплошные полушария, а также конусы, которые создавали шаровидные и биконические конструкции. К нижнему концу стержня крепилась пирамидка из зерни, которая закрепляла эти конструкции на стержне, не давая им упасть. Все они, судя по разомкнутой конструкции верхнего кольца, представляют собой серьги, которые вдевались в ухо. Они встречаются на каменных стелах, начиная с IX в. до н.э. на территории Ассирии. Серьги являются довольно статусным аксессуаром и изображаются в ушах статусных особ, а также божеств на каменных стелах: ассирийского правителя Шамши-Адада V (IX в. до н.э.); крылатого духа с каменной стелы времени Ашшурнацирапáл II – царя Ассирии (884–859 гг. до н.э.); серьги в ухе ассирийского царя Сарагона II (721–705 гг. до н.э.), на стеле с изображением фигур Сарагона II и принца на каменной стеле из дворца Хорсабада¹ и др. Наиболее ранними являются серьги-подвески биконической формы. В частности, они изображены у ассирийского царя Синнахериба на барельефе из Хосрабада (706 г. до н.э.)² (Рис. 1,1-6).

¹ The Assyrians and the Babylonians (History and Treasures of an Ancient Civilization). Vercelli, 2007. P. 135, 153, 168, 170.

² Козенкова В.И. Кобанская культура и окружающий мир. М., 2013. Рис.13

Продолжают литию из биконических серёг на стержне золотые серьги из Ирана (VII–V вв. до н.э.) с 4 рубиновыми вставками в гнездах средней выступающей части тулова корпуса серьги (Рис.1,87).

В дальнейшем золотые **биконические серьги** такой конструкции получили распространение в северокавказских памятниках V в. до н.э. Важной составляющей конструкции этих серёг является наличие верхнего и нижнего элементов, которые затем спаивались. Зернь располагалась на выступающей части корпуса серьги, там же, где и рубиновые вставки иранских серёг, возможно, зернь имитировала такие вставки. Но, скорее всего, вставки из камней и зернь закрывали шов спайки частей конструкции. Он декорировался одним либо несколькими рядами проволоочки, иногда рифлёной и украшенной зернью.

Такие серьги со **сплошным биконическим корпусом** (Рис.1,10-12) известны в курганах 2 и 8 Нартановского мог., кургане у с. Шалушка (Кабардино-Балкария)¹ (Табл.25,19). В памятниках Северного Кавказа встречаются также имитации таких серёг из серебра и бронзы в мог. Верхняя Рутха, Верхнекобанский мог., Цинцкаройский мог., 13 и пог. 3 мог. Пседахе². Стержень в них заменён проволокой, идущей от верхнего кольца и завершающегося внизу петлёй вместо пирамидки из зерни.

В восточном регионе серьги такой конструкции известны в Приуралье из урочища Биш-Оба (Рис.1, 9) (VI–V вв. до н.э.)³ (Рис.2,3). Каждая серьга состоит из несомкнутого кольца и припаянного к нему полого двойного конуса. На одной серьге шов конусов имеет фестончатый вырез. На ребре и на концах биконических подвесок припаяны золотые витые проволоочки. Аналогичные серьги найдены в кургане 3-го Бесобинского могильника в Западном Казахстане (V в. до н.э.)⁴.

¹ Батчаев В.М. Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972-1979 гг. в 3 т. Нальчик, 1985. Т. 2; Козенкова В.И. Кобанская культура и окружающий мир. М., 2013. С. 44-45.

² Козенкова В.И. Кобанская культура и окружающий мир. М., 2013. С. 44-45.

³ Игуменшева Е.В. Ассортимент импортных украшений в комплексах кочевников Южного Приуралья VI–I вв. до н.э.) // Вестник Московского университета. Вып. 8. История. 2012. № 3.

⁴ Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М., 1964. С. 141.

Каждая из серег Бес-Обы имеет вид конусов, свернутых из золотого листа. К ним припаяны несомкнутые кольца, сделанные из расплющенной проволоки. Вертикальный шов конуса, низ тулова каждой серьги и место соединения тулова и кольца покрыты полосками зерни¹. Похожие серьги известны также в погребении (V в. до н.э.) курганного савроматского могильника Пятимары I (Оренбургская обл., бассейн р. Илек)².

К.Ф. Смирнов предполагает возможность среднеазиатского происхождения этих серег, хотя и отмечает, что подобные серьги, но выполненные в технике литья, были известны и на Северном Кавказе³. По мнению исследователей, основная масса импортных украшений не имеет столь явно выраженного социального значения и появилась на территории Южного Приуралья, скорее всего, в результате торгового обмена с Ахеменидским Ираном.

В более поздний период такие биконические серьги попадают на территорию Украины, встречены в могиле №3 кургана Гайманова Могила (IV–III вв. до н.э.)⁴ (Кат.284. Рис.711) и на Полтавщине⁵ (Рис.14) (Рис.1, 12–13).

Особняком стоят серьги-подвески с удлинённо-коническими полами втулками с **ажурным чехлом ромбовидной** в профиль **формы** из двух рядов спаянных между собой проволочных петелек. К верхней и нижней части полукруглой стержня припаяны горизонтальные дисковидные площадки. К нижней части стержня припаяна пирамидка из зерни. Высота пирамидки из зерни – 0,5 см. Диаметр зерни менее 1 мм.

Наиболее древние золотые серьги (6 идентичных экз.) известны из погр.1 гробницы III (IX в. до н.э.) в Нимруде (Ирак) (Рис.1,23)⁶.

¹ Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К. Погребение жрицы, обнаруженное в Актюбинской области // КСИА. № 154. М., 1978. С. 67-68.

² Смирнов К.Ф. Сарматы на Илеке. М., 1975. С. 22.

³ Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М., 1964. С. 141, 142.

⁴ Бидзиля В.И., Полин С.В. Скифский царский курган Гайманова могила. Киев: «Скиф». 2012. С.471-472.

⁵ Козенкова В.И. Кобанская культура и окружающий мир. М., 2013.

⁶ Hussein M.M. Nimrud the queens' tombs. Bagdad, Chicago, 2016. Pl.120b

Аналогичная конструкция присутствует в серьге из центрального женского погребения 2-го Новосельского кургана в Чечне (Рис.1,24)¹, где возле костей левой руки найдена золотая серьга-подвеска. По периметру погребение было обложено деревянными плахами, скелет лежал вытянуто на спине головой на юго-запад. Высота серьги с дужкой – 6 см. Высота подвески – 3, 2 см, диаметр в широкой части полукружия – 1,75 см, высота двух полукружий – 1,75 см. Здесь находилось бронзовое зооморфное зеркало, имеющее восточные аналогии V–III вв. до н.э. из Тувы (Саглы-Бажи), Центральной Азии и Северо-Восточного Китая².

Схожая конструкция наблюдается в изготовлении золотых на-
верший-пистонов от шнуровки платья из мог. Филипповка 1, курган
1, погр. 2 (Оренбургская обл., бассейн р. Илек), датируемого IV в. до
н.э.³ (Рис.13.). Сверху и снизу места крепления проволочных петелек
декорированы проволочными колечками, точки сочленения верхних
концов петелек украшены пирамидками из мелкой зерни (диаметр
меньше 1 мм). Такие же шарики зерни расположены по окружности в
основании ромба у нижнего кольца на поверхности втулки. Верхний
край втулки – плоская круглая площадка, к которой припаяны пира-
миды из четырёх крупных шариков зерни (диаметр 2 мм). Размеры:
высота: 2,4-2,5 см, ширина – 1,5 см, диаметр втулки – 0,5 см. Техноло-
гия изготовления: резка, пайка золота⁴.

Промежуточное звено между серьгами IX в. до н.э. из Нимруда и
находками из 2-го Новосельского кургана и мог. Филипповка 1 пока

¹ Вольная Г.Н. Бронзовое зооморфное зеркало из 2-го Новосельского кургана //Некоторые вопросы культурных и этнических связей населения Северного Кавказа в эпоху поздней бронзы-раннего железа. Армавир,1997. С. 57, 63. Рис.1, 5

² Богданов Е.С. Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии (скифо-сибирская художественная традиция). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. 2006. С. 85.

³ Аникеева О.В., Яблонский Л.Т. Элементы погребального костюма костюма жрицы из Филипповских курганов: материалы к реконструкции //Археология евразийских степей. № 1, 2019. С.18.

⁴ Аникеева О.В., Яблонский Л.Т. Элементы погребального костюма костюма жрицы из Филипповских курганов: материалы к реконструкции //Археология евразийских степей. № 1, 2019. С. 7-11, 12.

не найдено. Но их сопоставление помогает найти тенденции распространения таких серёг с Ближнего Востока посредством кочевников. Обращает на себя внимание, что Филлиповка 1, как и Пятимары 1 расположена в бассейне р. Илек Оренбургской обл.

Если на Северном Кавказе получили распространение биконические серьги, то на территории Западного Закавказья представлены разнообразные варианты серёг рассматриваемой нами конструкции.

Наиболее ранними в Западном Закавказье являются серьги с **шаровидными и эллипсоидной конструкциями** на стержне. Среди них выделяются серьги с ажурными конструкциями (Рис.1,29–33) и со сплошными (Рис. 1, 14–20,22). Такие серьги известны из с. Ачандары (V в. до н.э.) (раскопки Г.К. Шамба), могильников Вани, Пичвнари, Самдало (IV–V вв. до н.э.), и в Казбекском кладе (VI–V вв. до н.э.).

Серьги со **сплошными конструкциями шаровидной формы** обнаружены в грунтовом погребении с.Ачандары. Здесь в области правого уха погребенного найдена золотая серьга-подвеска (рис. 1,10). По «экватору» тулова серьги проходит горизонтальный пояс, к которому припаяно 8 выступающих пирамидок из зерни, увенчанные зернью в виде пирамидки. Такой же пирамидкой завершается нижняя часть стержня. Нижняя половина шарика покрыта двумя рядами треугольников из зерни (более мелкой, чем на пояске и внизу), в верхнем ряду – 13 треугольников, в нижнем – 9. Верхнее полушарие серьги ограничено тонкой проволокой и украшено двумя рядами поясков из мельчайших треугольников зерни. Длина серьги вместе с колечками 4–9 мм, при диаметре 13 мм, вес – 6 гр. (Рис. 1, 10).

Георгий Кучиевич Шамба ближайшую аналогию ачандарской золотой серьги нашёл в Казбекском кладе (Рис.1,15) VI–V вв. до н.э. Также по форме и технике исполнения ачандарский экземпляр напоминает золотые серьги из Вани 400–330 г. до н.э. (Рис.1,16-19), Саирхе первой половины IV в. до н. э. (Рис.1,20). Весьма сходная золотая бусина была найдена среди богатых захоронений Сачхерского района, датируемую чернолаковым лекифом концом V–IV вв. до н.э. По мнению исследователя этого памятника, интересующая нас серьга

местного происхождения выполнена на восточный лад¹. Аналогичная серьга, но с более скромной декорировкой встречена в Самдало² [Тaf.138,6).

Поиски аналогий серёг такой конструкции на территории Западной части Северного Причерноморья не дали положительных результатов. Но были найдены аналогичные подвески двухрядной бахромы шали в Южном Приуралье в погр. 2 кургана 1 могильника Филлиповка 1 (Рис.1,21), датируемого IV в. до н.э.³ (Рис.13, 19).

Серьги-подвески **с ажурными эллипсовидными конструкциями** обнаружены в могильнике Пичвнари среди золотых украшений детского погребения в Аджарии (Рис.1,31) последней четверти V в. до н.э., где были найдены две золотые ажурные серьги. Они состоят из четырёх или шести вертикальных полос. По «экватору» проходит поясok, украшенный пирамидками из зерни. Нижняя пирамидка состоит в свою очередь из четырёх пирамидок сбоку и одной внизу. Г.К. Шамба считает, что жители западной Колхиды еще в середине I тыс. до н.э. были связаны с населением центральной Колхиды (Вани, Сачхери, Пичвнари). Пирамидка из зерни довольно часто представлена на местных памятниках поздней бронзы и раннего железа.

Две пары аналогичных серёг происходят из могильника Вани и датируются первой третью IV в. до н.э. (Рис.1, 29–30, 32–33).

Серьги-подвески **с ажурными биконическими конструкциями** встречены только в погребениях могильника Вани и датируются первой третью IV – началом V в. до н.э.

По мнению ряда авторов, широкое использование в декоративной отделке калиброванной зерни, безусловно, относится к изделиям ремесленных центров Ахеменидского Ирана. Исходя из технологии их изготовления, можно предположить, что сложные и составные из-

¹ Шамба Г.К. Новые археологические материалы из Ачандара // Актуальные проблемы истории народов Кавказа. Сухум, 1996. С. 48-57.

² Bill A. Studien zu den Grabern des 6. bis 1. Jahrhunderts v. Chr. in Georgien: unter besonderer Berücksichtigung der Beziehungen zu den Steppenvolkern. Bonn, 2003.

³ Аникеева О.В., Яблонский Л.Т. Элементы погребального костюма костюма жрицы из Филипповских курганов: материалы к реконструкции // Археология евразийских степей. № 1, 2019. С. 15.

деля соединялись из элементов, сделанных заранее, т.е. являлись наборными¹. Более поздние аналоги серьгам-привескам со стержнем и полукружий вокруг него известны из Северного Причерноморья (Херсонес III-IV вв. н.э.), сарматского времени из Северной Осетии.

По мнению целого ряда исследователей, как скифологов, так и кавказоведов прототипы биконических серёг следует искать в культурах I тыс. до н.э. Ближнего Востока. В частности, изображение такой серьги на барельефе Синнахериба 706 г. до н.э. в Хосрабаде, напоминают серьги на рельефе ассирийского царя Ашшурнацирапала II (IX в. до н.э.)². Художественный язык престижного искусства Ахеменидов восходит к новоассирийской торевтике и ювелирному искусству. Найденные в богатых «гробницах цариц» Нимруда ассирийские артефакты наглядно показывают ряд устойчивых мотивов и форм, которые будут восприняты официальным искусством персов³.

Таким образом, на территории Западного Кавказа в V–IV вв. до н.э. появился и широко распространился тип золотых серёг-подвесок, представляющих собой коническую, шаровидную, эллипсоидную конструкцию – сплошную или ажурную, закреплённую на центральном стержне, который в верхней части крепился к кольцу, а нижней был декорирован одной пирамидкой или пятью пирамидками из зерни. Золотые серьги-подвески на кольцах вдеты в уши бронзовой фигурки III в. до н.э. из пог. 4, мог. Вани (Рис.1,34).

Техника зерни – трудоемкий метод, основан на пайке небольших равных фрагментов проволоки, которые при нагреве образуют круглые гранулы. На серьгах из Западного Закавказья, как правило, гранулы имеют один размер и находятся на одинаковом расстоянии друг от друга, что требует большого мастерства и аккуратности при пайке каждого зерна. Это свидетельствует о высоком уровне разви-

¹ Аникеева, О.В., Шемаханская, М.С., Яблонский Л.Т. Ювелирные шедевры ахеменидской эпохи из гробницы знатной женщины в Южном Приуралье // Ювелирное искусство и материальная культура. СПб.2017. С. 7-11.

² Козенкова В.И. Кобанская культура и окружающий мир.М.,2013. С. 44.

³ Вергазов Р. Р. Официальный стиль в искусстве Ахеменидского Ирана и художественная жизнь северных провинций империи. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата искусствоведения. М., 2018. С. 13.

тия престижного искусства и индустрии, изготавливавшей подобные произведения. Мастера должны были иметь широкий набор инструментов для работы с металлами, обладать специальными знаниями в этой области и большим опытом для создания столь качественных и сложных украшений¹.

В VI–IV вв. территория Закавказья входила в территорию Ахеменидского Ирана. Поэтому влияние этого мощного художественно-культурного центра не случайно. Несмотря на происхождение прототипов этих украшений с территории Ближнего Востока и явного влияния Ахеменидского Ирана, судя по многочисленности серёг-подвесок и разнообразию их форм на территории Западного Закавказья, существовал местный производственный центр, который производил такие украшения, возможно, из заготовок, привезённых из Ирана.

¹ Анিকেева, О.В., Шемаханская, М.С., Яблонский Л.Т. Ювелирные шедевры ахеменидской эпохи из гробницы знатной женщины в Южном Приуралье // Ювелирное искусство и материальная культура. СПб.2017. С. 7-11.

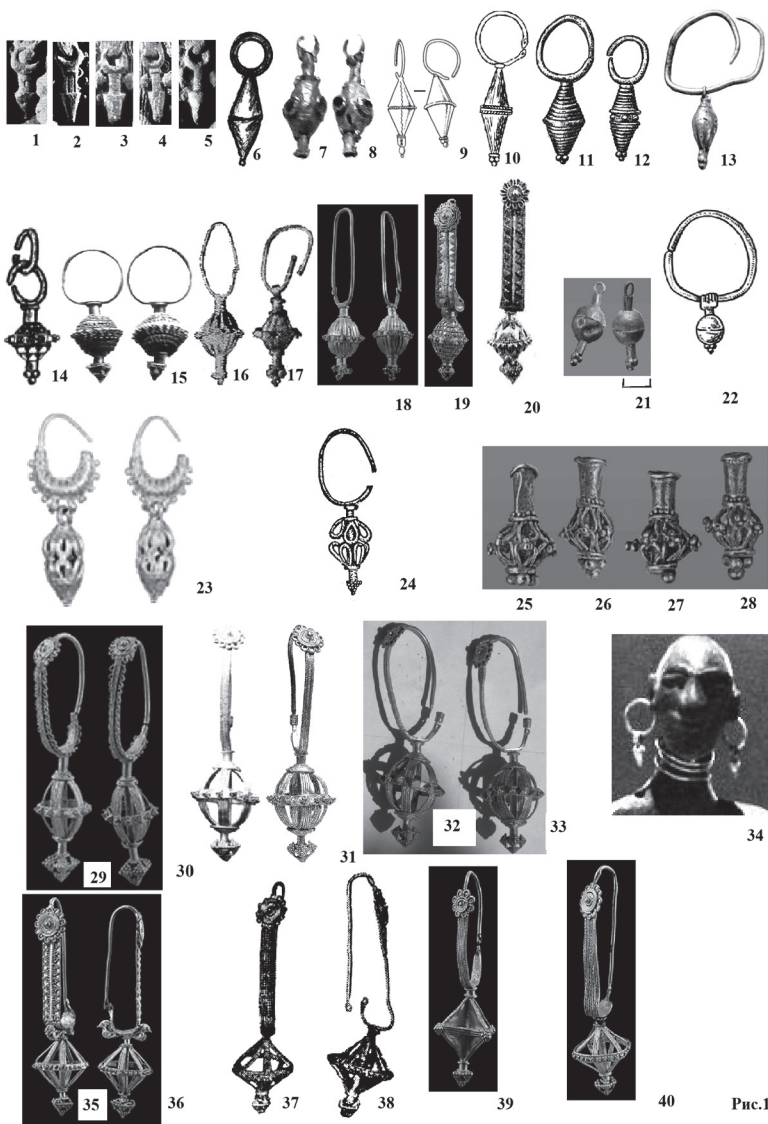

Рис.1. Золотые биконические и шаровидные серьги-подвески на стержне и их аналогии:

- 1 – серьга в ухе ассирийского царя Саргона II (721–705 гг. до н.э.) на каменной стеле (The Assyrians and the Babylonians, 2007. P.153);
- 2 – серьга в ухе ассирийского принца с изображением Саргона II и принца из дворца Хорсабада на каменной стеле (The Assyrians and the Babylonians, 2007. P.170);
- 3 – серьга в ухе короля Ассирии Саргона II со стелы с изображением Саргона II и принца из дворца Хорсабада (The Assyrians and the Babylonians, 2007. P.170);
- 4 – серьга в ухе крылатого духа с каменной стелы времени Ашшурнацирапáла II – царя Ассирии (884–859 гг. до н. э.) (The Assyrians and the Babylonians, 2007.P.168);
- 5 – серьга в ухе ассирийского правителя Шамши-Адада V. IX в. до н.э. (The Assyrians and the Babylonians, 2007. P.135);
- 6 – серьга в ухе у Синнахериба на барельефе из Хосрабада. 706 г. до н.э. (Козенкова. 2013. Рис.13);
- 7–8 – золотые серьги из Ирана. VII–V вв. до н.э. Экспозиция Музея восточного искусства имени Джузеппе Туччи (Рим) (<https://tisamsebegid.ru/rim/muzej-vostochnogo-iskusstva/>);
- 9 – золотая серьга из урочища Биш-Оба (Приуралье). VI–V вв. до н.э. (Членова, 1983. С. 49. Рис. 2) (Игуменова, 2012. Рис.2,3);
- 10 – золотая серьга из Нартановского мог., курган 2. V в. до н.э. В.М. Батчаев, 1985. Табл.25,19) (Козенкова. 2013. Рис.14); Аналогичная серьга в кургане 8.
- 11 – золотая серьга из кургана у с.Шалушка. V в. до н.э. (Кабардино-Балкария) (Козенкова. 2013. Рис.18);
- 12 – золотая серьга. Случ. находка. Полтавщина (Козенкова. 2013. Рис.14);
- 13 – золотая серьга из мог.Гайманова Могила. Могила №3. IV-III вв. до н.э. (Бидзиля, Полин, 2012. Кат.284. С.471-472. Рис.711).
- 14 – золотая серьга из погр. из с.Ачандары. V в. до н.э. (Шамба. 1996. Рис. 1, 16.);
- 15 – пара золотых серёг со ст. Казбек. VI-V вв. до н.э. Фотоархив ИИМК. Q 506.19 (собрание Ермакова).
- 16 – золотая серьга из мог. Вани. Погр.8. V в. до н.э. (Bill, 2003. Taf.167,11);
- 17 – золотая серьга из мог. Вани, погр.11. Середина V в. до н.э. (Bill, 2003. Taf.172,5).
- 18 – пара золотых серёг из мог. Вани, погр. 330 г. до н.э. (<https://translate.google.ru/translate?hl=ru&sl=ka&u=https://burusi.wordpress.com/2009/07/21/vani-kolheti/3/&prev=search>).

- 19 – золотая серьга из мог. Вани. 330 г. до н.э. (<https://translate.google.ru/translate?hl=ru&sl=ka&u=https://burusi.wordpress.com/2009/07/21/vani-kolheti/3/&prev=search>).
- 20 – золотая серьга из мог. Саирхе, погр.8 (Bill,2003.Taf.132, 2).
- 21 – золотые подвески из двурядной бахромы шали из мог. Филипповка 1, курган 1, погр.2 (Аникеева. Яблонский, 2019. Рис.3).
- 22 – Самдало, «женское погребение». III в. до н.э. (Bill,2003.Taf.138 ,6).
- 23 – золотые серьги из погр.1 гробницы III в Нимруде (Ирак) 6 экз. IX в. до н.э. (Hussein, 2016. Pl.120b);
- 24 – золотая серьга из 2-го Новосельского кургана. V в. до н.э. (Вольная, 1997. Рис. 1, 5);
- 25-28 – золотые навершия-пистоны от шнуровки платья из мог. Филипповка 1, курган 1, погр.2 (Аникеева. Яблонский, 2019. Рис.13)
- 29-30 – пара золотых-серёг из мог. Вани, 330 г. до н.э. (<https://translate.google.ru/translate?hl=ru&sl=ka&u=https://burusi.wordpress.com/2009/07/21/vani-kolheti/3/&prev=search>).
- 31 – пара золотых серёг из мог. Пичвнари (Аджария). V в. до н.э.
- 32-33 – пара золотых серёг из мог.Вани, 330 г. до н.э. (<https://translate.google.ru/translate?hl=ru&sl=ka&u=https://burusi.wordpress.com/2009/07/21/vani-kolheti/3/&prev=search>).
- 34 – бронзовая фигурка с золотыми серьгами из погр.4 мог. Вани. III в. до н.э. (<https://translate.google.ru/translate?hl=ru&sl=ka&u=https://burusi.wordpress.com/2009/07/21/vani-kolheti/3/&prev=search>).
- 35–36 – пара золотых серёг из мог. Вани. Погр.6. 330 г. до н.э. (<https://translate.google.ru/translate?hl=ru&sl=ka&u=https://burusi.wordpress.com/2009/07/21/vani-kolheti/3/&prev=search>).
- 37-38 – пара золотых серёг из мог. Вани, погр.9 (Bill,2003. Taf.168, 3-4).
- 39 – золотая серьга из мог. Вани. Погр.6, 400-350 гг. до н.э. (Bill,2003.Taf.163, 7) .
- 40 – золотая серьга из мог. Вани, погр.9. 400-350 гг. до н.э. (<https://translate.google.ru/translate?hl=ru&sl=ka&u=https://burusi.wordpress.com/2009/07/21/vani-kolheti/3/&prev=search>).

Сакания С.М.,

(РА, Сухум),

Требелева Г.В.

(РФ, Москва)

КЕЛАСУРСКИЙ МОНАСТЫРСКИЙ КОМПЛЕКС¹

Этот памятник местной архитектурной школы культового зодчества эпохи Средневековья расположен в одном из красивейших ущелий Абхазии реки Кяласур, на её правом берегу и не очень далеко от широко известного, грандиозного для Абхазии фортификационного сооружения «Великая Абхазская стена»². Монастырский архитектурный комплекс окружен руинированной каменной оградой³. Местами она частично сохранилась, а местами сильно разрушена. Комплекс состоит из двух храмовых построек и двух отдельных сооружений: сильно разрушенной трапезной и башнеобразной постройки, прилегающей к внешней ограде, тоже с серьезными повреждениями.

Главным в этом комплексе является храм №1. Он построен на северной стороне поляны внутри церковной ограды. Храм представляет собой вытянутое однефное сооружение с разно размерными пристройками на северной и южной стороне. Наружная длина храма более тринадцати с половиной метров, ширина доходит до семи ме-

¹ Работа выполнена при поддержке АНА и фонда РФФИ, проект №19-59-40002 Абх_а.

² Адзынба И. Е. Архитектурные памятники Абхазии. Сухуми. 1958. С. 142.; Воронов Ю. Н. В мире архитектурных памятников Абхазии. Москва. 1978. С. 98-104.; Гунба М. М. Абхазия в первом тысячелетии. Сухум 1978.с.196-213.; Пачулия В. П. Исторические памятники Абхазии, их значение и охрана. Москва.1968. с. 121-126.; Требелева Г. В. Келасурская крепость. Москва 2019.с. 4-95.

³ Воронов. Ю. Н. В мире архитектурных памятников Абхазии. Москва. 1978. С. 28-30.

тров. Продольные стены храма сохранились до уровня начала свода. На этих стенах было по одному пилястру. На них и опиралась подсводная арка, которая обрушилась вместе со сводом храма ещё в древнее время. На западной стене также сохранились фрагменты пристенной арки, опирающейся на части угловых пилястров со своеобразными капителями. В этом храме три дверных проема. Один дверной проем расположен посередине западной стены, два других – на продольных южной и северной стенах храма, на их западном участке. Из дверных проемов лучше сохранился северный. Верхний участок его завершается арочной формой кладки. На сегодня единственным функционирующим является дверной проем на западной стене. Вертикальные щеки стен проема сохранились, но верхнее завершение разрушено. То же самое можно сказать о южном дверном проеме. Верхняя часть вместе со стеной обрушена, но в нижней части на уровне сегодняшней дневной поверхности сохранились *in situ* блоки стен щеки, которые позволяют снять размеры проема. Дверные проемы на продольных стенах, несмотря на то что они расположены на западной стороне пристенных пилястров, все же не находятся на одной осевой линии. Южная дверь смещена к востоку ближе чем северный проем. К большому сожалению, храм завален строительными обломками свода. В настоящее время условный пол храма выровнен редкими верующими посетителями. Визуально древний пол храма завален до одного метра двадцати сантиметров. Высоту завала можно определить по северному дверному проему. Большая часть верхнего полукруга дверного проема сохранилась, условная высота этого дверного проема должна соответствовать двум метрам двадцать или тридцать сантиметров. Видимая часть этого проема на сегодня многим более одного метра от нынешнего завала.

В целом этот храм представляет большой интерес. Ю. Н. Воронов в своей книге сообщает об этом храме и подчеркивает некоторые интересные моменты из истории его изучения: «В центре Келасурского архитектурного комплекса находится большой храм зального типа, состоящий из основного помещения и двух приделов – южного и северного. Обрушившийся еще в древности каменный свод на подпружных арках, опиравшихся на три пары пилястр. В алтаре

видны узкое окно и две высокие ниши, перекрытые сверху арками. Зал освещался также с помощью небольшого окна в западной стене. На полу лежит множество обломков штукатурки со следами богатой фресковой росписи, когда-то покрывавшей поверхность стен. В 1885 году здесь производил раскопки полковник Цилюссани, который нашел металлические оклады от старинных икон, различную церковную утварь, обломки колокола с латинской надписью и другие материалы, относящиеся к XI–XV векам. Рядом с основным храмом видны развалины прямоугольного здания, небольшой более поздней по облику церкви и каких-то других сооружений, окруженных массивной оборонительной стеной с большой каменной аркой ворот, выходящих в сторону обрыва к реке...»¹.

В целом храм действительно так и выглядит как это коротко и описал Ю. Н. Воронов. Однако не все моменты были им отмечены в силу краткости его сообщения. Когда нами составлялся чертеж плана храма и делалось визуальное описание на месте, возникла несколько иная картина храма. Действительно, храм выглядит как зальное сооружение, но в силу удлиненности главного помещения он больше относится к однефным сооружениям. Более того, к храму снаружи, с севера и юга пристроены две разноразмерные пристройки, но они не могут называться приделами, хотя бы из-за того, что приделы несут совершенно другие функциональные нагрузки. В данном случае северная пристройка, а она наиболее длинная, без перегородок напрямую связана с основным объемом храма и потому могла играть определенную роль в церковной литургии. Тогда как южная пристройка более короткая, даже с учетом её удлинения, которую мы указали на рисунке пунктиром. На востоке этот храм завершается апсидой. Снаружи апсида вписана в общий прямоугольный абрис, храмов с такими апсидами снаружи большое количество в Абхазии. Однако внутренняя часть апсиды этого храма представляет большой интерес. Внутренняя форма апсиды отличается от большинства нам известных памятников Абхазии. В данном храме апсидная часть выделяется от вышеназванных тем, что апсида не прямоугольной или полукруглой,

¹ Воронов. Ю. Н. В мире архитектурных памятников Абхазии. Москва. 1978. С. 28-30.

или подковообразной, или многогранной формы, а восточная стена у этого храма почти прямая или слегка изогнута. На углах имеется закругление, переходящее в приапсидные стены. В центре обеих апсидных закруглений имеются ритуальные ниши, и они хорошо сохранились. Имеют вертикальную форму конструкции в плане полукруглой формы. Восточная часть стены апсиды сохранилась до уровня основания алтарных окон. Сохранились и боковые участки апсиды. Интересный момент был зафиксирован и в этой части храма. Ю. Н. Воронов отмечал наличие в алтаре узкого окна. Современное состояние этого участка апсиды или алтаря не позволяет подтвердить это положение. Но мы можем подтвердить и доказать наличие сквозных проемов на сохранившихся боковых участках апсидной стены. Более того, на северном участке в кладке стены сохранились основание и часть кладки блоков северной щеки, а также фрагменты кладки алтарного оконного навершия. Тщательный осмотр развала алтарной части храма показал, что в храме до обрушения имелось три алтарных окна, вопреки утверждениям предыдущих исследователей. На самом деле в храме нами зафиксированы на северо-восточной части фрагменты кладки алтарного оконного откоса-щеки до начала верхней дуги. Видимо, окна кверху заканчивались небольшими арками. Аналогичные фрагменты нами зафиксированы и на юго-восточной стороне, только всего лишь два блока из откоса. Соответственно, нам представляется, что этот храм имел три алтарных окна, что также является редкостью для однефных сооружений, где апсида не выделена на востоке снаружи.

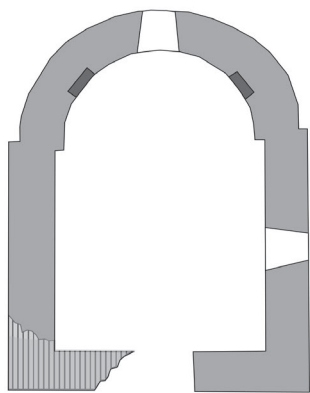
Это храм имеет ещё одну особенность. Западная стена сохранилась до уровня щипца, но разрушена местами. На западной стене визуально можно зафиксировать наличие двух довольно широких окон, расположенных на уровне начала свода. На северной стороне сохранилось место, где был оконный проем. Сегодня это прямоугольной формы проем – довольно широкий, безусловно, этому способствуют разрушенные участки откосов. На южной стороне, на уровне основания северного окна имеется проем аналогичной формы без верхнего участка стены. Соответственно, это тоже является остатком окна на западной стене. Пространство, которое осталось между ок-

нами, дает нам возможность предположить наличие третьего окна между двумя другими на уровне подсводного пространства или на уровне щипца. В этой части стены имеется серьезный пролом, что немного мешает утверждать о наличии третьего окна. Однако, думается, что горизонтальная кладка между двух других окон, которая визуаль-но фиксируется на этой западной стене, подтверждает нашу версию. Композиционно расположение трех окон в виде горки часто встречается в культовой архитектуре Абхазии. Подобное расположение тройных окон на западной стене встречаем в таких базиликальных храмах, как Цандрыпшский и Амбарский, и т.д. Безусловно, эти храмы отличаются конструктивно, имеют иное пространственное решение. Цандрыпшский храм является трехнефной базиликой с выступающими тремя апсидами. Амбарский храм формально тоже является трехнефным базиликальным сооружением. Но в отличие от Цандрыпшского в храме Амбара каждый неф изолирован и сообщаются они между собой дверными проемами. У обоих храмов на западной стороне имеются нартексы. Над нартексами у них расположены хоры. Хоры оформлены тройными окнами, расположенными «горкой», т.е. два окна расположены на одном уровне, третье располагается между двумя, но выше них – на уровне щипца свода храма. В этом плане расположение окон на западной стене Келасурского храма №1 практически повторяет конфигурацию окон вышеназванных памятников. Как известно, подобная конфигурация окон на фасаде или на фасадах храмов является неотъемлемой чертой местной – Абхазской школы церковного зодчества. Таким образом, она отличается от римско-византийской, сирийско-антиохийской и картвело-армянской христианской архитектуры.

На юго-восточной стороне от этого храма расположено некое сооружение прямоугольной формы, предполагаем, что это могла быть трапезная или баптистерия. Кладка сохранившихся стен выполнена известняковыми каменными блоками качественной и грубой тески. Только после археологической расчистки можно что-то утверждать об этом сооружении.

Южнее храма №1 и юго-западнее другого сооружения, условно названного «трапезная», в пятнадцати метрах от них имеется дру-

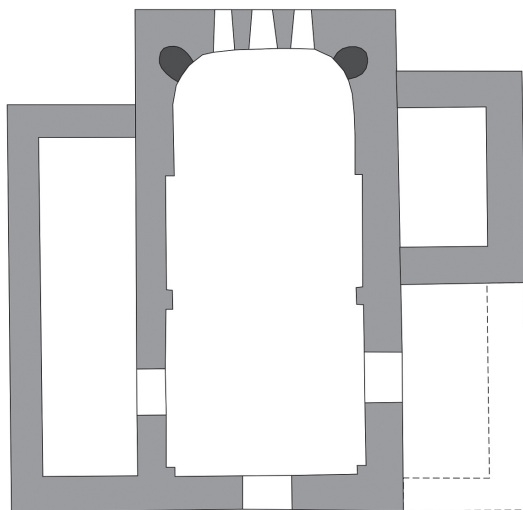
гое строение меньшего размера, чем храм №1. Эта постройка представляет собой зальное или однефное сооружение, без каких-либо видимых пристроек. Этот комплекс, он зафиксирован нами как храм №2, по сравнению с первым имеет небольшой размер. Наружные размеры: длина – 7 метров 45 сантиметров, ширина – 6 метров. В конструктивном плане этот храм отличается от первого храма тем, что апсидная часть в этом случае выступает наружу полукруглой формой и имеет также небольшие заплечики. Внутренняя часть апсиды также полукруглая, посередине неё расположено алтарное окно. На северной и южной сторонах в апсиде имеются небольшие ниши прямоугольной формы. Во внутренней части апсидного алтарного полукружья имеются небольшие заплечики, которые переходят в подсводную арку. Приапсидная арка, в свою очередь, опиралась на капители на южной и северной сторонах примитивной формы. В этом храме имеется один дверной проем и располагается только с западной стороны. На южной стороне храма имеется единственное хорошо сохранившееся окно после алтарного. В строительстве храмового комплекса использованы тесаные блоки из известняка. Южная часть дверного проёма, особенно её щека, хорошо фиксируется. В нём хорошо заметны блоки качественной тёски. На этих блоках плоскости и края хорошо обработаны. Кладка стен второго храма внутри и снаружи как будто регулярная, но тем не менее ряды блоков не так тщательно соблюдены. Поэтому можно предположить, что храм был оштукатурен и, вероятно, расписан. Думается, что этот храм по времени был построен раньше первого. Об этом говорит его размер и выступающая полукруглая апсида, которая является характерной чертой для культовых построек Абхазии, Грузии и Армении. Что касается первого храма, то, на наш взгляд, он построен позже второго и может относиться ко времени начала формирования абхазского патрикейства – княжества Византийской империи и Абхазского царства.

0 5 м

сильно разрушенный
участок стены

0 5 м

Аргун А.В.

(РА, Сухум)

ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ КОМПЛЕКСА МЕТОДОВ ДЛЯ ДАТИРОВКИ ОБЪЕКТОВ АНАКОПИЙСКОЙ КРЕПОСТИ

В данном исследовании показан пример по привлечению в изучение объектов Анакопии комплекса методов, сформировавшихся в археологии, источниковедении, архитектуроведении, искусствознании, в том числе междисциплинарном исследовании на основе методов естественных наук. Археологические экспедиции 1958–1959 гг. под руководством М.М. Трапш, современные исследования 2014–2015 гг. позволили определить стратиграфию культурных слоев, и датировать объекты в пределах второй линии обороны VII–XII вв. (М.М. Трапш¹) и VI–XI вв. (А.В. Аргун²). Археолог В. А. Леквинадзе³ в своем исследовании архитектуры предвратной башни второй линии обороны пришел к заключению, что башня перестраивалась на отрезке XI–XII вв. Искусствоведческие исследования храма цитадели, проводившиеся в разное время А.С. Башкировым, Л.Г.Хрушковой, А.Ю. Виноградовым, Д. Б. Белецким, Е.Ю. Ендольцевой, несмотря на расхождения в отдельных случаях, относят строительство и реконструкцию храма к VII–XI вв. В своих работах ученые обращаются к эпиграфическим памятникам и лапидарной коллекции Анакопии.

Следует отметить, что на объектах Анакопийского комплекса отсутствуют строительные надписи, также мы не располагаем письмен-

¹ Трапш М. М. Раннефеодальные замки, храмы и поселения Абхазии (Средневековая Анакопия). / Труды. Т. 4. Сухуми, 1975. 258 с.

² Аргун А.В. Архитектурный анализ воротного узла Анакопийской крепости // Материалы МНК Абхазия в мировой истории и международных отношениях. Сухум: АБИГИ, М: ИВРАН. 2016. 73 бс. С. 235-257.

³ Леквинадзе В. А. По поводу Анакопийской крепости // ВГМГ, т. XXV-В.119. Тбилиси.1968.

ными источниками с указанием о возведении тех или иных построек. Данная ситуация в разной степени характерна и для других объектов Абхазии, что сказывается на точности хронологии и интерпретации исторических событий в контексте строительной деятельности.

Комплексное изучение объектов Анакопийской крепости, проводившееся с 2014 года в связи с научно-реставрационной программой по сохранению объекта, позволило выявить новые датировки, подтвердившие исторические, археологические, архитектурные данные исследований ряда авторов (А.В. Аргун¹; А.Ю. Виноградов, Д.Б. Белецкий²) последних лет, поставивших под сомнение ранее утвержденные даты. Впервые было привлечено исследование состава строительных растворов комплексом методов. Петрографические исследования проводились на поляризационных микроскопах «POLAM», рентгенофазовые исследования на приборе ARLX'TRA. Также изучение материалов осуществлялось с помощью бинокулярных и цифровых микроскопов. Учитывая микрозернистую и криптокристаллическую структуру сырьевых материалов, использовался рентгенофазовый метод исследований. Расшифровка дифрактограмм проводилась с использованием соответствующих методик, путем сопоставления с подобными исследованиями, а также с использованием международных баз данных. Результаты работ представлены в отчетах³, опубликованы в статьях⁴.

¹ Аргун А.В. Материальная культура раннесредневековой Анакопии в пространстве севера Византийской ойкумены // Материалы III МНК «Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока», г. Севастополь. Т.1. Москва. 2019. С.13-18

² Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура Абхазии в эпоху Абхазского царства. Конец VIII – X в. Москва: «Индрик». 2015.

³ Отчет №5/18. Определение качественного состава образцов бетона и раствора, отобранных на объектах второй линии обороны Государственного учреждения Национальный Новоафонский историко-культурный заповедник «Анакопия» и в храме Акуача в с. Анухва. От 22 марта 2018 г.; Отчет №7/14. Определение качественного состава образцов бетона и раствора, отобранных на историческом комплексе «Новый Афон». 2019.

⁴ Pishchulina V., Kotlyar V., Argun A. Modern techniques of a research of medieval lime mortars for carrying out dating of monuments (on the example of objects of Abkhazia of the 2-11th c.) // 149 TRACEE. 2018.; Pishchulina V., Kotlyar

Определение относительного возраста представленных образцов основывалось на способности извести, применяемой при строительстве в качестве вяжущего вещества на вышеуказанных объектах культурного наследия, карбонизоваться. При этом со временем наблюдается рост структурного совершенства кальцита (кристалличности).

Результаты исследования кладочных растворов подтвердили предположения по уточнению датировок, основанные на результатах археологического и архитектуроведческого анализов, проводившихся с 2014 г.

Таб.1. Сводная таблица результатов

№ п/н	№ обр.	Место изъятия	Пик кальцита	Следы портландита	Датировка гг.	Ранее принятые даты
1	№ 2-7	Природный известняк из массива у цитадели Анакопийской крепости	4900	-	-	
2	№ 2-6	Камень – известняк с раствором образца № 2-4	4800	-	-	
3	№ 2-4	Стена цитадели. Из забутовки изнутри, у входного проема.	4600	-	2-я пол. II в.	IV-VI вв.
4	№ 2-1	Северный вход в предвратную башню, вторая линия обороны, Анакопийская крепость	4400	-	570-580	VII-VIII вв.
5	№ 1-1	Боковой вход в храм Акуача (с. Анухва, 5 км от Анакопийской крепости)	4200	-	650-680	XI-XIII вв.
6	№ 2-2	Западная башня цитадели. Раствор из забутовки. Анакопийская крепость	4000	-	680-690	VII-XI вв.

V., Argun A. Integrated Cross-disciplinary Approach to Dating the Architectural Heritage Objects Based on Abkhazia and Chechnya Architectural Monuments Dating back from 2nd to 11th Centuries // 2nd International Conference on Art Studies: Science, Experience, Education (ICASSEE 2018). Advances in Social Science, Education and Humanities Research, volume 284. Atlantis press. p. 613-617.

7	№ 1-2	Предвратная башня второй линии обороны, раствор со свода 4 яруса. Вторая линия обороны, Анакопийская крепость	3200	-	910-930	XI-IV вв.
8	№ 2-3	Храм в цитадели. Западная стена. Анакопийская крепость	3200	-	910-930	X-XI вв.
9	№ 4-1	Торец заступа воротной арки, вторая линия обороны, Анакопийская крепость	2800	-	950-960	XI в.
10	№ 3-1	Южная стена у входа, вторая линия обороны, Анакопийская крепость	2500	есть	1030-1050	XI в.
11	№ 2-5	Стена крепости Сухум-кале. Построена архитектором Юсуф-ага в 1724.	1600	есть	1740-1750	1724

Полученные результаты позволяют пересмотреть этапы формирования Анакопийской крепости, уточнить цепочку событий, имевших место с рубежа нашей эры до времени развитого Средневековья.

Воротный узел, в который входит предвратная башня, примыкающая к ней западная стена и, собственно, воротный проем, а также цистерна, пристроенная к этому отрезку стены археологически исследованы в 2014–2015 гг. По результатам исследования было высказано мнение о возникновении второй линии обороны во второй половине VI века после 565 г., а второй строительный этап вмещался в хронологические рамки VIII–X вв.¹ Для уточнения датировок образцы растворов из основания башни и ее свода, из дополнительного выступа у ворот были изучены на основе методик естественных наук. Учитывая сложность и многогранность поставленных задач, в исследовательской работе были использованы комплексы химического, петрографического, рентгенофазового и рентгенодифракционного методов, описанные выше. Полученные данные указывают, что возведение второй линии обороны происходило в последней четверти VI в. (570–580 гг.), Принятое в истори-

¹ Аргун А.В. Архитектурный анализ воротного узла Анакопийской крепости // Материалы МНК Абхазия в мировой истории и международных отношениях. Сухум: АБИГИ, М: ИВРАН. 2016. 736с. С. 235-257. С.251.

ографии время основания второй линии обороны – первая половина VII века, основанно лишь на сведениях о том, что по завершению похода императора Ираклия против персов, он назначил архонта абазгам, данными методами опровергнуто. Источники не фиксируют к началу VII века в Анакопии наличие византийского гарнизона, а также не указывают на строительную деятельность императоров этого времени.

Исходя из римско-византийской строительной техники второй линии обороны, выявленным аналогам на территории бывшей Византийской империи, совпадающим и по объемно-планировочным и архитектурным решениям, следует признать южную часть второй линии обороны постройкой византийских императоров конца VI в. Данные археологии и архитектуры не противоречат результатам анализов.

После ухода арабов в VIII в. вокруг Анакопии формируется территориально новое политическое образование – Абхазское царство, в рамках деятельности которого происходит ремонт старых объектов и возведение новых. Комплексные научные данные, в том числе по исследованию известковых растворов подтверждают, что на отрезке VII–X вв. в Анакопии имели место яркие строительные периоды, ранее не получившие достаточного научного обоснования.

Говоря о воротном узле крепости, следует указать, что результаты исследования растворов со свода башни, заступа у ворот подтвердили факт масштабной реконструкции предвратной башни, которая происходила в 910-920 гг., реконструкции воротного узла – в середине X в. (950 г). Анализ ремонтных растворов у ворот также выявил деятельность в XI в., что подтверждается данными источников¹, упоминающих Анакопию в связи с захватом крепости византийцами в 30-х гг. XI в. Было установлено, что составы растворов середины X в. и первой половины XI века, т.е. в пределах 60–70 лет совпадают, что говорит о формировании в Анакопии местной строительной школы. На основании комплекса данных убедительно можем связать второй строительный этап на второй линии обороны в Анакопийской крепости со временем строительной активности абхазских царей. Так, на

¹ Амичба Г.А. Абхазия и абхазы в средневековых грузинских повествовательных источниках. Тбилиси: Мецниереба, 1988.

конец IX в. приходится начало правления абхазского царя Константина III (893–922?; 899–929? гг.). Учреждение новой епископской кафедры намекает на обширную церковную реформу, объясняющую строительство новых и реконструкцию старых церковных построек на территории Абхазии.

Анализ кладочного раствора из зальной церкви вблизи Анакопии (храм Акуача) показал время 650–680 гг., что требует дополнительно осмысления культурно-историческими методами. На данном этапе можем зафиксировать, что в окрестностях главного политического центра абазгов проводилось активное храмовое строительство. Именно в течение VII века на территории Абазгии строится много церквей, источники этого времени называют абазгов «христоролюбивыми». Уже к 660 году церковная организация Абазгии была представлена «Архиепископией Авагии с центром в Севастополе Великом».

Научный эксперимент был продолжен в целях выявления строительных этапов Анакопии на других объектах крепости. Были исследованы растворы из Анакопийского храма в цитадели (второй этап), западная башня цитадели, стена цитадели, стена Сухумской крепости, датируемой по строительной надписи 1724 годом.

Было выявлено, что реконструкция Анакопийского храма производилась в 910–930 гг., одновременно с надстройкой верхних этажей в предвратной башне. Ранее считалось, что храм в цитадели был основан в VII в. А.С. Башкиров писал: «На основании форм плана и деталей конструкции древние части базилики мы относим ко времени до VIII века; реставрацию же базилики и перестройку ее – ко времени XI–XII века»¹. М. М. Трапш² соглашается с ним. Л. Г. Хрушкова считает, что в Анакопии мог существовать храм рубежа VI–VII вв.³

Время основания храма на вершине горы, исходя из идентичной строительной техники с объектами второй линии обороны, должно

¹ Башкиров А.С. Археологические разыскания в Абхазии летом 1925 г. // Известия АБНО. Вып 4. Сухум. 1926.

² Трапш М. М. Раннефеодальные замки, храмы и поселения Абхазии (Средневековая Анакопия). / Труды. Т. 4. Сухуми, 1975. 258 с.

³ Хрушкова Л. Г. Скульптура раннесредневековой Абхазии V-X века. Тбилиси: Мицниереба. 1980.

соответствовать времени ее возведения и попадает на конец VI в. Что же касается реконструкции храма цитадели, доминирующим было мнение, что его перестройка была осуществлена византийцами в середине XI в. С этим были согласны и современные исследователи¹. Более позднее предположение А. Ю. Виноградова, Д. В. Белецкого², которые отнесли перестройку храма в цитадели к «программе Георгия II по восстановлению православных святынь своего царства», подтвердилось данными анализа растворов. Однако, исходя из нашего мнения, что посвятельная надпись не относится к храму, расположенному в цитадели, следует признать догадку исследователей случайностью. Мы поддерживаем точку зрения исследователей, что западная стена храма, в которой ныне располагается главный вход, – сооружение более позднее. Именно из ее забутки был взят раствор на анализ в целях определения времени перестройки.

Выделка и подгонка плит реставрации внешнего фасада храма сопоставима с техникой абхазской строительной школы. Сложные профили наличников дверей и окон, состоящие из сочетания полукружий и треугольников, сохранившиеся в храме *in situ*, отсутствие тимпанов над дверными проемами, говорят о новой архитектурной моде, которая находит повторение в крестовокупольном храме Мсыгхва. Резные детали алтарного убранства весьма близки аналогам из крестовокупольного храма Мсыгхва и купольного зала в Бамборе, а оформление оконных проемов сложнопрофилированными тягами находят прямые параллели с храмом Мсыгхва.

Западная башня Анакопийской цитадели представляет из себя приблизительно прямоугольное строение с тремя закругленными углами. Она выстроена из блоков местного известняка относительно небольших размеров (0,2х0,4 м.) на известково-гравийном растворе, образующем грубые швы. Башня располагается в непосредственной близости от юго-западного участка стены цитадели, соприкасаясь с

¹ Агумаа А.С., Белецкий Д. В., Виноградов А.Ю., Ендольцева Е.Ю. Искусство Абхазского царства VIII-XI веков. / Отв. ред. Е.Ю. Ендольцева. Санкт-Петербург: РХГА. 2011. 272 с.

² Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура Абхазии в эпоху Абхазского царства. Конец VIII – X в. Москва: «Индрик». 2015. С.124.

ней каменной дуговидной перемышкой, выведенной строителями из стены цитадели. Археолог М. М. Трапш¹ считает, что башни цитадели были построены в VII–VIII вв. одновременно со второй линией обороны. С ним соглашается В.А. Леквинадзе².

Следует заметить, что сравниваемые объекты отличаются по архитектуре и строительной технике. Так, в башнях второй линии обороны прослеживаются пояса из плинфы, характерные для римско-византийской строительной техники. Там же мы не встречаем прямоугольных строений с закругленными углами. В противовес: ни на одном объекте цитадели мы не обнаруживаем кирпичных прослоек в кладке стен, кроме храма Богородицы. Примененная здесь техника выполнения прямоугольных строений с закругленными углами дает своего рода строительную стратиграфию. Отличительный характер в строительной технике, различие известковых растворов, а также широкие дверные проемы подталкивают к мысли, что западная башня цитадели – сооружение более позднее, нежели вторая линия обороны. Сохранившиеся архитектурные элементы показывают, что первые два этажа башни были жилыми помещениями, скорее всего, предназначались для церковнослужителей. Исходя из комплекса данных следует, что западная башня была выстроена в период становления царства абазгов со столицей в Анакопии. К этому времени связи с Византией были слабы из-за противоборства последней с Арабским халифатом. Влияние византийской строительной традиции было ослаблено, плинфа встречается лишь как факт вторичного применения и не образует какой-либо системы. В фортификационном зодчестве Абазгии появляются новые строительные приемы, например, закругление углов у прямоугольных строений. Нам известны еще две башни в прибрежной крепости с закругленными углами. Древние строители в процессе эволюции строительного мастерства выработали новые формы, сочетающие прочность внешних закругленных углов с удобством внутреннего прямоугольного пространства. Результаты

¹ Трапш М. М. Раннефеодальные замки, храмы и поселения Абхазии (Средневековая Анакопия). / Труды. Т. 4. Сухуми, 1975. 258 с. С.96.

² Леквинадзе В. А. По поводу Анакопийской крепости // ВГМГ, т. XXV-В.119. Тбилиси.1968. С.103.

изучения растворов из объекта в целом не противоречат данным архитектурного исследования и показывают время 680–690 гг., когда Абазгия выходит из орбиты политического влияния Византии.

Самой древней Анакопийской постройкой является стена цитадели. В.П. Пачулиа отмечает: «Существование здесь уже в начале нашей эры укрепленного пункта подтверждается остатками цитадели на Иверской горе, ныне называемой линией обороны Анакопии, и археологическими материалами, обнаруженными в 1881 году при постройке дороги от Новоафонского монастыря на вершину горы. В случайно вскрытом древнем могильнике рядом с человеческими скелетами лежало множество железного оружия: мечи, кинжалы и копья, принадлежавшие воинам древней Анакопии. Об относительно высоком уровне материальной культуры жителей Анакопии того периода говорят обнаруженные там же и относящиеся к III–IV вв. н. э. бронзовые кольца, бронзовая фигурка козла, стеклянные бусы. Найдена и монета императора Адриана, чеканенная в Кесарии (117–138 гг. н. э.)»¹. Строительная техника Анакопийской цитадели показывает ее римские истоки. Стены цитадели «были сооружены из местных монументальных известняковых квадратных блоков разного размера, выложенных, несмотря на их разноформенность, с определенной претензией на известный рисунок, который характеризуется техникой «квадровой кладки с кордоном на ребро», пишет А.С. Башкиров², относя время постройки на отрезок II в. до н.э. – II в. н.э. Археолог В. А.Леквинадзе³ на основе сопоставления строительной техники стен цитадели с более известными соседними крепостями считает, что цитадель может быть датирована IV – V вв. н.э. Археолог М. М.Трапш⁴ относит время сооружения стен цитадели ко времени не ранее рубежа

¹ Пачулиа В.П. Новый Афон. Тбилиси: «Сабчота Сакартвело». 1964. 162 с. С.5.

² Башкиров А.С. Археологические разыскания в Абхазии летом 1925 г. // Известия АБНО. Вып 4. Сухум. 1926. С.53.

³ Леквинадзе В. А. По поводу Анакопийской крепости // ВГМГ, т. XXV-В.119. Тбилиси.1968. С.102.

⁴ Трапш М. М. Раннефеодальные замки, храмы и поселения Абхазии (Средневековая Анакопия). / Труды. Т. 4. Сухуми, 1975. 258 с. С.95.

V – VI вв. н. э. Историк Амичба Г. А.¹ считает, что цитадель и Трахея Прокопия Кесарийского идентичны, поэтому и датирует ее IV – V вв.

Техника квадратной кладки с кордоном на ребро, находит параллели в эллинистической строительной практике, имевшей применение в римский период. Согласно описанию Витрувия, «... они кладут плиты плашмя и с ложками чередуют тычки, вставляя их в толщу стены, а середины не набивают, но, начиная с лицевых камней, всю толщу стен скрепляют в сплошное и единое целое. Кроме того, они вставляют через промежутки во всю толщу стены отдельные, с обеих сторон входящие в облицовку камни, называемые у них *δατονοι*, которые, связывая стены, чрезвычайно укрепляют их прочность»². Во времена Витрувия квадратную кладку выполняли на известковом растворе. Примечательным архитектурным элементом является замковый камень в прямой перемычке фасада древних ворот, сохранившихся в первозданном виде. Ныне этот проем остается заложённым. Именно с внутренней части стены у этого проема были взяты образцы на анализ, результаты которого указали на время постройки конца II века н.э.

Выводы:

Результаты комплексного исследования растворов подкрепляют данные, накопленные в рамках других научных дисциплин и подтверждают наличие построек в Анакопии римского периода (II в. н.э.), византийского периода конца VI в., позволяют выделить этап строительной деятельности архонтов – царей Абазгии в VII веке, и абхазских царей в VIII–X вв., подкрепляют предположение о широкой строительной деятельности абхазских царей в течение X в. Дата основания второй линии обороны Анакопийской крепости установлена в рамках 570–580 гг., дата реконструкции предвратной башни в 910 – 930 гг., въездных ворот – 950 г. Анализ кладочного раствора из зальной церкви вблизи Анакопии (храм Акуача) дал время 650–680

¹ Амичба Г. А. Новый Афон и его окрестности. Сухум: Алашара, 1988. С.26.

² Витрувий. Десять книг об архитектуре. Кн. II, гл. VIII. М.: Архитектура-С. 2006. С.47.

гг. Было выявлено, что ворота в стене цитадели были построены в конце II в н.э., западная башня цитадели – 680–690 гг., реконструкция храма Богородицы была произведена в 910–930 гг., что одновременно с надстройкой верхних этажей в предвратной башне.

Предложенные методы исследований позволяют уточнить исторические этапы формирования Анакопийской крепости, могут быть использованы в датировках объектов, где отсутствуют строительные надписи и свидетельства письменных источников. Дальнейшее накопление материала по анализам строительных растворов позволит раскрыть эволюцию строительной техники, выявить временные тенденции абхазской архитектурной школы и характерный состав растворов, уточнить датировки многих неизученных памятников Абхазии. Дальнейшее использование метода на объектах Анакопии и Абхазии так же позволит вывести поправочные коэффициенты для этого региона, что в итоге после доработки методологии позволит сузить хронологическую погрешность, заявленную методикой в пределах 50 лет.

Кудин М.И.

(РФ, Сочи)

ТОЧКА ПЕРЕСЕЧЕНИЯ ДВИЖЕНИЯ ЛУНЫ И СОЛНЦА В АСТРОНОМИЧЕСКИХ НАПРАВЛЕНИЯХ ДОЛЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКОВ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

За последние десятилетия в различных районах мира были проведены многочисленные исследования расположения в ландшафте и ориентации мегалитических памятников. Они показали, что многие из групп мегалитов, относящихся к разным эпохам, имеют определенные закономерности в ориентации, показывая конкретные диапазоны по азимутам, со значительными максимумами в их распределении. Большинство наблюдаемых моделей ориентаций могут быть связаны с определенными положениями Солнца и Луны¹.

Учитывая, что половина внешней среды вокруг нас состоит из неба, игнорировать его важность для древних обществ означает игнорировать большой пласт сведений о культурах прошлого. Солнце, Луна, звезды и планеты являлись частью повседневной жизни доисторических народов, так же как и сегодня у племен с архаической культурой. Восходы Луны и Солнца, смена времен года, все еще связываются с обрядами и ритуалами, что подтверждается этнографическими исследованиями по всему миру и нет никаких оснований считать, что не существовало подобных ритуалов в прошлом. Действительно, такие предметы, как каменный диск из дольмена Колихо с изображением звезды и полумесяца, подтверждают важность неба и небесных светил для дольменной культуры Западного Кавказа².

¹ Hoskin M. A. Tombs, temples and their orientations: A new perspective on Mediterranean prehistory. Oxbow Books Limited, 2001.

² Трифионов В.А. Спасение дольмена из Колихо // «Достояние поколений» №3(7) 2009. Сю 50-51.

Вероятно, мы никогда не сможем полностью реконструировать их ритуалы и понять мировоззрение, однако тщательный сбор полевых данных позволит нам выяснить какие небесные направления и даты древних календарей они вписывали в конструкции своих памятников. Эти научно обоснованные данные должны быть использованы вместе с другими археологическими сведениями в интерпретации доисторических памятников, становясь важным инструментом для более целостного понимания прошлого, а именно, как доисторические общества взаимодействовали с небом через строительство мегалитических памятников, знаков, нанесенных на камни, и как эти взаимодействия связаны с их верованиями и повседневной жизнью.

Многие дольмены Причерноморья ориентированы своими фасадами на такие значимые астрономические события, как кульминация небесных светил на юге, восходы и заходы Солнца в солнцестояния и равноденствия, крайние положения высокой и низкой Луны¹, либо на восходы и заходы этих светил в другие дни. В большинстве случаев диапазоны восходов Солнца и Луны совпадают и поэтому не всегда можно точно утверждать, с каким светилом связано направление того или иного памятника. В последние годы европейские исследователи, проведя точные расчеты показали, что ориентация дольменов в Центральной Португалии связана не с восходом Солнца, как считалось ранее, а с восходом полной Луны в равноденствия², а направленные в западную дугу горизонта дольмены Прованса и Лангедока своими осями отмечают точки появления молодого месяца, с наибольшим пиком первого появления молодой Луны в зимнее солнцестояние³.

¹ Кудин М.И. Памятники археоастрономии дольменной культуры на территории г. Сочи // Доклады Сочинского отделения Русского Географического Общества. Вып.5, Сочи, 2017. С. 129-142.

² Da Silva, C. M. The spring full moon // Journal for the History of Astronomy, Vol. 35, Part 4, No. 121, 2004. P. 475-478.

³ González C. Costa L. Belmonte A. Solarists vs. Lunatics: modelling patterns in megalithic astronomy // Lights and shadows in cultural astronomy: proceedings of the SEAC 2005: Isili, Sardinia, 28 June to 3 July, Published by Associazione Archeofila Sarda, Isili, Italy, 2007. P. 25.

Этот важный и заметный момент пересечения точек захода Солнца в зимнее солнцестояние и первого появления молодой Луны, отмечается направлениями многих дольменов Кавказа. Первое появление полумесяца в новолуние использовалось на протяжении всей истории в календарях разных культур в качестве отметки начала месяца. В частности, с первого появления полумесяца в месяц весеннего равноденствия начинался Новый год в древней Месопотамии¹, Китае, Индии и Египте. И сегодня 1/5 населения всего мира – мусульмане используют новолуние в календарных расчетах основных религиозных праздников.

Почитание молодой Луны и связь ее культа с изобилием и плодородием показывают сохранившиеся до недавнего прошлого у адыгов и абхазов (считающихся большинством ученых потомками строителей дольменов) обряды, связанные с новолунием. У адыгов было принято в этот день обращаться к Луне с различными просьбами, собираясь вместе на какой-нибудь поляне. На место моления приносили самые нужные вещи и показывали их Луне для того, чтобы она дала подобные предметы в достаточном количестве. Туда же часто приводили породистую корову и, показывая ее Луне, просили, чтобы она обеспечила людей множеством таких же хороших коров².

Во время новогоднего моления в кузне у абхазов пекут из пшеничной муки большой (около 1 арш. в диаметре) пирог с сыром (ачаш) в форме круга. Это общий пирог всей семьи. Другой пирог, меньших размеров, готовится в форме полумесяца, – это пирог хозяйки дома. Моление должно быть закончено до захода Луны (обычно в новолуние)³. Таким образом, одним из главных праздников у абхазов является новолуние в период зимнего солнцестояния – особо отмечаемое как азимутами многих дольменов, так и реконструируемым нами древним лунно-солнечным календарем⁴.

¹ Емельянов В.В. Шумерский календарный ритуал (категория Ме и весенние праздники). СПб., 2009. С. 243.

² Аутлев П.У. Новые материалы по религии адыгов // Ученые записки АНИИ. История и этнография. Т.4. Краснодар, 1965. С. 193.

³ Чурсин Г.Ф. Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми, 1957. С. 148.

⁴ Кудин М.И. Календарные мотивы в орнаменте дольменов // «Кавказ и Абхазия в древности и в Средневековье: взаимодействие и преемственность

Другим значимым и сегодня моментом является пересечение точек восхода полной Луны и Солнца в весеннее равноденствие, с которым связан праздник Пасхи в христианском мире. В равноденствия пересечения путей полной Луны и Солнца происходят во временной промежуток в 42 дня с максимумом распределения около 10-го дня после равноденствия. При этом склонение Луны совпадает в 90% случаев несмотря на разброс дат.

Точки пересечения восходов / заходов Луны и Солнца интересны тем, что при использовании простых пригоризонтальных наблюдений (особенно в местности, где есть определенные маркеры на горизонте – холмы, вершины, распадки между гор) легко воспринимаются визуально, не требуют календарных расчетов или сложных наблюдений для проверки, в отличие от моментов солнцестояний, равноденствий или полнолуний, и поэтому очень удобны для отметок смены сезонов. Своеобразные встречи небесных светил, воспринимаемые как встреча богов, по-видимому, имели не только календарное, но и ритуальное значение.

При постоянном наблюдении легко заметить, что Солнце и Луна в своем движении по небу являются антагонистами. В северном полушарии Солнце движется летом по широкой дуге небосвода, от северо-востока до северо-запада поднимаясь высоко к зениту. В то время как полная Луна, напротив, встает на юго-востоке и, двигаясь по низкой дуге, заходит на юго-западе. Обратная ситуация наблюдается зимой, когда Солнце движется по короткой и низкой дуге, а Луна находится высоко в небе, двигаясь по длинной дуге, примерно так, как Солнце летом. В этом противоположном движении есть две точки, когда светила сближаются, а затем пересекают точки восходов\заходов друг друга и устремляются в разные стороны. Эти пересечения эмпирически наблюдаются близ весеннего и осеннего равноденствия.

Другое значимое пересечение путей Луны и Солнца, отмечаемое многими дольменами Причерноморья, связано с зимним солнцесто-

культур». Сборник материалов IV абхазской международной археологической конференции, посвященной памяти видного археолога-кавказоведа Л.Н. Соловьева (26-30 ноября 2013г., г. Сухум). Сухум, 2017. С. 59-74.

нием. В северном полушарии в летние и осенние месяцы молодой месяц появляется слева от заходящего Солнца. В период зимнего солнцестояния они заходят практически в одной точке, а после молодой месяц заходит правее (рис.1).

Полевые исследования дольменов показали, что именно эти моменты пересечения небесных циклов Солнца и Луны отмечаются нестандартными памятниками, имеющими интересные дополнительные детали, служащие визирами, связанными с этими наблюдениями. Ниже рассмотрим некоторые из них.

Полумонолит из Мамедова ущелья (правый борт реки Куапсе), высечен в огромной глыбе так, что с западной стороны имеет форму пирамиды, вершина которой (азимут 1040, высота горного склона 80) указывает точку восхода полной Луны над хребтом в равноденствия (рис.2). Пирамида (холм) с восходящим небесным светилом над вершиной является архетипическим образом рождения мира, первой новогодней весны характерного для многих древних культур. С другой стороны, учитывая важность осеннего астрономического сезона в реконструируемом по орнаменту лунно-солнечном календаре строителей дольменов¹, отметка визиром повторного восхода полной Луны в осеннее равноденствие имеет особое значение. Оно знаменует начало холодной части года и может быть традиционно связано с культом мертвых. Луна во многих традиционных культурах воспринимается в качестве психопомпа – проводника души в иной мир.

Фасад дольмена и его лаз направлены на юг – полдень, отмечая точку кульминации небесных светил, и имеют одну интересную особенность. Зимой, в полдень, через узкое входное отверстие дольмена в Мамедовом ущелье проникают солнечные лучи, образуя на полу камеры дольмена световое пятно. Летом, когда Солнце поднимается выше к зениту, лучи уже не могут проникнуть в камеру. Измерив высоту отверстия и толщину передней стены, легко вычислить, что лучи Солнца, могут попасть в камеру лишь когда светило находится

¹ Кудин М.И. Календарные мотивы в орнаменте дольменов // «Кавказ и Абхазия в древности и в Средневековье: взаимодействие и преемственность культур». Сборник материалов IV абхазской международной археологической конференции, посвященной памяти видного археолога-кавказоведа Л.Н. Соловьева (26-30 ноября 2013г., г. Сухум). Сухум, 2017. С. 65.

не выше 470 от линии горизонта. Примечательно, что на такой высоте в зените Солнце на широте Сочи бывает лишь в дни равноденствий, которые, как и сама плита дольмена, становились, таким образом, границей сезонов. В камере дольмена в течение года можно наблюдать священную календарную мистерию, которую разыгрывает само светило. Крохотное золотое пятно Солнца появляется в дольмене после осеннего равноденствия, с каждым днем оно все более увеличивается, и все дольше остается в подземном царстве камеры дольмена. Солнце начинает свое путешествие по подземному миру. Наибольшей величины золотое яйцо достигает в момент зимнего солнцестояния, затем уменьшается, а в момент весеннего равноденствия Солнце окончательно покидает дольмен, знаменуя начало благоприятного полугодия (рис.2).

Несколько иначе, хотя с отчасти сходными конструкциями это событие отмечает полумонолитный дольмен с ложным входом в урочище Циргойтх. Его камера выбита в треугольной глыбе песчаника (рис.3). Ложный вход дольмена имеет азимут 970 и направлен на хребет, естественные визиры которого отмечают ключевые точки годового солнечного цикла. Входное отверстие находится в левой боковой стене у самой верхней кромки камеры. Перекрытие у дольмена ныне отсутствует. Трапециевидная камера сужается к задней стене, как и сама природная глыба, из которой высечен дольмен. Возможно, ей была специально придана треугольная, стрелообразная форма. Эта стрела направлена на частично обработанный валун пирамидальной формы, расположенный на оси памятника в 30 метрах западнее (азимут 2770). В верхней части валуна со стороны дольмена выбит ромбовидный знак со сглаженными боковыми углами (мандролы). Именно за вершину этого камня, если смотреть по оси от фасада дольмена, заходит полная Луна в период равноденствий.

Ромбовидный знак на валуне, очевидно, связан с символикой плодородия и женским началом. А.К. Амброз считал, что «это символ женского начала в природе. В таком значении он выступает от палеолита до наших дней»¹. Интересно, что именно таким символом изо-

¹ Амброз А.К. Раннеземледельческий культовый символ («ромб с крючками») // СА, М., 1966. № 3. С. 18.

бражена полная Луна на плите с петроглифами из Лоо. Центральным элементом плиты является изображение небесной (лунной\солнечной) ладьи с тремя основными фазами Луны над ней – молодой месяц, полнолуние, ущербная Луна. Над Луной возвышается пятиконечная звезда (Солнце). Рядом с убывающим месяцем еще одна шестиконечная звезда (Венера) (рис.4). Н.Г. Ловпаче относит изображения на плите из Лоо к временам дольменной культуры¹.

Наблюдения за моментом захода Луны на памятнике показали важность полевых наблюдений, когда есть возможность оценить визуальное воздействие явления, эффекты света и тени, которые в противном случае могли быть упущены. После захода полной Луны за валун, восходящее с противоположной стороны Солнце первой осветило, окрасив в красный цвет, единственную из всех высокую вершину пирамидальной формы на юге, напротив входного отверстия в дольмен. Похоже, что этот впечатляющий световой эффект строители намеренно отметили нестандартным, боковым расположением входного отверстия.

Дольменные памятники, связанные с первым появлением молодого месяца в зимнее солнцестояние, имеют другую конструкцию. Это некоторые из парных дольменов – выбитые в одной глыбе камня, либо стоящие рядом и окруженные общей курганной насыпью. На их связь с этим событием автор обратил внимание случайно, при наблюдении на памятнике за заходом Солнца в зимнее солнцестояние. Два полумонолитных дольмена, выбитые в одной глыбе камня группы «Сортучасток», имеют азимуты 2100 и 2350. Второй дольмен был направлен на заход Солнца в зимнее солнцестояние. Небесное событие, с которым связано направление второго памятника, было тогда неясно. При практическом наблюдении установлено, что после захода Солнца, на оси первого дольмена, на темнеющем небе проявился молодой месяц, который спустя некоторое время зашел в море на оси второго дольмена в той точке, где перед этим зашло солнце. Практическое наблюдение на памятнике позволило открыть новый

¹ Ловпаче Н.Г. Петроглифы Лоупской плиты // Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева. Майкоп, 2014. Вып. №5(29). С. 104-105.

археологический памятник. При наблюдении за заходом Солнца замечено, что картина была бы намного эффектнее, если бы была подчеркнута на грани холма и моря ближним искусственным визиром (рис.5). Действительно, в замеченной точке была обнаружена упавшая и расколовшаяся на три части каменная плита высотой около 2,7м. Ее основание вниз по склону было дополнительно укреплено двумя камнями. То, что остатки менгира – не случайные камни, подтверждается их расположением именно в нужном месте и, кроме того, больше ни одного крупного камня песчаника на западном склоне холма нет. В результате получено не только подтверждение основных выводов археоастрономических исследований, но и выявлен новый археологический памятник.

Такие же азимуты – 2100 и 2350 имеют два стоящих рядом друг с другом (на расстоянии 2 м) плиточных дольмена, окруженные общим каменным курганом размером 11м x 17м группы «Шпикацкий поток» в бассейне р. Псынако.

Примечательно, что символические связи между определенными небесными событиями и архитектурными памятниками нашли отражение в определенных конструкциях, используемых только для обозначения этих событий, что говорит о намеренности наблюдаемых небесных иерофаний.

Таким образом, перед нами предстают космологические принципы, отраженные в священных ландшафтах, связанных с дольменными памятниками. Эти конфигурации представляют собой очень прямую и очевидную связь между ландшафтом и небом, а также отношения между пространством и временем, в которых каждая вершина/распадок указывают на фактическое появление восхода или захода Солнца в соответствующий день. Эти направления и отмечаемые ими даты были хорошо известны и, возможно, использовались для символических или церемониальных целей. Это полностью соответствует общечеловеческой тенденции, выявленной антропологами, инкапсулировать отношения космологического значения в монументальной архитектуре.

Описанные памятники отражают небесный диалог между Луной и Солнцем в виде их неизменного «небесного танца» со сближением

и удалением друг от друга. Проведенные полевые исследования показали, что строители дольменов использовали моменты пересечения в движении Луны и Солнца в ориентации наиболее значимых, нестандартных памятников, как важные отметки календарных вех и, возможно, для проведения ритуалов в эти моменты, а также они убеждают, что ориентация дольменов связана не только с Солнцем, как считалось ранее¹, но и с различными ключевыми моментами лунного цикла.

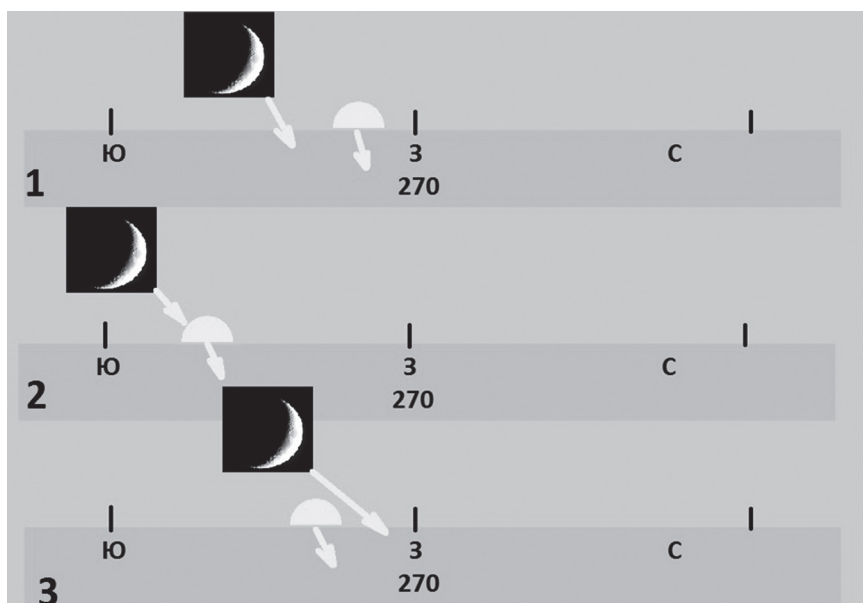

Рис. 1

¹ Марковин В.И. Дольмены Западного Кавказа. М., 1978. С. 217.

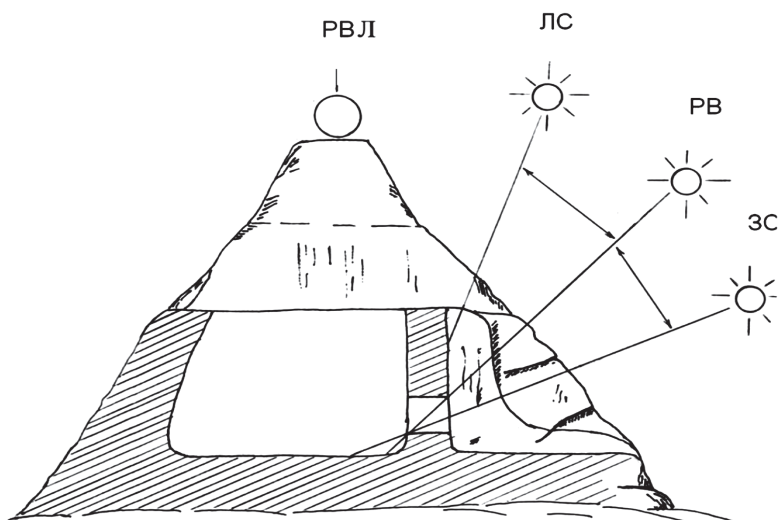

Рис. 2

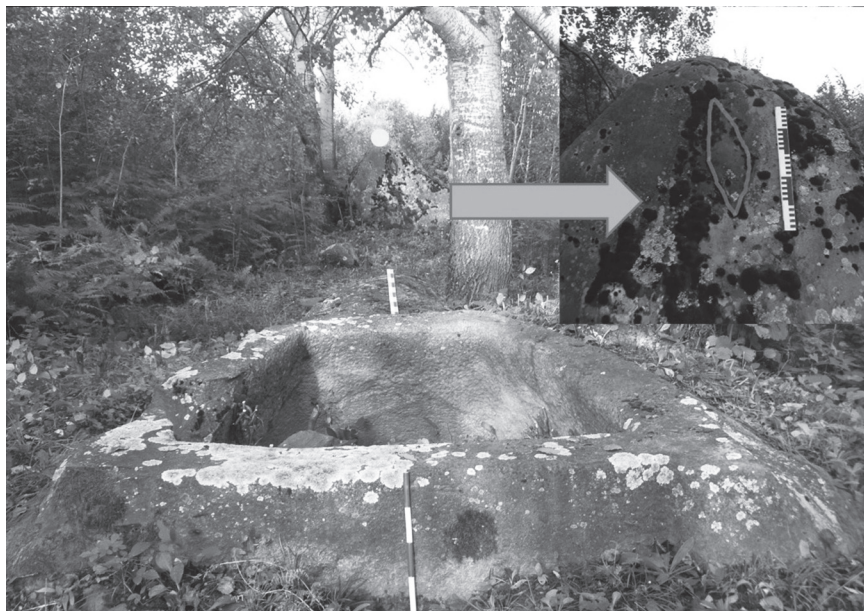

Рис. 3

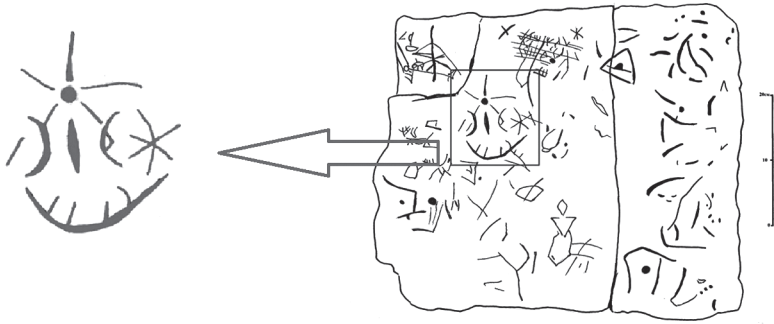

Рис. 4

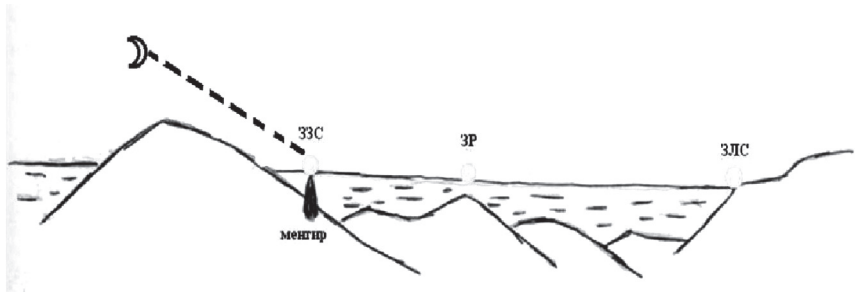

Рис. 5

Хондзия З.Г.

(РА, Сухум)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ НА УЧАСТКЕ КУЧА ЛАКРБА В С. КУЛАНЫРХУА

В селе Куланырхуа проводились раскопки в 2001 году А.И. Джопуа на участке Куча Лакрба в поселке Адегуара (рис. 60). Здесь были раскопаны несколько древних могильников. Инвентарь погребения свидетельствует о схожести этих погребений с Цебельдинской культурой. Сравнительный анализ сделан из отчета Джопуа А. И., материал датирован VI веком н.э.

Осенью 2017 г. отряд археологической экспедиции АБИГИ на этом же участке проводил исследование.

В связи с сообщением о находках в пос. Адегуара с. Куланырхуа от местных жителей Капш Владислава Варламовича и Нугзара Георгиевича Хондзия неизвестных железных предметов (обнаружены во время планировки двора бульдозером) мы выехали на осмотр объекта с целью уточнения характера и местоположения артефактов. В это время на другом участке в пос. Тасракуа работала экспедиция АБИГИ под нашим руководством, которая в связи с новыми сведениями перешли для работ во дворе Капш В. В.

В результате нами установлено, что предметы (рис. (меч, 3 наконечника копья, нож с прямой спинкой, фрагменты керамики, пифоса и лучевая кость руки) представляют собой комплекс погребального инвентаря, по всей видимости, связанного с известными погребениями, ранее обнаруженными в этом же месте (работа археологов А. И. Джопуа и Н. К. Шенкао в усадьбе Куча Лакрба)¹, датируются юсти-

¹ См. Джопуа А.И. Новый могильник поздней Античности и раннего Средневековья в с. Куланырхуа (Гудаутский район, Абхазия) // Социальная стратификация населения Кавказа в конце античности и начале Средневековья: археологические данные. М., 2015. С. 31-33.

ниановским временем. Тогда было обследовано 27 погребений с инвентарем. Большой интерес представляют найденные в то время археологами фрагменты керамики цебельдинского типа с чашечковидным венчиком (3 экз.). Захоронения были найдены на глубине 30 см. Могильник на участке Куча Лакрба в пос. Адегуара, расположенный на возвышенном участке, недостаточно изучен в плане границ могильного поля.

Описание находок погребения

1. **Топор железный.** Длина 16,7 см. Ширина рабочего лезвия – 7,9 см. Обушная часть топора длиной 5,6 см. Ширина внешней части обуша – 5,1 см. Внутренний диаметр обушной части топора составляет 3,3 см. Навершие топора в виде квадрата (кубика) высотой 2,2 см и шириной 2,2 см. Насадочная втулка имеет квадратную форму. Топор сделан с помощью холодной ковки. Спинка топора прямая, обушная часть изогнута внутри насадочного черенка, внутренняя часть топора имеет резкий изгиб к рукоятке и расширяется в виде полукруглого очертания. Его прототипом является колхидский бронзовый топор, но встречаются такие типы и в могильниках цебельдинского времени¹. Данная находка имеет хорошую сохранность.

2. **Нож железный кованый.** Нож с прямой спинкой. Длина рабочего лезвия – 15,6 см, длина черенка – 5,7 см, изготовлен техникойковки, ширина рабочего лезвия 2,8 см. Кончик ножа имеет изгиб в сторону рабочего лезвия. Толщина спинки ножа – 0,6 см. Рукоять ножа по слабым следам остаткам могла быть изготовлена закреплёны с помощью заклепок, которые были изготовлены из бронзовой проволоки. Аналоги также широко встречаются в могильниках цебельдинского времени².

¹ Трапш М.М. Труды в четырёх томах. Том первый. Сухум, 1970; Трапш М.М. Труды в четырёх томах. Том третий. Сухум, 1971; Трапш М.М. Труды в четырёх томах. Том четвёртый. Сухум, 1975; Воронов Ю.Н. Могилы апсилов. **Итоги исследований некрополя Цибилиума в 1977–1986 годах. Пушино, 2003.**

² Трапш М.М. Труды в четырёх томах. Том первый. Сухум, 1970; Трапш М.М. Труды в четырёх томах. Том третий. Сухум, 1971; Трапш М.М. Труды в четырёх томах. Том четвёртый. Сухум, 1975; Воронов Ю.Н. Могилы апсилов. **Итоги исследований некрополя Цибилиума в 1977–1986 годах. Пушино, 2003.**

3. **Меч железный.** Он изготовлен с помощьюковки и имеет одну-стороннюю заточку. Длина режущей части составляет 45 см. Длина спинки меча – 0,8 см. Длина сохранившейся части насадочного черенка составляет 7,1 см. На рукоятке сохранилась заклепка из бронзовой проволоки. Кончик рабочего лезвия полукруглой формы. Ширина лезвия составляет 3 см. находка в хорошем состоянии. Такие мечи практиковались в эпоху Юстиниана¹.

4. **Наконечник копья.** Изготовлен из железа с помощьюковки и имеет необычную форму. Такие наконечники копья редкие на территории Абхазии, и данный артефакт является первой находкой подобного рода в с. Куланыхуа пос. Адегуара. Изделие представляет собой форму длинного копья четырехгранного сечения, похоже на узкий наконечник посоха. Длина наконечника – 41 см. Потенциально длинна поражающей части составляет 33 см. Сохранившаяся часть рабочей втулки длиной 8 см изготовлена с применением техникиковки. Втулка разомкнута, прослеживается шов. На наш взгляд, орудие могло служить в вооружении тяжелой конницы. Судя по необычной форме и размерам, данная находка могла применяться против тяжелооруженных рыцарей. Внешний диаметр втулки, ее сохранившаяся часть составляет 2,2 см. Входная часть втулки проржавела и сломлена. Возможно, втулочная часть копья имела размеры до 10,5 см. Сохранность находки удовлетворительная. Аналогии таким копьям на территории Абхазии нами не найдены, если не учесть средневековые четырехгранные стрелы, предназначенные для пробивания брони противника.

5. **Наконечник копья.** Изготовлен из железа с применением техникиковки. Лезвие копья имеет симметричную форму и резко вы-раженное ребро. Рабочая часть копья имеет длину 22,6 см. Втулка равна 12,3 см. Втулка копья разомкнута и при переходе к лезвию копья составляет 2,6 см. Внешний диаметр насадочной части составляет 2,4 см. Внутренний диаметр втулки составляет 2,1 см. Общая длина копья.

¹ Трапш М.М. Труды в четырёх томах. Том первый. Сухум, 1970; Трапш М.М. Труды в четырёх томах. Том третий. Сухум, 1971; Трапш М.М. Труды в четырёх томах. Том четвёртый. Сухум, 1975; Воронов Ю.Н. Могилы апсиров. **Итоги исследований некрополя Цибилиума в 1977–1986 годах.** Пушино, 2003.

6. **Наконечник копья.** Железное, кованое. Лезвие копья симметричное, имеет резко выраженное ребро. находка хорошей сохранности за исключением кончика пера, из которого отломано около 2 см. Втулка имеет разомкнутую форму и во втулочной части прослеживается шов. Копье отличается от предшествующей формы экземпляра своими параметрами. Длина сохранившейся части копья – 36,6 см, сломанная часть кончика около 2 см. Внутренняя насадочная часть имеет диаметр в 1,6 см. Наружный диаметр равняется 2,3 см. Во втулочной части сохранилась древесина от древка. Длина втулки – 12 см. Наконечники таких копий обнаружены в раннем Средневековье на территории апсильской столицы, в Цибилиуме (Цабал), и известны в работах М. М. Трапш и Ю. Н. Воронов¹.

7. **Разрозненные фрагменты керамики.**

8. **Лучевая кость человека**

Обращаясь к археологической топографии села Куланурхуа², следует обратить внимание на то, что находки были обнаружены рядом с участком Куча Лакрба в пос. Адегуара, где в 2001 году проводились исследования А. И. Джопуа. Здесь им были раскопаны 27 погребений, из которых 15 были безынвентарными, а в других 12 погребениях были обнаружены 10 ритуальных глиняных кувшинчиков, 3 железных ножа и 1 фрагмент бронзового браслета. Глубина залегания погребений составила 30 см. Могильник расположен на юго-восточной стороне холма, на возвышенности и не достаточно изучен в плане установления его границ.

Участок Куча Лакрба, где могильник исследовался А. И. Джопуа, и участок Владислава Капш, где были обнаружены наши артефакты, разделяет проселочная дорога шириной 5 м. Участки расположены друг против друга на расстоянии 20 м. Поэтому мы можем говорить о месте нашей находки как о части единого могильника. При исследовании

¹ Трапш М.М. Труды в четырёх томах. Том первый. Сухум, 1970; Трапш М.М. Труды в четырёх томах. Том третий. Сухум, 1971; Трапш М.М. Труды в четырёх томах. Том четвёртый. Сухум, 1975; Воронов Ю.Н. Могилы апсильцев. **Итоги исследований некрополя Цибилиума в 1977–1986 годах. Пушино, 2003.**

² Требелева Г.В., Хондзия З.Г. Воинские захоронения цебельдинского периода в селе Куланурхуа, Абхазия // ПИФК. №2. М.-Магнитогорск, 2020. С. 168–173.

довании А. И. Джопуа захоронений предметы вооружения обнаружены не были. Поэтому им был сделан вывод, что «могильник оставлен группой сельского населения, в которой, судя по отсутствию предметов вооружения и крайне бедному инвентарю, не было представителей воинской верхушки»¹. Обнаруженные артефакты однозначно относятся к воинскому захоронению и таким образом восполняют лакуну. Не исключено, что данный могильник связан с остатками жилища, расположенного на 500 метров на юго-восток от данного захоронения, которое было обнаружено нами в 2004.

Таким образом, нам кажется, мы можем говорить о нахождении комплекса поселения и связанного с ним одновременного могильника цебельдинского времени в поселке Адегуара села Куланьрхуа, требующего более детального исследования.

¹ Джопуа А.И. Новый могильник поздней Античности и раннего Средневековья в с. Куланрхуа (Гудаутский район, Абхазия) // Социальная стратификация населения Кавказа в конце античности и начале Средневековья: археологические данные. М., 2015. С. 33.

Барцыц Р.М.

(Аҕаа)

**ЛЗААТЭИ, ИЗААТЭУ АҚЫРСИАНТЭ УАХӘАМА
АРХЕОЛОГИАТЭ ҒЦААРАҚӘА
(2019 ш.)**

Ари аҕоурыхтэ баҕа аҕцаара хацаркын 1989 шықәса рзын, машәырла, адгьылқәаарыхратэ усурақәа анымџапыргоз аамтазы ирпыхьашәаз аҕоурых маҕтарқәа рыҕцаара иадхәалаз аусқәа рымџацгараан. Нас ари аҕоурыхтэ цак ду змоу абаҕа аҕцаара иаццан егьырҕ иашьтанеиуа ашықәсқәа раангы. Рацхьаза акәны ари абаҕа далацәажәеит, акьып-хьгы иаирбеит апрофессор А.А. Башкиров 1925 шықәса рзы¹.

Ғыҕла абаҕа ықәгылоуп Лзаа ақытан, 500 метра амшын иацәы-хараны, ақыта бзатаратэ еилахәра адгьыл ҕацә иахьатанакуа. Ад-гьыл ҕааҕоуп, иаартуп, ицслымзроуп, ажәытәзатэи амшын аҕа иашьашәалоу хахәи цслымзи рыла еибаркуп.

Иахьа хазтагылоу аамтазы иҕцаауп (адгьылжрақәа мџацгоуп), аџада-мрагыларатэи ахәта. Уа 1990 шықәса рзы иаарцшын ирацәаны апсыжрақәа.

Адыжәара змоу ахацәа рыцсыжрақәа иаарылукааратэи иҕоуп аџадатэи ахәтаҕы иаарцшу апхәыс қәыпш, рыцшзага рацәала иџы-чоу лыцсыжырҕа.

1995 шықәса рзын хыхь хазлацәажәоз ахәтаҕы адгьылжрақәа ирыццан. Урт ирыбзоураны иаҕьаарцшын 20 инареиханы, изаатәу ақырсиан аамта иатцанакуа ахацәа рыцсыжрақәа.

2007 шықәса рзын адгьылжрақәа ирыццан абаҕа, амрагыларахьтәи ахәтахьала. Ускан археологиатэ дгьылжрақәа мџацган иара абаҕа иадхәалоу, цсыжырҕас иалху (кладбище) адгьыл хцәараҕы. Ара

¹ Башкиров А.С. Археологические изыскания в Абхазии летом 1925 года. Известия АБНО. Вып. 4. 1926. С.3.

иаарцшын, иагьтцаан ѡынѡажәеижәба инырзынацшуа ацсыжрақәа. Урт рахьынтә, ѡ-цсыжрак пцхәыстәқәан, акы ацшқа ицсыжран.

Адгьылжрақәа ирыбзоураны иаарцшын хахәла еиқәтцоу, кьыр-шьыхрала еибарку, ѡ-метрак инареиҳаны иҳараку ауахәама атзы. Иара убас иаарцшын атзы иаважыз ацсыжрақәа хца. Урт рахьынтә, акы хәычцсыжран.

Арт хазлацәажәо ацсыжрақәа мѡацысуанаты ирацәаны иахцды-хьашәон анышәацшь иалху, аѡны чысмацәа рыцәхақәа. Аха урт ацшаахымтақәа ацсыбаѡқәа ирыдхәаламызт, ус баша еипцхьырттаны анышә иалацсан...Иара убас, уарла-шәарла акәзаргьы иахцдыхьашәон аихалыхқәагьы (ахәызба, амыркатыл...).

Хусурафы ихадароу хықәкыс иҳаман, итаццаауа атоурыхтә бака (ажәытә уахәама) ацшьыркцашьеи (план), насгьы ргыларатә цы-дақәас иамоуи, аамтас изыдхәалоуи ухәа реилкаара. Анаѡс, абака мрагыларатәи аганахь ирхоу атзамц еиларсшьас (форма) иамоу, иаарцшым ацсыжрақәа раарцшреи, рытцаареи.

Иара убас еиѡкаатәуп Ацсны атоурых атцаарафы атып ҳаракы аанызкыларц зылшо абака нак-нак аилабгара аанкылара иадхәалоу аускәа реиѡкаарақәа...

Аусурақәа мѡацысуанаты инагзаны ирыцқьан мрагыларатәи, аладатәи атызқәа, иара убас инагзамкәан ирыцқьан аѡадатәи атзы.

Мрагыларатәи атзы атцаараан иаарцшын аргыларатә хахәеи-қәцарақәа реилажьрақәа мацымкәан. Уаанза, апсида ылгәыгәуп хәа иҳамаз агәаанagara ашьақәыргәғәара амоуит, атзы шиашаз инеиуеит анцәамтанза. Атзы аилабгара цаулоуп 20 см. инареиҳаны, иара атзы ашәпара шеибаку метрак иназынацшуеит. Иахрыцқьоз агәам-сам илан ирацәоу анышәацшьылых цәхақәа, ауахәама амацзура иадхәалоу, анышәацшь иалху аѡнымацәагьы мацымкәан.

Абака андыргылоз рхы иадырхәон еиуеипшым аргыларатә ма-тәарқәа. Кьыреиларшьыралла еибарку, харантә иаагам ацслымзхахә (песчаник). Убасгьы рхы иадырхәон амшынхахә мацымкәан.

Ацсыжрақәа: ара иазгәацоуп иаарцшу ацсыжрақәа рацәаны. Урт зегьы атыхәтәантәи аамтасы имѡацаагаз атцаарақәа ирыбзоуроуп. Рацхьатәи амш иалагзаны иаарцшын пшь-цсыжрак. Урт цсыбаѡла ихьысхауп, насгьы ацсы даныржуа абжьаапны, нырцә ихәап хәа

ивартцо маџаркгыы хамбеит. Иара убас, аџада-мрагыларатџи аган ала иаарџшын даџа х-џсыжрак, аха уртгыы акгыы рывамызт, џсыбаџлагыы ихыысхан. Рапхъазатџи аџсыжракџа аарџшын 1989 шыџасазын¹.

Анаџс иазгџататџуп арт аџсыбаџџа рааигџара иааџшыз, хаџ-шыа џеыхак. Уи еиџџахаз ахџтаџеыха аџны ибзианы иубартџуп ир-блаанза (иандырпыџуаз) аџаџы ианыртџаз аџбар ду. Иара убас иаарџшуп идуџџам аџџбар хџас (ахашџа) иамаз, акыраамџа ахџыџа-џараџы хархџара ззыруаз (алџаџ иарџу) аџныматџа ахџтак.

Имаџымкџан иаарџшуп егырт еиуеиџшым ахаџшыалыхџа рыџ-џыхаџа.

Мраџашџара-аладатџи аган ахь ала иаарџшын даџа џсыжрак. Аџ-сыбаџ бзианы еиџџеит, хырхарџала мраџашџарахь ахы рханы ишыџоуп. Аџсыбаџ азџа иџџуп, ауахџама аџзы зынзаск иазааигџоуп, акгыы авам. Ари аџсыжра азааигџара ишыџоуп даџа џсыбаџык, аха адгыылхџазара иахџазар акџап, аџсыбаџџа еиларџынџны иџоуп, реишыџагылашыа ашыџаџыргылара рџашыаны. Арт аџсыжракџа рыџбагыы рааигџара ишыџан иџшыыркџаны иџџу асыпса (сланец) иалху ахаџа. Аџшыџа излаџанахџо ала уи ахаџа, арт аџсыбаџџа рыхџаразы иааган. Ахаџа аназа-аазараџа: аура 60 см., аџбаара 40 см., ашџпара 4 см.

Аџсыбаџ аџадатџи ахырхарџахь ишыџан аиха иалху, уамак зымџаџа дуум хџызбак. Ахџызба аура 14 см., абыз агџа аџбаара – 2 см., аџџыл – 05 см, ахџџы ахатџарџа хџџоуп, иаанзаз маџуп – 3 см. Аџсыжра азбџак кыџла ихџан, ахыбгыы аман.

Ас еиџш еиџџау аџсыжракџа, иара ус имаџзаргыы, ара иахџды-хъашџахџеит. Иара убас, кыџла ихыркџшаны иџџан, ааигџа раџхъа иаахарџшхъаз асаби иџсыжреи, ахџсаџа рыџсыжракџа даџа џбеи.

Метраки-бџаки инаскџаганы аџзамџ иазырџшны, иара убас иаарџшын даџа х-џсыжрак, аџсы ивартцо маџаркгыы ыџамызт. Урт инарзааигџаны ишыџан, иџџу асыпса хахџла ихџаз, даџа х-џсыжрак. Ахаџа џы аура – 160 см., аџбаара – 70 см., ашџпара – 4 см. Аџсыбаџџа рыхџагыы хџыџык ишеиџхъыртџазгыы, иубаратџы иџан мраџашџарахь рхы рханы ишышыџаз. Урт хџыџык инарџџыхараны (20 см.) ишыџаз аџшыбатџи аџсыбаџ еиџа еиџџаны иџан, уигыы мраџашџара ахы рхан, акгыы авамызт.

¹ Барџыџ Р.М. Раскопки раннехристианского храма в с. Лдзаа, пос. Пицунда. В сборнике: Кавказ: истории, традиции, язык. Сухум. АБИГИ, 2003. С.223-227.

Арт аарцшрақәа рыла ихыркәшан актәи аиқәтца (слой). Настәи, аџбатәи аиқәтца алагамтәзы, 2,5 метр аладатәи атзы ахырхартарала иаарцшын даеа пхәыск лыпсыжра. Хыхьла ианаахарты, уаџы ибаратәи иҕан, аҕсыбаџ абџа лых шадыз узырбо аиатцәа цәапшыра, иара убас иагәаапшит дара арцшзагақәагьы рыхәтәк. Аҕсыбаџ иадчабаланы иҕан 60 цыра инареиҳаны, ф-цәахәакла еиваҕсаз, зым-еҳак ҳаракым исферабжоу аҕәынақәа. Урт зегьы еиҕран тбаарала – 2 мм., иреиҳамызт.

Иара убас аҕсыбаџ аргәтыста наҕ-ааҕ рыла ишьтан аразны иалху, икәымпылу аимхәыцқәа, абџатә гәыргәыл иахаҕсоу алымҳарыџқәа џба. Аҕсыбаџ ашьтахь, тҕаҕа ишьтан, иара убас абаџа иалху агәлатца. Аҕсыбаџ хара иацәыхарамкәан иара убас ишьтан аиха иалху, хәычык зҕынтца птәаз, ахәызба хәычы.

Ари аҕсыбаџы рцшзагас иаваз итцегь иреиуоуп амшын аҕнытә иаагоу, акамыршша цәа иалху, иҕшьыркцаны ицәу арцшзагақәа маҕымкәан. Ааигәа ишьтан ажьякца иахьяфаз иахкьаны изакәытә маругоу зеилкаара мариам еиха хәтәчк.

Хырхартала аџадаҕа, пшь-метрак инаскьяганы арт аҕшаамтәқәа рыҕкнытә иаарцшын даеа х-псыжрак...уртгьы рыҕсыбаџ еиларџынтын, аха мраташәарахь рхы рхан, насгьы егырт реиҳарак реицш, акгьы рывамызт.

Метрабжак иџаскьяганы, иаарцшын даеа пхәыск лыпсыжра. Уи, абџа иалху алымҳарџқәа џба лыван. Урт нада-аада роура 3,5 см иҕан, иара агәыргәыл цшра змоу алымҳарыџқәа еиха ипоу адач ала ирцшзаны иҕатцан. Аҕсыбаџ наҕ-ааҕ ишьтан џ-гәлатцак, рынцәамтәҕы асаркьал хәыцқәа ахьнырхаланы. Арт арцшзагақәа хдыркәшоит абџа иалху даеа џ-саркьал хәычык (колокольчики). Аҕсыбаџ ахәда аҕны иаарцшын аҕаҕшь пштәы змоу, мыцхәы зыхә ҳаракым ахахә (красныи сердолик) иалху ахәдахатца-какач. Хыпхьазарала урт жәџа цыра ыҕоуп. Урт ирылоуп иҕштәыдоу ахахә (кварц) иалху какач хәтәк. Ари ахәдахатца-какач аҕатцараҕы анапы адкыларә шмачу убаратәы иҕоуп, убри алагьы иаххәарц ҳалшоит аҕыҕантәи напҕатцароуп хәа. Избанзар, ахәаанырцәынтәи иааргарымызт, ас имаҕны аус зыдулоу арцшзага...амала иара иахьыҕоу еиҕеаауп, зыхәда иахазтәз ауаџы дарцшзоит. Ари аҕсыжра иадхәалоу арцшзагақәа хдыркәшоит, хыпхьазарала жәохә цыра, абаџа иалху аимхәыцқәа.

Атдыхэтэантэи ашықәсқәа рзы имѡаѡгаз адгьылжрақәа иахьры-цанакуа зегьынцъара ус, уарла-шээрла акәзаргьы хықәкыла цсыж-рак иадхәалам ацсыбаѡқәа мацымкәан иаарпшын, имацым иара убас ацстәқәа ирыдхәалоу абѡақәа.

Ас иѡоу аѡагылазаашьа арцабыргуеит хәа хгәы иаанагоит, уаанза иазгәахтахьаз алкаа – адгьыл ацслымз рацәаны иахьалоуи, настгы арт адгьылқәа рааигәа-сигәа шықәсырацәала ауаа ахьынхози ирыб-зоураны арт ацсыжрақәа апырхага роуан (адгьыл рцәагәон), убри иабзоуранагьы ртыц иқәкьаны, еиларѡынтхеит хәа.

Алкаарақәа: ауахәама аматанеиртәтә хәтаѡы ацзамц адәахьала ииашоуп, апсида ылгәыгәым. Аладатәи ацзы нагзаны иаарпшуп, аурагьы 23, 5 метра иѡоуп. Мрагыларатәи аганахь ихоу ацзамц аура 16 метра иѡоуп. Иаарпшу ацзы аҳаракыра ѡ-метрак инарзынапшуеит, ажәпара – метрак.

Иаарпшу амацәарқәа рыла иаххәар халшоит ари аѡоурыхтә бака андыргылаз аамтала ахәбатәи-афбатәи ашәышықәсақәа ирхыгам хәа. Ара иазгәатәтәуп, хажрақәа раан ишахпыхьашәаз имацымкәан, ицагь изаатәу апшаамтақәа, аха урт рықәреи, нас ари итахтаауа абака иахьынзадхәалоу иреипшу азцаарақәа рыкатцара халагом.

Убас ала, иахьатәи хатцаарақәа рыбзоурала иаххәарц халшоит, – хапхьа ишьтоуп ацсуа ѡоурых азын ацакы ду змоу, заатәи ақырсиан динхатцара аамта иашьашәалоу абака. Наукала зытцаара иаццатәу, изеичахатәу, абицара ихатцагыло рзы хымпада еиқәырхатәу ѡоурыхтә баканы ишыѡоу.

Резюме:

Археологические исследования в селе Лдзаа Гагрского района начались в 1990 году. В результате раскопок было выявлено много прихрамовых захоронений – мужских, женских и одно детское. Большинство мужских захоронений были без погребального инвентаря. В женских же много предметов украшения и домашней утвари. Также обнаружены фрагменты церковной посуды.

Данный памятник раннего Средневековья заслуживает достойного исследования и сохранения для истории страны.

Пачулия В.М.

(РА, Сухум)

Г. К. ШАМБА О ДАТИРОВКЕ ОСНОВАНИЯ ДРЕВНЕГО ГОРОДА ДИОСКУРИАДЫ

Еще в советское время встал вопрос о проведении юбилея города Сухума. Необходимо было установить, сколько лет нашему городу, начало которого идет с древнейшего города Диоскурия. Официально изучение этого вопроса было поручено нашим видным ученым-археологам Георгию Кучиевичу Шамба и Юрию Николаевичу Воронову.

19 января 1989 г. состоялось расширенное заседание Ученого совета Абхазского исторического общества. Вел его председатель Ученого совета Хазарат Шаханович Аргун. Тогда я, будучи секретарем исторического общества, сохранил документацию, в том числе доклады Г. К. Шамба и Ю. Н. Воронова.

Первым на заседании с докладом выступил Г.К. Шамба – заведующий отделом археологии АбНИИ, доктор исторических наук. Свое выступление он начал следующими словами: «Пожалуй, трудно назвать другой город или населенный пункт, в истории которого произошло бы столько переименований: Диоскурия, Себастополис, Цхум, Сухум-Кале, Эйа, Акуа и Сухум».

Докладчик продолжал: «Из дошедших до нас письменных источников впервые название нашего города Диоскурия встречается у греческого (афинского) писателя VI в. до н. э., подлинное имя которого до настоящего времени еще не установлено, но выдавал он себя за Скилака Кариандского. Эти высказывания подтверждаются также данными крупного военачальника Флавия Арриана, побывавшего на территории современного Сухума около 131 года. Последний утверждает, что Диоскурия основана древнегреческой метрополией Милетом. Также известно, что этот город был разрушен в начале V

в. до н. э. (491 г.). Стало быть, свою колониционную деятельность Милет должен был осуществить значительно раньше, т.е. не позднее VI в. до н. э.

Г. К. Шамба в своем выступлении подкрепил письменные источники археологическими данными: «На этот счет у нас имеется значительный выбор археологических материалов, поскольку изучение исторических памятников древнего Сухума ведется более ста лет, в течение которых обследованы предметы бытового и погребального характера. Есть косвенное основание утверждать, что одно из первых греческих поселений на территории Сухума возникло в устье реки Басла, поскольку здесь сохранился яркий след существования раннегреческого некрополя. При этом имеется в виду надгробная мраморная плита с тремя человеческими фигурами, выполненными в типично греческом стиле. Правда, находка относится не к самому начальному этапу возникновения Диоскурии, отстоит от этого времени лет на 70 – 80».

В этом докладе Г. К. Шамба также затронул вопрос об аргонавтах: «Говоря о первых, наиболее ощутимых следах греческих переселенцев в районе Сухума, мы наблюдаем их не на территории города, а далее к западу от него, на одном из Эшерских холмов, известных у абхазов под названием «Аблраху», что примерно означает: «Холм, подвергшийся пожару».

При этом ученый подчеркнул: «Это единственный бытовой памятник, который может быть связан с первооткрывателями Диоскурии. Поэтому думается, что Эшерский холм, расположенный где-то в 8 км от центра современного Сухума, мог бы быть если не самым первым, то одним из первых поселений, где заложено основание будущей Диоскурии».

Свой доклад Георгий Кучиевич Шамба завершил словами: «Из сказанного следует, что древний Сухум – Акуа переживает свою многовековую историю, и поэтому общественность города при соответствующем его благоустройстве может с полным основанием отметить 2500-летие своего города».

Заседание приняло соответствующее решение, в котором говорится:

«Заслушав и обсудив доклад Г. К. Шамба и Ю. Н. Воронова о проведении юбилея г. Сухума, расширенное заседание Ученого совета Абхазской организации Исторического общества Грузии постановляет:

1. Датировать основание г. Сухума VI веком до н. э. (2500 лет).

2. Считать целесообразным провести юбилей основания г. Сухум к концу 2 000 года.

3. Создать специальную комиссию по проведению юбилея г. Сухума: В. Г. Ардзинба – председатель, Г. К. Шамба – зампредседателя, Ю. Н. Воронов – зампредседателя.

Члены комиссии:

Х. Ш. Аргун, А. Р. Гулиа, В. В. Бжания, Ш. Д. Инал-ипа, В. Е. Кварчия, С. М. Шамба.

4. Обратиться в Абхазский обком КП Грузии с ходатайством о проведении юбилея г. Сухума. К ходатайству приложить историческую справку».

На заседании спор вызвал вопрос о том, в каком году провести юбилей столицы Абхазии. Одни считали, что его можно провести через 2–3 года, а другие через 10–12 лет.

Заканчивая свое выступление, я хочу подчеркнуть, что нельзя игнорировать выводы наших научных светил по поводу датировки основания Акуа-Сухум – VI веком до н.э. (2 500 лет).

Война помешала планам нашего общества, хотя В. Г. Ардзинба после войны неоднократно говорил о необходимости празднования дня г. Сухума.

4 декабря 2015 года в Сухуме в Абхазском государственном музее состоялась Международно-практическая конференция под названием «Древняя Диоскуриада», посвященная Дню празднования города Сухума. Организаторами и активными участниками этой конференции были Министерство культуры РА, Администрация г. Сухума, Абхазский институт гуманитарных исследований, Абхазский государственный музей, Абхазский государственный университет. Были зачитаны доклады о древней истории современного города Сухума.

На конференцию также были приглашены не только российские ученые, но и историки из дальнего Зарубежья, в частности, из Герма-

нии – Государственного музея Берлина. Все участники конференции пришли к мнению, что Акуа – Диоскурия исполнилось 2 500 лет.

Материалы конференции были опубликованы под названием «Древняя Диоскуриада». В 2016 году на стадионе «Динамо» прошло празднование г. Сухума – 2 501 год со дня основания. В следующем, 2020 году, можно продолжить празднование дня города – уже как 2 505 год. Кроме того, на набережной Махаджиров, у колоннады, можно установить баннер «Акуа – Диоскурия – Севастополь – Сухум – 2 505 год». Это было бы интересно не только для жителей Абхазии, но и для наших гостей. Замечательный пример празднования дня древнего города – Ереван, которому в этом году исполняется 2 801 год.

Резепкин А.Д., Поплевко Г.Н.

(РФ, Санкт-Петербург)

МАЙКОПСКАЯ И НОВОСВОБОДНЕНСКАЯ КУЛЬТУРЫ – КУЛЬТУРНО-ГЕНЕТИЧЕСКИЕ ОТЛИЧИЯ¹

Майкопская культура

История изучения майкопской культуры насчитывает уже более 120 лет, начиная с раскопок Н.И. Веселовского. Она подробно изложена в ряде статей и монографий². На протяжении этого периода в их изучении можно выделить три этапа.

Первый этап. Работы Н.И. Веселовского на Кубани (1895–1917) и раскопки Северо-Кавказской экспедиции под руководством А.А. Миллера (1924–1933). Параллельно велись аналитические исследования, позволившие объединить эти памятники в группу так называемых «Больших кубанских курганов» (Tallgren, 1911) и на основании анализа стиля гравированных изображений на сосудах из Майкопского кургана предложить их южное происхождение³ (Ростовцев 1920). В 1929 году А.В. Шмидт сделал первую попытку общей периодизации

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы фундаментальных научных исследований государственных академий наук (или ФНИ ГАН) по теме государственной работы: № 0184-2018-0009 «Взаимодействия древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV тысячелетие до н. э. – I тысячелетие до н. э.)»

² Иессен А.А. К хронологии больших кубанских курганов // СА №12. 1950. С.157-200; Мунчаев Р.М., Кавказ на заре бронзового века. М. 1975. 413 с.; Мунчаев Р.М. Глава 2. Майкопская культура // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М. 1994. С. 158-225; Корневский С.Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. 2004. 243.

³ Ростовцев М.И. Эллинизация и иранство на юге России. Пг. 1918.

курганых памятников доскифского времени на Кубани, расчленив их на три последовательные группы: раннекубанскую, среднекубанскую и позднекубанскую. В первую группу были включены курганы майкопский, костромской, андрюковский, воздвиженский, основные погребения из келермесского кургана № 3, псебайский и два кургана у станицы Новосвободной (бывшей Царской). Все они были отнесены к третьему тыс. до н.э. Тогда же впервые было рассмотрено соотношение подгрупп Майкопа и Новосвободной. Последнюю, на основании аналогий с «царским» могильником Ура А.В. Шмидт отнес к 3000 г. до н.э. (Schmidt 1929). Позднее А.А. Иессеном была предложена обратная последовательность и более поздняя датировка – конец III – начало II тыс. до н.э.¹ Первый этап характеризуется открытием памятников, периодом первичного накопления материалов и достаточно глубоким их осмыслением.

Начало второго этапа по времени можно соотнести с известной статьей А.А. Иессена, в которой он погребальные комплексы из «Больших Кубанских курганов» разделил на два хронологических горизонта: ранний – с памятниками, группирующимися вокруг майкопского кургана, и поздний, куда входят памятники, по материалу тяготеющие к новосвободненским гробницам. Группа Больших кубанских курганов была объединена в культуру, которая получила название «майкопской», по кургану, раскопанному на территории города Майкоп и содержавшего самое богатое захоронение эпохи ранней бронзы².

Этот этап отмечен широкомасштабными полевыми исследованиями 60-70-х годов³. В результате проведенных работ памятники были открыты на территории Северного Кавказа от Черного моря до Чечено-Ингушетии включительно. Итогом осмысления нового материала

¹ Иессен А.А. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе // Из истории древней металлургии Кавказа. 1935. С.7-237.

² Крупнов Е.И., Древняя история и культура Кабарды // М. 1957. 176 с.

³ Мунчаев Р.М., Нечитайло А.Л., Комплексы майкопской культуры в Усть-Джегутинском могильнике // СА № 3. М. 1966. С. 133-151; Мунчаев Р.М., Кавказ на заре бронзового века. М. 1975. 413 с.; Чеченов И.М. Гробница эпохи ранней бронзы в Нальчике (по материалам раскопок 1968 года) // СА № 2. 1970. С. 109-124.

явилась трехчленная периодизация культуры по погребальному инвентарю. Была уточнена и более надежно обоснована хронология¹.

С конца 70-х годов начинается третий этап. Наряду с резким увеличением объема полевых исследований стала заметной тенденция качественного осмысления материала. За последние 15 лет значимый вклад в изучении майкопской культуры внесли С. Н. Корневский,² А. Д. Резепкин³. (Необходимо отметить, что С.Н. Корневский в майкопскую культуру включает и все памятники новосвободненской культуры).

Большинство памятников майкопской культуры расположено на Северо-Западном Кавказе. Для погребений характерны большие подпрямоугольные ямы, погребенные лежат скорчено, как правило, на правом боку, головой в южный сектор. К сожалению, подавляющее большинство их ограблено, а из сохранившегося материала характерны бронзовые бесчерешковые ножи. Встречено несколько бронзовых мотыг, тесел и долот. Самым богатым из раскопанных курганов является майкопский курган, включающий в себя практически все категории артефактов, характерных для культуры. Поселений открыто и раскопано более 15. Все они имеют очень тонкий культурный слой. Керамика, как правило, круглодонная, лепная, делится по качеству выделки и обжига на две категории. Формы довольно разнообразны, выделено 14 типов⁴.

¹ Мунчаев Р.М., Кавказ на заре бронзового века. М. 1975. 413 с.

² Корневский С.Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. 2004. 243 с.; Его же: Корневский С. Н. Современные проблемы изучения майкопской культуры // Археология Кавказа и Ближнего Востока. М. 2008.; Его же: Корневский С.Н., Древнейший металл Предкавказья. Типология, историко-культурный аспект. М. 2011. 335 с.

³ Резепкин А.Д. Керамика майкопской культуры с лощеным орнаментом. // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар. 2003; Его же: Некоторые аспекты формирования эпохи ранней бронзы на Северном Кавказе. // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар. 2004; Резепкин А.Д. Сосуды из поселений майкопской культуры. Классификация.// Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа. Исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Махачкала. 2012.

⁴ Резепкин А.Д., Поплевко Г.Н. Классификация мисок поселений майкопской культуры. // Записки ИИМК РАН. С-Петербург. 2009. С. 81-89; Резепкин А.Д. Сосуды из поселений майкопской культуры. Классификация.// Новейшие

Наибольшая культурная близость майкопской культуры к лейлатепинской, прослеживается благодаря работам прежде всего Наджафа Мусебли¹, и сейчас сомнений уже ни у кого не вызывает. Более того, проведенные исследования поселений и погребений майкопской и лейлатепинской культур позволили объединить восточноанатолийские памятники позднего халколита, лейлатепинскую и майкопскую культуры в «мегаобщность позднего халколита» где упомянутые культуры «в географическом и хронологическом плане составляют локальную лейлатепе-майкопскую общность»². В отличие от предложенной С.Н. Корневским «майкопско-новосвободненской общности»³, где эти два компонента имеют генетически разное происхождение, «лейлатепинско-майкопская общность» имеет общие корни, исходящие из позднего восточноанатолийского халколита. Более того, очень велика вероятность того, что ранний этап майкопской культуры, в свою очередь, в целом является периферийным вариантом лейлатепинской культуры. То есть носители этой культуры, продвинувшись на Северный Кавказ, и положили начало формирования Усть-Джегутинского варианта майкопской культуры. По крайней мере, детальное сопоставление форм керамики одного из памятников майкопской культуры – поселения Усть-Джегутинское с керамикой из поселения лейлатепинской культуры Беюк Кесик дает наглядное представление о значительном сходстве целого ряда форм

открытия в археологии Северного Кавказа. Исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Махачкала. 2012. С. 125-128.

¹ Мусебли Н. Энеолитическое поселение Беюк Кесик. Баку. 2007. 216 с.; Его же. К вопросу о переднеазиатско-кавказской культурно-исторической общности позднего халколита // Материалы международной научной конференции: археология и этнография Азербайджана в период независимости. Баку. 2013.

² Мусебли Н. К вопросу о переднеазиатско-кавказской культурно-исторической общности позднего халколита // Материалы международной научной конференции: археология и этнография Азербайджана в период независимости. Баку. 2013.

³ Корневский С.Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. 2004. 243 с. ; Его же. Корневский С.Н., Древнейший металл Предкавказья. Типология, историко-культурный аспект. М. 2011. 335 с.

керамики¹. Аналогичное сходство с майкопской керамикой демонстрируют и образцы керамики из курганного могильника Союмбулаг и погребений, расположенных на поселении Беюк Кесик. В любом случае, участие носителей лейлатепинской культуры в формировании Усть-Джегутинского варианта Майкопа безусловно.

Но как неоднородна лейлатепинская культура, что обусловлено проникновением позднехалколитического населения из разных регионов Переднего Востока, так же неоднородна и майкопская культура. Об этом приходилось писать неоднократно². Урук не принимал участия в формировании Усть-Джегутинского варианта Майкопа. Объясняется это тем, что во время формирования лейлатепинской и этого варианта майкопской культур, распространение урука на север еще не достигло тех регионов, откуда шли импульсы, формировавшие эти культуры. Неоднородность же майкопской культуры объясняется тем, что помимо «чистых» позднехалколитических комплексов, таких как погребения в ямах Усть-Джегутинского курганного могильника, Большетегинского и Усть-Джегутинского поселений, в майкопской культуре встречены погребения и поселения, керамика из которых имеет орнаментальные мотивы, которые находят хорошие аналогии в керамике поселений среднего урука³. В результате проделанного статистического анализа керамики майкопских поселений по предложенной типологии мисок⁴ и сосудов⁵ были выделены территори-

¹ Резепкин А.Д., Поплевко Г.Н. Классификация мисок поселений майкопской культуры. // Записки ИИМК РАН. С-Петербург. 2009. С. 81-89; Резепкин А.Д. Сосуды из поселений майкопской культуры. Классификация.// Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа. Исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Махачкала. 2012. С. 125-128.

² Резепкин А.Д. Керамика майкопской культуры с лощеным орнаментом. // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар. 2003. С. 45-54; Его же: Некоторые аспекты формирования эпохи ранней бронзы на Северном Кавказе. // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар. 2004. С. 97-125.

³ Там же.

⁴ Резепкин А.Д., Поплевко Г.Н. Классификация мисок поселений майкопской культуры. // Записки ИИМК РАН. С-Петербург. 2009.

⁵ Резепкин А.Д. Сосуды из поселений майкопской культуры. Классификация.// Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа. Исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Махачкала. 2012.

альные ареалы поселений майкопской культуры – среднекубанский – куда входят Большетегинское и Усть-Джегутинское поселения, погребения в ямах Усть-Джегутинского курганного могильника (Усть-Джегутинский вариант) и закубанский – куда входят такие поселения, как Псекупс, Пхагугапе, Беляевское, Чекон, Натухаевское, Дюрсо (псекупский вариант). К ним же можно добавить и поселения Сержень-Юрт в Чечне¹, курганные могильники типа Красногвардейское, Уляп, Общественный. В этом ареале и проявилось влияние среднего урука – в появлении пролощенного орнамента на типично майкопских сосудах: с шаровидным туловом, слегка уплощенным дном. В частности, в виде таких специфических композиций, как зигзаг на шейке сосуда, что характерно для урукской керамики и зигзагообразный штамп (rocker impressed) плотными косыми рядами, идущий по тулову сосуда. Интересно отметить, что фрагменты керамики с аналогичным орнаментом были найдены в нижнем, энеолитическом слое, при раскопках поселения Великент II в Дагестане и поселения Сержень-Юрт в Чечне². Эти орнаменты хорошо известны в среднем Уруке, но их нет на керамике восточно-анатолийского халколита. Серия калиброванных радиоуглеродных дат, как среднего Урука (Voese, 1995), так и майкопских памятников, имеющих эти признаки, полностью совпадает – вторая треть IV тысячелетия до н.э. Ранее комплексы с керамикой с пролощенным орнаментом были отнесены ко второму, иноземцевско-костромскому этапу развития майкопской культуры³. Здесь необходимо отметить, что ареал погребений с керамикой, имеющей пролощенный орнамент, является гораздо более обширным, чем ареал поселений, но концентрация таких погребальных комплексов все равно приходится на закубанский (Псекупский) ареал поселений.

¹ Мерперт Н.Я. Раскопки Серженьюртовского поселения в 1960 г. // М. КСИА, вып. 88. 1962; Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века. М. 1975. 413 с.

² Резепкин А.Д. Некоторые аспекты формирования эпохи ранней бронзы на Северном Кавказе. // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар. 2004

³ Резепкин А.Д. Северо-Западный Кавказ в эпоху ранней бронзы. Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук. 1989. Л.

Помимо этих данных имеется еще ряд признаков, которые объединяют этот ареал поселений. Это, прежде всего, так называемые «очажные подставки». Они имеют ярко выраженную «грибовидную» форму со сквозным отверстием в верхней трети. Они найдены на всех поселениях, но в Усть-Джегутинском варианте они не обнаружены. На поселении Галюгаевское I эти подставки тоже есть, но их отличие от закубанских в том, что, во-первых, они не имеют столь ярко выраженную «грибовидную» форму, во-вторых, подавляющее большинство подставок на поселениях Псекупского варианта имеет полое основание¹, чего нет у подставок из поселения Галюгаевское I². Кроме этого, только в этой группе поселений и погребений, найдены кремневые флажковидные наконечники стрел и глиняные модели колес, а также цилиндрическая печать так называемого геометрического стиля. Цилиндрические печати появились в период среднего урука и получили широкое распространение по всему Переднему Востоку (Mazzoni 2000).

Таким образом, мы видим значительное сходство Усть-Джегутинского варианта майкопской культуры с лейлатепинской культурой, которое обусловлено общими корнями, происходящими из позднего восточноанатолийского халколита и, более того, очень велика вероятность того, что именно лейлатепинская культура внесла решающий вклад в формировании этого варианта. Но, как мы видим, отличие майкопской культуры от лейлатепинской состоит в том, что в ее формировании принимал участие и тот поздний восточноанатолийский халколит, который уже был подвержен влиянию среднего урука, распространившегося к этому времени в верховьях Тигра и Евфрата. Это, как представляется, мы и наблюдаем на памятниках Псекупского варианта майкопской культуры.

¹ Резепкин А.Д., Лионне Б. Поселения эпохи ранней бронзы на Кубани (предварительная публикация) // REVISTA arheologica. Vol. III, № 1-2. Chisinau. 2007. С. 5-73.

² Корневский С.Н. Галюгай I – поселение майкопской культуры. М. 1995. 189 с.

Новосвободненская культура

С конца 70-х годов, наряду с резким увеличением объема полевых исследований, стала заметной тенденция качественного осмысления материала. Еще более определенно выявились две точки зрения на развитие и происхождение культуры. Если относительно происхождения группы памятников, концентрирующихся вокруг Майкопского кургана, особых разногласий не существует¹, то в вопросе генезиса комплексов, относящихся по материалу к кругу новосвободненских гробниц, определились две противоположные точки зрения. Согласно первой, обе группы объединяются в одну, майкопскую культуру, и являются этапами ее развития². В одной из последних своих статей, озаглавленной «Современные проблемы изучения майкопской культуры» С.Н. Корневский выделяет девять блоков, в которых он в основном критически рассматривает различные аспекты исследования Майкопа и Новосвободной, начиная от истории термина «майкопская культура» до публикации новых источников³. В данном случае следует отметить то, что, несмотря на введенный им термин «майкопско-новосвободненская общность», он также идентифицирует его с термином «майкопская культура»⁴, а памятники Майкопа и Новосвободной продолжает рассматривать как два этапа – ранний и поздний, одной культуры⁵. Согласно второй – новосвободненская группа представляет собой самостоятельное явление (культуру). Первым, кто выразил сомнение в культурной однородности памятников

¹ Мунчаев Р.М., Кавказ на заре бронзового века. М. 1975; Андреева М.В. К вопросу о южных связях майкопской культуры. М. СА №1. 1977.

² Иессен А.А. К хронологии больших кубанских курганов // СА №12. 1950; Мунчаев Р.М., Кавказ на заре бронзового века. М. 1975; Его же: Мунчаев Р.М. Глава 2. Майкопская культура // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М. 1994.

³ Корневский С. Н. Современные проблемы изучения майкопской культуры // Археология Кавказа и Ближнего Востока. М. 2008.

⁴ Корневский С. Н. Современные проблемы изучения майкопской культуры // Археология Кавказа и Ближнего Востока. М. 2008. С. 108.

⁵ Корневский С. Н. Современные проблемы изучения майкопской культуры // Археология Кавказа и Ближнего Востока. М. 2008. С. 100-101.

Майкопа и Новосвободной, был А.Д. Столяр. К этой мысли он пришел при анализе верхнего и нижнего горизонтов раскапываемого им энеолитического поселения Мешоко, считая, что оно относится к майкопской культуре, сопоставив лощеную и хорошо выделанную керамику нижнего горизонта с менее качественной и орнаментированной по плечикам рядами круглых налепов керамикой верхнего горизонта¹. Эту идею о разном генезисе Майкопа и Новосвободной воспринял В.А. Сафронов. Он предложил идею о происхождении гробниц новосвободной, а заодно и дольменов Северо-Западного Кавказа из культуры шаровидных амфор². Не исключено, что он был знаком с идеей о сходстве шаровидных амфор и амфор из гробниц новосвободной, высказанной еще Г. Чаялдом. Идея о западном происхождении новосвободненских памятников была поддержана, но на качественно ином материале из раскопок курганного могильника «Клады», с предложением искать корни происхождения в культурах воронковидных кубков Центральной Европы³. Основополагающее значение для решения перечисленных проблем имеют материалы могильника «Клады», полученные в результате одиннадцатилетних работ Майкопского отряда Кубанской экспедиции ЛОИА АН СССР в одноименном урочище близ станицы Новосвободной (Царской). В нем расположен одноименный подкурганный могильник, история из-

¹ Столяр А.Д. Поселение Мешоко и проблема двух культур кубанского энеолита // Тез. докл. научной сессии ГЭ за 1963 г. Л. 1964. С. 31-32.

² Николаева Н.А., Сафронов В.А. Происхождение дольменной культуры Северо-Западного Кавказа. Приложение I к работе В. А. Сафронова «Классификация и датировка памятников бронзового века Северного Кавказа» // Сообщения Научно-методического совета по охране памятников культуры. Вып. VII. М. 1974. С. 174-198.

³ Резепкин А.Д. Проблема развития и преемственности культур эпохи ранней и средней бронзы на Северном Кавказе // Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа. Тезисы. Ереван. 1982. С. 132-135; Его же: Резепкин А.Д. Курган 31 могильника Клады. Проблемы генезиса и хронологии майкопской культуры // Древние культуры Прикубанья. Л. 1991. С. 167-197; Его же: Резепкин А.Д. Сосуды из поселений майкопской культуры. Классификация.// Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа. Исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Махачкала. 2012. С. 125-128.

учения которого насчитывает уже 120 лет. Первые археологические раскопки под станицей Царской были проведены Л. Н. Каменевым, результаты работ были напечатаны в газете «Кубанские военные ведомости» № 47 за 1870 г. В этой статье автором описана подкурганная каменная гробница, которую он в 1869 г. доследовал, прекратив грабительские раскопки местных казаков. Гробница находилась в 5 верстах выше станицы и представляла собой сооружение одиннадцатиаугольной в плане формы с конической крышей.

Но наибольшую известность получили две подкурганные гробницы, раскопанные Н.И. Веселовским в 1898 году в «Кладах». Затем в исследовании «Кладов» был долгий перерыв, прерванный поездкой туда в 1936 г. А.А. Иессена.

Еще раз он посетил могильник в 1950 г. и раскопал три небольших кургана, в двух оказались разрушенные дольмены, но все курганы были ограблены¹.

Следующий этап исследований подкурганного могильника «Клады» был проведен в 1979–1991 гг. Майкопским отрядом (начальник отряда Резепкин А.Д.) Кубанской Новостроечной археологической экспедицией (начальник экспедиции Бочкарев В.С.) ЛОИА АН СССР. В результате исследований были раскопаны все оставшиеся курганы могильника «Клады». В итоге было раскопано 22 кургана, причем 8 из них были перекрыты гигантской 12-метровой насыпью кургана «Серебряный». В этих курганах насчитывается 93 хорошо стратифицированных погребения, относящихся к новосвободненской культуре. К ним можно добавить две подкурганные гробницы, раскопанные Н.И. Веселовским в 1898 году. Это единственный практически полностью исследованный могильник эпохи ранней бронзы на Северном Кавказе, имеющий хорошую стратиграфию. Он дал такое обилие качественного и количественного материала, что представилась реальная возможность на основе стратиграфии и типологии построить относительную хронологию, по-новому подойти к проблеме абсолютной хронологии. Появилась также реальная возможность вплотную подойти к проблеме происхождения, социальной интерпретации и

¹ Иессен А.А. К хронологии больших кубанских курганов // СА №12. 1950. С.157-200.

этногенеза выделяемой новосвободненской культуры. Помимо раскопок в «Кладах», в разные годы было раскопан еще ряд курганных могильников и погребений новосвободненской культуры¹. Также было раскопано одно новосвободненское поселение².

На основании полученного материала было выделено 7 групп керамики³. Вся она плоскодонная, чернолощеная либо серолощенная – сосуды – амфоры, миски, кубки, реповидные и горшковидные сосуды. Металл очень разнообразен. Представлены как инструменты – тесла, долота, топоры, так и оружие – кинжалы, топоры, копья, кремневые и костяные стрелы и даже обоюдоострый меч. Довольно многочисленны бронзовые сосуды, крюки, а также разнообразные украшения из кости, серебра, сердолика и золота.

Погребальные конструкции делятся на несколько типов. Наиболее вероятно, что практически все изделия были изготовлены на местной рудной базе.

Тип I. Прямоугольная, со слегка закругленными углами яма. Иногда на перекрытии имеется слой глины или наброска из камня. Нередко дно и стены обложены камнем, по периметру могилы – деревом

¹ Батчаев В.М., Корневский С.Н. Находка оригинального топора в майкопском погребении у с. Лечинкай // КСИА № 161. 1980. С. 79-83; Бетрозов Р.Ж., Нагоев А.Х. Курганы эпохи бронзы у селений Чегем I, Чегем II и Кишпек (I-я и 3-я группы) // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик. Вып. I. 1984. С. 7-78; Биджиев Х.Х. Большой курган у аула Кубина в Карачаево-Черкесии // Северный Кавказ в древности и в средние века. М. 1980. С. 33-43; Мунчаев Р.М., Нечитайло А.Л., Комплексы майкопской культуры в Усть-Джегутинском могильнике // СА № 3. М. 1966. С. 133-151; Мунчаев Р.М., Кавказ на заре бронзового века. М. 1975. 413 с.; Чеченов И.М. Гробница эпохи ранней бронзы в Нальчике (по материалам раскопок 1968 года) // СА № 2. 1970. С. 109-124; Его же.: Чеченов И.М. Богатые захоронения в кургане раннебронзового века у сел. Кишпек в Кабардино-Балкарии. М. 1980. С. 16-33.

² Резепкин А.Д. Поселение Новосвободненское // Археология Кавказа и Ближнего Востока. М. С. 2008. 157-176; Резепкин А.Д. Сосуды из поселений майкопской культуры. Классификация. // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа. Исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Махачкала. 2012. С. 125-128.

³ Резепкин А.Д. Сосуды из поселений майкопской культуры. Классификация. // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа. Исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Махачкала. 2012. С. 125-128

(сруб). Погребенные всегда лежат скорченно, на боку, в подавляющем большинстве на правом, кисти рук перед лицом, иногда правая вытянута вдоль туловища. В Закубанье почти все погребенные головами ориентированы в южный сектор, нередко в могилах имеются следы охры, иногда угля. В Прикубанье большинство погребенных лежат на левом боку, преобладает широтная ориентировка, в большинстве случаев отмечены следы охры, уголь редок. Опираясь на стратиграфию в «Кладах», этот тип погребальной конструкции можно разделить на два варианта: ранний и поздний.

Ранний – тип I. Средняя длина ямы составляет 1,9 м. Учтено 84 погребения. В ряде случаев дно могил также было выложено камнем, а сами погребения перекрывались небольшими набросками из камня. Ареал погребений этого типа охватывает территорию от предгорий и среднего течения реки Кубань до ее нижнего течения и далее, на север до низовьев реки Дон.

Поздний – тип I-A. Учтено 70 погребений. Ямы прямоугольной формы, разных размеров, но в целом заметно крупнее, их средняя длина составляет 2,45 м, дно часто вымощено галькой. В 18 случаях в могилах отмечены следы деревянного сруба (рамы) высотой в 1-3 венца, а стены выложены камнями. Курганы, где были обнаружены эти погребения, в центре, над основным погребением этой группы, содержат насыпь из камня, как бы «ядро» кургана. Таких насчитывается не менее 26. Погребенные лежат скорченно, на правом боку, кисти рук перед лицом, только в 8 случаях отмечена широтная ориентация, остальные захоронены головами в южный сектор. Почти во всех случаях отмечены следы охры, в трех – уголь. Погребения этого типа распространены по всему ареалу культуры, но в массе своей тяготеют к Центральному Предкавказью. В «Кладах» их насчитывается 16, они занимают все стратиграфические горизонты, начиная со второго.

Как разновидность типа I-A, выделяются погребения на древней дневной поверхности. Всего учтено 21 погребение. В «Кладах» имеется 6 таких погребений. Представляют собой площадки прямоугольной формы из гальки, глины, песка. В некоторых случаях они огорожены деревянным срубом, стенками из камня или тем и другим вместе. В большинстве случаев над погребениями в центре кургана

также сооружалась насыпь из камня. По положению погребенных, ориентации, наличию охры, оформлению периметра могил (каменная обкладка, срубы) они неотделимы от погребений первого типа. В «Кладах» они встречены в первом и втором стратиграфическом горизонте. Распространены по всему ареалу культуры.

Тип II. Учтено 8 гробниц: пять двухкамерных и 3 однокамерные. Под термином «гробница» подразумевается мегалитическое погребальное сооружение на древней дневной поверхности, состоящее из одной – двух камер, образованными вертикально поставленными плитами. Камеры прямоугольные либо слегка подтрапециевидные в плане, в одной из передних поперечных плит имеется входное отверстие. В одном случае отверстие прорублено сверху. Положение погребенных, их ориентация, наличие охры такие же, как и в могилах типа 2. Две однокамерные гробницы (Псыбе и Псынако) по материалу нужно отнести к раннему (первому) стратиграфическому горизонту. Она содержит чернолощенный кубок первого типа, наконечник стрелы флажковидного типа и майкопский сосуд. Погребение относится к разряду «мешаных».

Двухкамерные гробницы отличаются богатством и разнообразием инвентаря. В «Кладах» занимают третий и четвертый стратиграфический горизонты.

Этот этап развития эпохи ранней бронзы на Северном Кавказе (новосвободненская культура), как я думаю, был сформирован под сильным влиянием собственно урукской цивилизации. В керамике это выразилось в массовом (абсолютно доминирующем) появлении качественно новой керамики – «реповидной» формы типичной для конца среднего Урука. Первым на разительное сходство по форме и орнаменту урукской керамики этого типа и новосвободненских реповидных сосудов обратил внимание Р.М. Мунчаев¹. Эта появившаяся на Северном Кавказе форма имела также типичный для урукской керамики орнамент – елочку и ряды налпных шишечек на плечиках. На ряде сосудов новосвободненской культуры на плечиках отмечены

¹ Мунчаев Р.М. Майкоп и Месопотамия: итоги изучения и перспективы // Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки. Материалы и исследования по археологии России. М. Вып. 3. 2001. С. 35.

рудиментарные ручки, которые как ручки также типичны для урукских сосудов. Помимо общего типа керамики реповидной формы для новосвободненской культуры и среднего Урука, очень похожими являются и некоторые специфические формы посуды: это чайники и черпаки с длинными ручками, хотя урукские черпаки сделаны из глины, а в новосвободненской культуре из бронзы. Урук оказал решающее влияние на формирование позднего этапа новосвободненской культуры.

Сейчас стало достаточно очевидным, что в сложении новосвободненской культуры принимало участие не менее трех культурных компонентов: передневосточный, урукский, принесший с собой высокую технологию изготовления керамики на гончарном круге, и ее ведущие формы. Он также принес с собой весьма развитые навыки обработки металлов, что и послужило мощным развитием начала эпохи бронзы на Северном Кавказе. Второй компонент, куро-аракский, вероятнее всего оказывал некоторое влияние на уже сложившуюся культуру в Центральном Предкавказье. Третий компонент принял самое активное участие в сложении раннего этапа культуры на Северо-Западном Кавказе¹. Хотя он в технологическом отношении был не столь значимым, но его анализ позволил, как я думаю, увидеть иные, не менее значимые аспекты этой весьма неординарной культуры. Речь идет о инвазии культуры воронковидных кубков на раннем этапе их развития из Центральной Европы на Северо-Западный Кавказ. Она принесла с собой идею мегалитизма (гробницы) и различные типы чернолощеной керамики (кубки, амфоры, миски). Это и послужило базой формирования раннего этапа новосвободненской культуры². Подавляющее большинство памятников новосвободненской культуры расположено в Центральном Предкавказье. Время существования культуры, по многочисленным радиоуглеродным датировкам – 3650–3100 лет до н.э.

¹ Резепкин А.Д. Некоторые аспекты формирования эпохи ранней бронзы на Северном Кавказе. // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар. 2004. С. 97-125. Его же. Сосуды из поселений майкопской культуры. Классификация. // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа. Исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Махачкала. 2012. С. 125-128.

² Резепкин А.Д. Сосуды из поселений майкопской культуры. Классификация. // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа. Исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Махачкала. 2012. С. 125-128.

Г.А. Сангулия

(РА, Сухум)

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГЕНИОХСКОГО ОБЩЕСТВА АБХАЗИИ VI-I ВВ. ДО Н.Э.

1. В исследовании вопросов общественных отношений и общественного строя Абхазии в позднеколхидское (античное время) VI–I вв. до н.э. очень серьезную роль сыграл известный археолог, руководитель и наставник, академик АНА Георгий Кучиевич Шамба. Им был исследован и введен в научный оборот целый ряд памятников и отдельных находок, сыгравших значительную роль в дальнейшем развитии археологической науки в Абхазии и соседних странах. Среди них особую роль играют такие категории находок, как орудия труда, предметы вооружения, культовые предметы и произведения искусства, а также и сами памятники древних поселений и погребений, и в особенности городища, которые в целом входят в золотой фонд абхазской науки как первоклассные источники по истории строительного дела и архитектуры Абхазии.

Рассматривая вопросы общественных отношений, ученый смог убедительно показать, что абхазское общество уже в древности, еще в дофеодальное время, уверенно перешагнуло через родовое общество в цивилизацию, определив общество гениохов как раннее царство. Серия сделанных им (Эшера) открытий богатых погребений с конем и сброей, великолепные находки с драгоценными украшениями местной знати, в том числе во внутренних областях страны (Ачандара), типологически сходных с инвентарем «знатных» погребений Центральной Колхиды, памятники письма на основе местной и древнегреческой традиций и множество других признаков высоко-развитой аристократической субкультуры делают эту версию сейчас достоверной и безупречной.

2. Что касается высокой частоты встречаемости предметов вооружения, то она приходится не в ожидаемое время первобытности и эпохи вожеств мегалитического времени, а гораздо позже, именно в эпоху гениохского царства (VI–I вв. до н.э.), когда сформировалось право сильного, и само право владения оружием, стало быть, и бесправия слабого. Об этом красноречиво говорят материалы местных могильников, где в одних погребениях найден представительный инвентарь с оружием, а в других – оружие вовсе отсутствует, и соответственно, встречаются единичные предметы или в целом бедный инвентарь (Красный маяк). Есть и сообщение (Страбон) о бесчинстве и грабежах пиратов. С ними могли справиться только независимые местные правители, которыми отбиралось награбленное и возвращалось прежним владельцам (потерпевшим). Причем масштаб и разрушительные действия включали не только «знакомые» местности, но и крупные города. Вот и древние авторы говорят о беспомощности посылаемых нерадивых начальников и подчеркивают явное превосходство местной царско-тиранической власти со скептухами на местах. О последних (скептухах), в этом статусе как представителей местной власти сообщает ряд источников. Как полагает Г.К. Шамба, им и соответствуют погребенные с богатым инвентарем, с конями и культовыми предметами, очевидно, воплощением священной силы. По своему смысловому значению, этот комплекс предметов является инвестиурой власти, которым наделяется местный скептух (позднее ахылацшвы – по Г.А. Дзидзария) теми высшими лицами общества (цари и тираны по терминологии древних авторов), которые следили за миром и спокойствием в регионе. Как видим, одной из важнейшей функцией этой высшей власти и вообще общественного строя, было сохранение безопасности, мира, спокойствия и благосостояния человека.

Материальная культура, её расцвет и развитие производства, максимум его перераспределения и отчуждения, не исключая системы дарения и отдара, породили ту отмеченную рядом специалистов концентрацию вооружения (что подчеркивает Г.К. Шамба), которая на другом полюсе оставила совершенно безоружных членов общества, как показывает инвентарь ряда памятников.

3. Представляет научный интерес и для типологического анализа абсолютно неповторимая бронзовая плита вроде декрета (по определению эпиграфиста Юрия Виноградова), найденная Г.К. Шамба во время исследования Эшерского городища в сильно разбитом состоянии. Тщательно обследованный участок и дополнительные работы дали автору и дополнительные фрагменты плиты. В целом в них содержится сообщение об участии войск в одном из крупных сражений (почему она и упоминается в хронике), сыгравшем решающую роль для тех, кто жил в городе (полис) и на территории базилеи. Последнее слово, несмотря на отсутствие строгой семантической атрибуции объекта, увязывается с местным гениохским царством, как говорится в одной из работ Г.К. Шамба, хотя ряд авторов считает, что упоминаются греки-гераклеяцы.

4. Думается, что это очевидная ошибка. Поселение греков в данном тексте обозначено словом полис, и по типу, и по роли, которая ей отведена, оно отличается от базилеи. По общей композиции текста также видна их дифференциация, в том числе пространственная. Эти важные моменты, наоборот, допускают два типа объектов, и соответственно, два субъекта того региона, где развернулись те достоимые события хроники, которые сыграли решающую роль в истории данного противостояния. Не забегая вперед, отметим, что слово базилея означает еще и «царицу», а также «царскую власть» и «Богиню царской власти», которая была дочерью самого Зевса и хранительницей его молний (Аристофан), или дочерью Урана и Титеи-Геи (Дионисий Скитобрахион), хотя в тексте о них речи нет и явно семантически они не к месту. Однако существует еще одна важная лексема для обозначения одного типа памятников, типологическому анализу которых посвящен ряд наших исследований. Прежде всего, отметим, что в тексте не называются регионы, царства, нет также упоминание страны (хора), например, хоры гениохов. Состав памятников в соответствии с нашим анализом ограничивается конкретными объектами как «полис», в прямом значении «город», и базилея – тоже подобный объект, только не опознанный и не определенный до сих пор ни одним из выступающих авторов, хотя попыток было предостаточно. Согласно нашим исследованиям, этим словом является *ta basileia*, которое в

первоисточниках, что очень важно по Западно-Кавказскому региону, имеет значение «столица», «ставка (царя)». Это уже и есть конкретный объект, параллельно существовавший с полисом, и, как пишет Г.К. Шамба очень метко и образно, жители этих двух объектов (греческие поселенцы и древние абхазы) пили воду из одного родника! Такое разделение зафиксировано в могильнике Пичвнара (Апсарский регион), по работам Амираана Кахидзе, где жители имели разные могильники. Таким образом, ясно, что когда местные жители города хоронили своих предков путем обряда «воздушного» погребения за пределами поселения (Аполоний Родосский), сами они жили в этом городе. Также упоминание «большого варварского города» (Псевдо-Скилак) говорит о наличии городской культуры у местного общества.

Упомянутое здесь слово *ta basileia*, как мне стало известно в результате типологического анализа, является, что интересно, региональным явлением. Например, «дворец» царя Арифарна из одного меотского племени, не доступный и так и не завоеванный приступом в известных событиях, обозначается этим словом. И столица синдов, что еще ближе к нам, у того же Страбона, знатока Западного Кавказа, обозначается этим словом, которое можно этимологизировать и считать производным из обозначения царя в виде «царское (место), столица; ставка (царя)».

5. Итак, учитывая все известные слова текста, которые, к сожалению, пока трудно привести в последовательную синтаксическую конструкцию, жители полиса некогда сыграли активную роль еще до наделения их землей в противостоянии с противниками гениохского царства в морском бою. Можно полагать, что один из местных гениохских царей (их, по Страбону – обычно было четверо) за неоценимую службу, оказанную жителями региона, наделил их свободным местом для поселения, что нашло отражение в изучаемом памятнике. Его теперь определенно можно назвать «исторической хроникой». Он выставлялся для обозрения и подчеркивал права и обязанности новых поселенцев в дальнейшем. Ясно, что ранее и в это время здесь царствовали местные правители и цари, в компетенции которых и было право выделения территории из соответствующих фондов. Они же давали иммунитет и покровительство, поскольку ре-

шающей силой в регионе были гениохи, с которыми, как писал Диоген Синопский, никто не хотел связываться. На эту местную традицию, как мы полагаем и ранее, ссылаются и те авторы, которые передают историю основания г. Пантикапея (столицы Боспорского царства) сыном колхидского царя Айтеа (Апсиртом). Возможно, что это были не родовые земли племени, где также располагались только могилы предков, а те фонды, которыми непосредственно владели представители правящей династии (ср. «царские земли» других традиций). Эта несовместимость с чужими представителями в пределах одного могильника подтверждается и в куланьрхуских погребениях, где могилы со скифской сброей не знают известной «скифской триады», не присутствующей в инвентаре местных погребений. Сегодня многие вопросы, связанные с типологическими исследованиями и определением уровня развития местного общества, в том числе в аспекте пограничной и региональной истории, которые мы разрабатываем в серии наших исследований, в свете работ корифеев отечественной археологической науки становятся всё более ясными. Есть надежда, что исследования в данной области будут успешно продолжены. В этом ряду особое место занимают труды замечательного руководителя, академика Г.К. Шамба. Мы еще долго будем изучать и постигать его загадочные открытия, которыми он обогатил отечественную археологическую науку.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

- Авидзба Дмитрий Зиновьевич** – младший научный сотрудник Отдела археологии Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АН Абхазии (г. Сухум, Республика Абхазия).
- Аргун Алхас Валикович** – Директор Национального Новоафонского историко-культурного заповедника «Анакопия» (г. Сухум, Республика Абхазия).
Email: hasafon@mail.ru
- Барцыц Руслан Михайлович** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела археологии Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АН Абхазии (г. Сухум, Республика Абхазия).
Email: rbartsits@yandex.ru
- Бгажба Олег Хухутович** – академик АНА, доктор исторических наук, заведующий Отделом истории Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АН Абхазии (г. Сухум, Республика Абхазия).
- Вольная Галина Николаевна** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии РСО-Алания (г. Владикавказ, Российская Федерация). **Email: gal.volnaya@yandex.ru**
- Джопуа Аркадий Иванович** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела археологии Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АН Абхазии, директор Абхазского государственного музея, (г. Сухум, Республика Абхазия). **Email: arkadi100@rambler.ru**
- Кайтан Шандор Геннадьевич** – младший научный сотрудник Отдела археологии Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АН Абхазии (г. Сухум, Республика Абхазия). **Email: shandorkaitan88@mail.ru**
- Кудин Михаил Иванович** – Научный сотрудник сектора археологии отдела истории Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т. М. Керашева (АРИГИ), действительный член Сочинского отделения Русского географического общества, (г. Сочи, Российская Федерация). **Email: mixail-sochi@mail.ru**
- Нюшков Валентин Александрович** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АН Абхазии (г. Сухум, Республика Абхазия).
Email: valenti74@yandex.com
- Пачулия Валико Меджитович** – кандидат исторических наук, Ведущий научный сотрудник Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа АН Абхазии (г. Сухум, Республика Абхазия).

- Поплевко Галина Николаевна** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник экспериментально-трассологической лаборатории Института истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация). **Email: poplevko@yandex.ru**
- Прокопенко Юрий Анатольевич** – доктор исторических наук, профессор кафедры социальной философии и этнологии, Гуманитарный институт Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Российская Федерация). **Email: z_proko_15@mail.ru**.
- Резепкин Алексей Дмитриевич** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация). **Email: rezepkin@mail.ru**.
- Сакания Сурам Михайлович** – заведующий Отдела искусства Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АН Абхазии (г. Сухум, Республика Абхазия).
- Сангулия Гарик Анатольевич** – старший научный сотрудник Отдела археологии Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АН Абхазии, Абхазского государственного музея, (г. Сухум, Республика Абхазия). **Email: garik-ajsanyg@yandex.ru**
- Скаков Александр Юрьевич** – кандидат исторических наук, н.с. Института археологии Отдела Бронзового века РАН (г. Москва, Российская Федерация). **Email: skakov09@gmail.com**
- Требелева Галина Викторовна** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела классической археологии Института археологии РАН, (г. Москва, Российская федерация). **Email: trgv@mail.ru**
- Счастный Дмитрий Алексеевич** – младший научный сотрудник Абхазского государственного музея, (г. Сухум, Республика Абхазия). **Email: shashvaclub@yandex.ru**
- Хондзия Зураб Георгиевич** – н.с. Отдела археологии Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АН Абхазии, (г. Сухум, Республика Абхазия).
- Цвинария Игорь Иванович** – кандидат исторических наук, заведующий Отделом археологии Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АН Абхазии (г. Сухум, Республика Абхазия).
- Шаров Олег Васильевич** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела археологии эпохи великого переселения народов и раннего средневековья Института археологии РАН (г. Москва, Российская Федерация). **Email: poplevko@yandex.ru**

МЕЖДУНАРОДНАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
КАВКАЗА»

(I тыс. до н.э. – середина I тыс. н.э.),
ПОСВЯЩЁННАЯ 85-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВИДНОГО
АРХЕОЛОГА-КАВКАЗОВЕДА Г.К. ШАМБА

Редактор **Пачулия Л.С.**
Корректор **Габуня М.Д.**
Компьютерный набор **Чамагуа Л.Р.**
Компьютерная верстка **Гунба Н.Г.**
Технический редактор **Гунба Н.Г.**

Формат 60x84 1/16. Тираж 300. Физ. печ. л. 9,5. Заказ № 62.

 Республика Абхазия.
РУП «Дом печати»,
г. Сухум, Эшба, 168.